

КГКУ «Алтайская краевая детская библиотека
им. Н. К. Крупской»

Данил Родионов

За вуалью сказки

Книга 1

Барнаул

2012

ББК 84
Р605

Иллюстрации автора

Редактор Л. В. Санкина

Родионов, Данил

Р605 За вуалью сказки / Д. Родионов ; ил. Д. Родионова ;
КГКУ «Алт. краев. дет. б-ка им. Н.К. Крупской». – Бар-
наул, 2012. – 115 с. : [2] л. цв. ил.

ББК 84

Автор ненавязчиво вплетает в сказочный мир мотивы славянской и кельтской мифологии, современной реальности. За таинственной вуалью легко угадываются знакомые с детства персонажи Кощея Бессмертного, Бабы Яги, Василисы Премудрой.

© Родионов Данил, 2011
© КГКУ «Алтайская краевая детская библиотека
им. Н. К. Крупской», 2012

Часть 1

Васёна и все-все-все

Глава 1

Вета слушает...

С чего бы начать? «...Желательно с начала!» – порекомендовал Король Белому Кролику и был, безусловно, прав!

Вета слушала... Вернее, старалась. Старалась зевать не очень заметно. Низкий и по-своему красивый голос почему-то убаюкивал. Хоть и не было в нём даже намёка на монотонность...

Начало – это темнота! Миллиарды лет тьмы и пустоты. Вечность. А потом – Вздох и Слово. Так появился Мир, всё сущее – дыхание и мысль Творца. Его Слово облекло плотью всё, что должно было стать осязаемым. Его Вздох наделил жизнью всё, что должно было ожить.

И был создан Человек. По образу и подобию Творца своего. То есть был он наделён толикой Его силы.

Тут-то и начинается, собственно, наша сказка. Или история? Ибо зачастую понятия эти неразделимы. Не ведает, что творит человек при каждом своём шаге. Если чувствует, что есть сила отнять – отнимает. Может сломать – ломает. В силах убить – убивает. И давно бы прекратил существовать первозданный мир, если бы не одно «но» – при каждом шаге, вздохе, мысли, какими бы они ни были, создаёт человек новый, ранее никому неизвестный мир. И уходит всё дальше и дальше. Нет, не мир, конечно, он создаёт. Только иллюзорную копию того мира, что его окружает. Почти копию. Отличающуюся лишь на мысль, шаг, вздох. И в этом новом мире – кому-то больно, а кому-то радостно. Кто-то улыбается, кто-то плачет. Кто-то рождается или наоборот.

...Взгляд учителя упёрся в девочку, и словно мороз коснулся кожи. Вета тряхнула головой и захлопала длинными ресницами с такой силой, что, будь они наклеенными, тут же бы отвалились. Впрочем, демонстрировать естественность Вета не собиралась. Ей и так слыш-

ком часто приходилось это делать по требованию учителей и администрации. На первых порах чуть ли не каждый день её выгоняли из класса умыться. И никакие заверения в том, что она не красится, не помогали. Эх, видели бы они её на паркете... Кстати, потом увидели и очень даже ею гордились. Ни один школьный праздник теперь без её выступления уже не обходится. Вета потупилась, постукивая ноготком по парте в темпе румбы – четверть сотни ударов в минуту. Не заснуть бы... когда звонок-то? И кто её дёрнул записаться на этот электив... Ведомо кто... Вета недобро сверкнула глазами в сторону Женьки и Маринки... «Ах, там такой учитель, прям вылитый Брайн Остин Грин! Что он в нашей школе забыл!» В общем, глянуть было интересно, да и название предмета звучало халявно, хоть и странно: «Сказка как способ формирования миров». Это потом уже до Веты дошло, что просто слово «мировоззрения» в название полностью не влезло. Ну и ладно... от полноты слов смысл не меняется... Всё равно скучно. А это лишь первый урок. Что ж дальше-то будет?

Голос учителя набирал силу.

И, казалось бы, понятно, что делающий шаг человек должен нести ответственность за тот мир, который создаёт. Но, увы... Люди забыли, какой силой они наделены. Что означает «быть сотворённым по образу и подобию Создателя».

Бездумно творят люди бесчисленное количество мирков – злых, пустых, скучных, глупых. Да других и не могут, потому что сами таковы. Лишь на тысячу таких выпадает один цветной, искрящийся и счастливый.

И все эти сотворённые мирки накладываются друг на друга, сталкиваются, перемешиваются. И уже не отличить, где какой и где чей. В своём ли ты мире или рядом кто-то вздохнул, сделал шаг и ты оказался в чужом и меняешь уже его, как только что изменили твой. И всё дальше и дальше с каждым мгновением своего существования извилистыми закоулками собственных миров уходят люди от того единственного Первозданного Мира, сотворённого Всевышним.

«Почему же мы не видим всех этих миров?» – спросите вы.

Мы видим. И путешествуем. Порой по сотне раз на дню. Но беда в том, что человек не может осмыслить то, чего не ведаёт. Не может и сотворить. Потому-то один мир так похож на другой. И чтобы почувствовать отличие, нужно пройти сквозь миллиарды миллиардов

миров или... сделать шаг в сторону, а не вперёд. Некоторые могут и так. Но вот добром это, как правило, не заканчивается.

Да, миры все похожи, как снежинки в снегопаде. Но, как и снежинки, они никогда не бывают абсолютно одинаковыми. Но вы ведь не смотрите на них. Вы видите только снегопад. И поэтому-то и кажется вам, что живёте вы в одном «вашем» мире. Но это ещё полбеды. Самое страшное в том, что в этом «вашем» мире с вами вынуждены жить и другие. И умирать. Потому что созданы они иначе, не так как вы. Но они, как и вы, чувствуют боль, страх, Они как и вы – живые. И такими же хотят остаться. Но, в отличие от вас, не могут ничего изменить. У них нет свободы выбора. Животные, растения и... иные. Те, кто когда-то жил с вами рядом, были соседями, зачастую опасными, теперь почти исчезли из «вашего» мира. Стёрты, «застираны», как раздражающее пятнышко на новом платье. 250 миллионов лет на побережье Средиземного моря жили черепахи. В прошлом веке их осталось всего 5 тысяч. Сегодня 200 штук. Ваша «Красная книга» – красивый многотомный некролог. Подписанный приговор. И одновременно обвинительный акт против вас же самих. Да, кому-то повезло. И, может быть, в далёких-далёких, забытых, недостижимых мирах, ныне мёртвые, вычеркнутые вами существа нашли себе пристанище, и лишь изредка ветер странствий заносит их в привычную вам реальность. В ваш снежный ком. И тогда моряки видят исчезнувшую столетия назад стеллерову корову или, быть может, это морская дева машет им хвостом с гребня морской волны?

Вета потянулась. Мышцы слегка затекли. Ну не могла она 40 минут без движения! Ещё раз присмотрелась к учителю. Старый. Лет тридцать пять, а то и больше. Помятый какой-то, усталый. Бледный и глаза как у змеюки. Пугающие. Сестра Васёнка её недавно со сказками про инеистых великанов доставала, так вот, у них взгляд, наверное, такой же. Холодный и мёртвый, как у замороженного мамонта. Да и сам он на мамонта похож: огромный, широкоплечий, даже бесформенный свитер их не прячет и... нечёсанный какой-то. Будто не понимает, что в школу пришёл. Саму Вету за её непослушную гриву шпыняли постоянно. А этот ничего, учительствует... ну и никакой, конечно, не Брайн Остин. Хотя... если снять дурацкие очки, да одеть... в одном девчонки правы – откуда он здесь такой взялся – неясно. Вета снова прикрыла глаза. Ничего особенного. Лучше чертёжника, и ладно. А сильный глубокий голос продолжал убаюкивать...

Вернёмся к нашей истории или сказке. Давно это было. Или далеко. За много столетий, ну или миров отсюда. Тогда люди ещё помнили, что не одиноки, верили в волшебство и худо-бедно, но уживались с соседями. Ведомо им было, что не стоит работать в поле в послеполуденный зной, а то не избежать встречи с хозяйкой нивы Полуденницей, как не стоит и заходить в баню, после того, как стемнеет, а то ещё обварит кипятком потревоженная Обдериша. Много чего знали люди. А теперь позабыли и стали всё придумывать заново. Ведь коли не помнишь, так, может, ничего и не было? Так ведь? Но остались сказки. И порой их бывает достаточно, чтоб где-то глубоко внутри вдруг что-то встрепенулось. Поэтому пусть будет сказка. О прекрасной Королеве, злом чародее и благородном рыцаре. И, конечно, о любви. Только вот начинается она необычно. Да и заканчивается тоже. Хотя... Может и не заканчивается? Кто знает? Нам неизвестно.

Бывает ли у сказки конец? И что такое – конец сказки? Может быть, реальность? Тот шаг, что отделяет один мир от другого? Когда добро вдруг незаметно оборачивается злом, правда – ложью, и в итоге хорошее становится плохим и наоборот. Да, наверное, тогда и заканчивается сказка. И будет ли в ней поставлена финальная точка, зависит не от рассказчика. От вас! От того, что вы сделаете завтра, послезавтра, послепослезавтра, когда пойдёте в садик, в школу, на работу. Отберёте ли игрушку, обманете, украдёте... Убьёте ли вы сказку, перечеркнув написанные кем-то страницы или продолжите этот труд? Добавьте ли крошечный, но яркий, переливающийся добротой и радостью, дарующий тепло и свет шарик – мир. Вашу собственную сказку!

Вы достаточно смелы, умны, добры? Сделаете шаг? Поверите в сказку? Слышите? Скрипнула дверца... манит темнота норы. Не в неё ли протиснулась когда-то маленькая Алиса. А вы? Шагнёте? Нарисуете новый мир?

ГЛАВА 2

Васёна рисует

Васёна рисовала. Не потому, что ей очень уж хотелось, а потому что её попросили. Тощий дядечка в очках, сидевший за столом напротив, сказал, что маме с папой будет очень приятно, если Васёна их нарисует. И Васёна рисовала. Не только их, но ещё и себя, и сестру Виолетту, и Васятку Иванова, с которым вместе ходила в садик. Получалось не очень красиво. Васёна злилась. Она то и дело оглядывалась на маму, на папу. Те сидели на диванчике в углу комнаты тихо, словно нашкодившие ребятишки, которых наказали. Девочка хихикнула и нарисовала маме косичку, так чтобы казалось, будто папа за неё дёргает. Потом вспомнила, как познакомилась с Васяткой, как было больно и обидно, когда ей самой вцепились в волосы. В тот день Васёна впервые пришла в новый садик. Вернее она пришла с мамой, но маме сказали, чтоб она уходила, а Васёну провели в группу и попросили назвать своё имя.

– Вася, – ответила девочка, потому что «Василиса», во-первых, длинно и многие выговорить не сумеют (так уже прошлый раз было), а во-вторых, опять начнут дразнить – «Лиса–крыса!»

Воспитательница улыбнулась. Дети засмеялись. Васёна удивленно заморгала и оглянулась по сторонам.

– Врёт она! – вперёд шагнул рыжеватый мальчишка. – Она – девочка! – Он презрительно сморщил усыпанный конопушками нос, а Вася – это я! Это не девчоночье имя! Оно моё!

– Я никогда не вру! – тихо проговорила Васёна, – а ты – глупый. Каждое имя что-то значит и не может быть только твоим.

– Я не глупый! Я – Вася!!! – вдруг завопил рыжий и изо всей силы вцепился девочке в волосы.

Воспитательница вскрикнула, а из глаз Васёны невольно брызнули слёзы.

Да, Васёна была девочкой. Но девочкой не совсем обычной. Не случайно её имя значило – «царица». (Давным-давно в далёкой стране правили цари, которых называли – василевсы. Так вот, были они мудрыми, сильными и никогда не плакали. По крайней мере, так думала Васёна и очень старалась походить на них, этих древних смелых вождей). Васёна тоже никогда не плакала. Ну, почти. Только если

никто не видит. А ещё она не спускала обиды. Поэтому Васёна, хоть и было ей очень больно, сжала кулачки и...

Никто не знает, что бы могло произойти. Вероятнее всего, Васёне снова пришлось бы называть своё имя перед другой группой в другом садике, но... Вперёд шагнул невысокий темноволосый мальчик в очках и с полной кружкой воды в руках. Видимо, он собирался полить цветы на подоконнике в тот момент, когда Васёну привели знакомиться. И вот. Он сделал шаг вперёд, а затем спокойно и даже неторопливо вылил всю свою кружку на голову рыжему.

– А-а-а! – тот подпрыгнул, моментально выпустил волосы девочки и развернулся к новому противнику, но на сей раз воспитательница оказалась проворней и успела подхватить мальчишку на руки.

– Это не твоё имя, – абсолютно не повышая голоса, произнёс темноволосый, глядя снизу вверх на своего вырывающегося соперника, – тебя зовут Гервасий. Гервасий Потапенко. А её... – Васёна заметила, как мальчик покраснел, бросив быстрый взгляд в её сторону, – а её – Василиса. Как прекрасную царевну из сказки.

– Я Вася!!! А ты... ты... – заходился воплем рыжий.

– Я тоже Вася, – темноволосый поправил очки и немного смущённо улыбнулся. Васёна не сразу поняла, что обращается он уже к ней – Василь Иванов. Но тут зовут меня все Вася Иванов. Или проще – Васятой. Не обижайся на Гервасю, его часто дразнили. Лучше пойдём, я покажу тебе цветок, который сегодня посадил. Если хочешь, он теперь будет наш, – и мальчик протянул ей руку.

Так Васёна сейчас и рисовала: вот она в голубеньком платьице, с бантиком, который развязался, а рядом, за руку с ней, Васята со своей кружкой для поливки. А тут же, только чуть позади, и цветок. Пока он был таким маленьким, что в горшке его даже не видно. Но Васёна знала, что он будет большим и красивым-красивым, поэтому его так и нарисовала.

Девочка старалась, а дядечка в очках то и дело поглядывал на часы и крутил в пальцах ручку. Васёна подумала, что ему, наверное, очень скучно. Она уж хотела предложить порисовать вместе, но не стала. Подумала, что дядечка рисунок только испортит, и так-то выходило не очень красивенько. В том, что дядя рисовать совсем не умеет, Васёна была почему-то уверена. И вообще, дядя не просто скучал, он был скучный. До этого он ей показывал какие-то скучные палочки, кружочки, квадратики и просил выбрать, переставить, дорисо-

вать. Или задавал странные вопросы, а потом хмурился так озадаченно, будто спрашивали его самого, а он не знал ответа.

Например, спросил, сколько углов останется у треугольника, если один уголок отрезать. Васёна засмеялась и сказала, что ни одного. Дядя нахмурился, покачал головой и что-то почиркал в своей тетрадке. Васёна представила, что он бы мог нарисовать. Как маленький Треугольник на тоненьких ножках бежит по листочку, а за ним гонятся, размахивая ножами, неповоротливые кособокие четырёхугольники, которые тоже раньше были треугольниками, но их поймали и отрезали по уголку. Поэтому они стали теперь такие злые. Васёне стало их так жалко, что она пообещала себе, что когда придёт домой, обязательно нарисует им уголки обратно.

А любопытный дяденька всё не отставал: попросил нарисовать всех–всех–всех своих близких, и чтоб было понятно, кто есть кто. Вот Васёна и старалась. Задание оказалось непростым. Девочке действительно пришлось задуматься. Нет, то, что мама – это мама, папа – это папа, Вета – это Вета, было понятно сразу. Но вот как нарисовать то, что папа – бывший военный врач, а мама учит взрослых дяденек и тётенок и на занятиях с ними читает детские сказки и книжки, которые Васёна чуть ли не наизусть знает? Или что Виолетта почти не учится, а только танцует и зазнаётся, потому что в этом году может добраться до какой-то буквы «С»?

Васёна немножко подумала и нарисовала папе халат, а в руке ножик, потому что папа разрезал людей, ставил у них всё на место, выковыривал пули, а потом зашивал обратно. Ещё Васёна вспомнила, как папа рассказывал ей про особый знак врачей – чашу со змеей. Змей Васёна не любила и боялась, поэтому нарисовала одну чашу без змеи у папы под мышкой, потому что обе руки у него уже были заняты. Девочка удовлетворённо хрюкнула и перешла к маме.

Тут всё оказалось намного сложнее. Васёна не понимала смысл маминной работы и знала только, что она работает в университете и учит взрослых, которые сами потом будут учить других взрослых, но она не учительница. Почему маме сразу не учить тех, кого собираются учить они, было совершенно не понятно. Да и вообще взрослые любят придумывать всякие сложные сложности, Васёна к этому постепенно привыкла и объяснить что-то папе с мамой уже не пыталась. Всё равно не поймут. В общем, как нарисовать такую работу, Васёна придумать не смогла. Нарисовала маме указку (как можно учить без указки) и этим решила ограничиться и заняться Ветой, тем

более дядя в очках поглядывал на её рисунок и всё больше нервничал.

Ну, с Веткой было куда проще. Бальные танцы значили для неё почти всё. Она тренировалась по несколько часов пять раз в неделю. Её мальчик, то есть «кавалер», как он называется там у них на танцах, был на полтора года старше её, и Ветка ужасно зазнавалась от того, что танцует «почти как взрослая». Ей завидовали подружки, одноклассницы и просто знакомые девчонки. Завидовала даже Васёна, потому что понимала – есть чему. Дома, на улице, в школе Ветка была обычной, но на выступлениях – просто захватывало дух. Поэтому Васёна даже не задумывалась, какой рисовать Вету. Конечно, в танце и со своим кавалером. В её любимой, так называемой, латинской программе. Васёна не очень понимала, что это значит, зато знала, как выглядит и, высунув язычок, прорисовывала всё в подробностях. Старалась не забыть ни одной детальки, которыми так гордилась Ветка: открытое платье, расшитое камушками, макияж ярче, чем у мамы, босоножки на высоких каблуках, стоившие дороже, чем вся Васёнина обувь вместе взятая.

Да! Вета получилась красивая! Ей очень понравится. Васёна даже вспомнила, как называется танец, который она рисовала – румба! Вспомнила и движения – изящно откинуться в руках своего кавалера, вытянуть ножку, как их учили. Васёна иногда ходила с Ветой на занятия. Мама собиралась в этом году, как только Васёна поступит в школу, тоже отдать её на танцы. Но сама Васёна ещё не решила. Потому что Васята танцевать не умел, а никаких других «кавалеров» Васёна не хотела.

– Всё?– наконец не выдержал дяденька в очках, – закончила? А то прямо, как художница, столько времени потратила.

– Да, – кивнула Васёна, разворачивая рисунок, – закончила. Правда, не очень красивенько. Я волновалась немножко. Дома бы лучше вышло. Вы приходите к нам, я покажу...

Но дяденька уже смотрел и так. Он почему-то побледнел и снял очки. Потом снова надел. И опять снял.

– Василиса, это твоя семья?

– Да, конечно!

– Это твой папа с ножом?

– Ага.

– А это–сестра?

– Да. Ветка. Красивенькая?

- Прости, а с ней кто?
- Её кавалер. Он постарше и красивый. Другие хуже были.
- К-кавалер?– дядечка почему-то запнулся... – д-другие? Напомни, пожалуйста, а сколько лет твоей сестре?
- Ну, этот вопросик был уж совсем лёгкий.
- Двенадцать. Правда, сама Вета всегда говорит, что почти тринадцать, но ведь «почти» не считается (чуть позже, когда Васёна разговаривала с Ветой, она выяснила, что в танцах, как раз «почти» и считается, но в тот момент она этого не знала). Не знал и дядя, потому что пробормотал:
- Не считается... конечно, не считается, – промокнул лоб салфеткой, снова нацепив очки, как-то странно взглянул на маму с папой, притихших в углу.
- Василиса, – наконец, проговорил он, – я немножко поговорю с твоей мамой? А вы с папой поиграйте в коридоре, ладно?
- Я картинку заберу, можно? Покажу Васяте. Потом Ветке.
- Нет! – дядя быстро положил на неё ладонь, будто Васена собиралась схватить листок и убежать, – нет. Я хотел, чтобы сначала твоя мама посмотрела на неё. Вместе со мной.
- Ну ладно, – махнула ручкой Васёна, – ей тоже понравится! Только потом не забудьте отдать её маме! – девочка повернулась и направилась к двери, у которой её ждали родители.
- Ты умничка! – шепнула мама и нежно поцеловала Васёну в ушко.
- Молодец, малыш! – папа потрепал её по волосам и взял за руку. – Были такие вопросы, что и я бы растерялся. Я горжусь тобой, котёнок. Ну, пойдём, подождём маму, а ты мне пока расскажешь, что же ты там такого интересненького нарисовала...

ГЛАВА 3

Большая перемена

– Гостемирова. Виолетта? Я прав? Задержитесь, пожалуйста...

– Но я ничего не делала!

– Именно поэтому, – он снял очки, и его взгляд, точно нож из скифских курганов, обжёг каким-то древним потусторонним холодом, но уже с золотыми крапинками тепла. – Вы не слушали. Вам было неинтересно. Скучно.

Не вопрос. Утверждение.

Вета не отвела глаз. Кивнула.

– Понимаете, я уже взрослая. Я не верю в параллельные миры, во всякую бесовщину, ни в русалок, ни в коров. Стерильные они там или нет.

– Стеллеровы... – а улыбка у него была приятная.

– Стеллеровы, – повторила Вета, – как бы там ни было. Всё равно не верю. Они вымерли, мы живём. Меня это устраивает. А из сказок я выросла. Да и забыла их уже все. Вот сестра моя мелкая их пока ещё любит, читает. А мне некогда. Простите, если резко говорю. Вы только не обижайтесь! Вы очень хорошо рассказываете, – внезапно добавила девочка, – это просто мне неинтересно.

Он поднялся на ноги, и Вета вдруг почувствовала, что совсем ещё не взрослая. Ну вот абсолютно.

– Фиалка... Имя красивое, но вам не совсем подходит. Можно я буду называть вас Летой?

Виолетта не видела лица, но чувствовала, что улыбки на нём уже нет. Девочка тоже взглянула в окно, проследив за взглядом учителя. Серый котёнок, примостившись у школьного забора, сосредоточенно вылизывал лапу, то и дело бросая взгляд на громоздкое здание лица. Словно поджидал кого-то.

– Забвение... Дар или наказание? Скорее судьба...

Вета недоумённо захлопала ресницами.

– Тропинка в сказку пролегает через пустоту. Вы задумывались, почему? Почему Кроличья нора манит чернотой оскала, и улыбку Чеширского Кота можно увидеть, лишь шагнув в бездну? Почему дверь платяного шкафа всегда кто-нибудь захлопнет и не знаешь, чего коснутся пальцы в следующий миг? Не потому ли, что нужно пройти испытание, некий обряд инициации, что сказка принимает лишь достой-

ных? Как Рай, как Вальгалла, – в голосе учителя послышалась затаённая боль, – хочется верить, что валькирия протянет тебе руку и поцелует. Необходимо верить. А поцелуй – это ведь не страшно. Страшно другое – знать, что ничего не будет, что пальцы ткнутся в деревянную стенку, что под ногой скрипнет шарик нафталина, а не снег Нарнии. Что мы уже забыли дорогу и не можем вернуться, и путь только один – домой. Что мы – повзрослели!

Внезапно он повернулся к Вете, и девочка чуть не отшатнулась...

– Вы хотите повзрослеть? Но помните, что чёрная дыра кроличьей норы сохраняет все свойства своей космической сестры. Она притягивает и не отпускает. Никогда. Если ты приблизился, – остриё скифского могильного кинжала вновь метнулось от глаз Веты к оконному стеклу, голос стал тише:

– И только наша вина, что Волшебная Страна стала для нас слишком маленькой, и мы уже не можем пролезть вслед за Кроликом. По разным причинам, ведь все мы разные. Кто-то из-за потолстевшего живота, а кто-то из-за туго набитого кошелька в заднем кармане брюк, с которым он сросся уже органически. Иной же – из-за распухшей головы, также туго набитой никчёмными знаниями, зачастую ещё более никчёмными, чем нелепые бумажки в кошельке. Как бы то ни было, причины у всех разные. А итог, как правило, – один. Под рукой всегда находится пузырьёк с манящей надписью – «выпей меня». Вот только действие почему-то иное... и остаётся только ломать ногти, царапая землю или биться головой о заднюю стенку платяного шкафа. Или... – он снова повернулся к Вете и заглянул ей в глаза, – или рассказать сказку другим, тем, кто ещё слушает, кто умеет прощать, кто хочет верить. И тогда, может быть, нам позволят вернуться. Нам помогут. Возьмут за руку и проведут той дорогой, о которой мы успели забыть или никогда не знали. Но какой будет эта сказка для нас и наших маленьких провожатых? Доброй? Хотелось бы верить, потому что иначе и не стоило ничего затевать. Ей богу, не стоило...

– Я понимаю, о чём Вы говорите, я не глупая, но ведь сказки – это всего лишь сказки! Например, эльфы. Все с ними носятся. В играх, в фильмах, а их и нет вовсе! Ни фей, ни эльфов. Как сказка может изменить нашу жизнь? На что нужны эти эльфы?

– Может быть, Вы и правы. Никаких фей. Никаких эльфов. Я понимаю, что отнимаю Ваше время, Вам, наверное, нужно в столовую?

– Нет-нет, – мотнула головой девочка (о том, что на носу соревнования и ей, по возможности, нужно избегать картошки и котлет, Вета упоминать не стала).

– Тогда послушайте, пожалуйста одну историю. Она короткая. Представьте себе картину из мира взрослых:

– Света, взрослым надо поговорить! Возьми фломастеры и порисуй, зря их купили что ли?! – и мы отворачиваемся от распахнувшейся двери...

Девочка опускает голову, делает несколько шагов и забирается в кресло. Берёт альбом и...

Зашелестит ли зелёная дубрава, улыбнётся ли Солнышко, отталкивая мягкими лучами облачко в синеву неба... Или серым холодом надгробья дохнут нарисованные стены знакомого дома...

Сгорбленный высохший вяз, казалось, тянет узловатые руки, чтоб опереться на молодые деревца, но те в страхе отшатнулись, тесно прижавшись друг к другу, освободив небольшую полянку в непролазной чащобе. Невозможно поверить, что когда-то здесь был перекрёсток дорог.

Но если бы у кого-то появилось желание разодрать одежду, руки и лицо, он мог бы поискать среди колючего кустарника (но это не значит, что нашёл бы) старый полусгнивший указатель, теперь уже покосившимся могильным крестом отмечающий место былой значимости. Буквы разобрать вряд ли бы удалось, но догадаться, куда он показывал, было несложно: за деревьями возвышается громадное мрачное строение. Груда кирпича и камня с зарешечёнными пустыми глазницами окон. Трудно поверить, что кто-то обитает в этой постройке: слишком уж давящий и гнетущий вид у прямоугольного потрескавшегося массива. Первое, что приходит в голову – склеп. Какое-то чудовищное существо покоится за этими стенами. Боль, страх и одиночество серым туманом окутывает всё вокруг. Так что крест-указатель приходится весьма к месту. Ещё более уместен полуистлевший обрывок верёвки, слабо покачивающийся в скрюченных лапах старого вяза, невольно заставляющий вспомнить рассказы о перекрёстках и неприкаянных душах их обитателей... Кстати, одно из таких существ и копошится в корнях умирающего дерева.

Пугаться не стоит, ибо «одно» – это ключевое слово. Но что делает одна маленькая лохматая девочка в столь странном месте – этот вопрос возник бы наверняка у любого. Возник он и у девушки,

удивлённо застывшей на краю полянки. Вопрос же, что делает девушка одна в столь странном месте, пока оставим без внимания.

– Грустно... ты не хочешь со мной поиграть? – малышка поднимает головку, и огромные глаза заставляют девушку выступит из тени. – Давай поиграем в прятки? Хоть ты и не очень хорошо прячешься. Я тебя сразу увидела.

– Я? – улыбается девушка, – я плохо прячусь? Вот уж не ожидала когда-нибудь услышать такое да ещё от... – она внезапно замолкает. – У тебя есть имя, малыш?

– Меня зовут Светлячок, – неохотно отвечает грязнуля, – а имя спрашивать нехорошо. Если кто-то знает твоё имя, он может тебя заколдовать! Вот! Хе... Ты такая большая, а этого не знаешь. Вот скажи мне своё имя?

Девушка вздрагивает и торопливо произносит:

– Но что ты делаешь тут одна? Где ты живёшь?

Светлячок неопределённо машет рукой, то ли показывая направление, то ли попросту отмахиваясь от скучного вопроса.

– Я жду!

– Ждешь? Кого?

– Эльфов...

– Эльфов... малыш, но эльфов не бывает.

– Хе! Ещё чего! Погляди сюда! – малышка вскакивает на ноги, – видишь эту полянку? Смотри: по всему кругу растут грибы-поганки да мухоморы! Я её нашла! Я читала, читала, читала... и вот вдруг нашла! Это ведьмин круг!!! И сюда обязательно придут эльфы!!! И будут танцевать! И я тоже буду! Они позовут меня!

– Но... девушка подходит поближе и приседает на корточки, – ты ведь знаешь, что эльфы, воруют детей?

– Хе,– Светлячок заливается смехом. А говорила, что эльфов нет... – и вдруг, тихо-тихо добавляет. – Я и хочу, чтоб меня забрали. Знаешь, они живут в холмах и выходят по ночам. Но я не могу дождаться ночи, меня всегда ловят и возвращают назад.

– Куда?

Девочка вновь повторяет свой неопределённый жест:

– Но я знаю, что когда-нибудь всё равно их увижу... увижу и попрошу забрать меня с собой в свою страну, где весело, а не грустно, где всегда танцуют, поют и смеются.

– Малыш, ты плачешь? – девушка нежно разводит в стороны спутанные волосы и заглядывает крошке в глаза, – а знаешь, что такие спутанные пряди, как у тебя, называются «локоном эльфа»?

– Не-а... это значит, я тоже... эльф?

– Нет, это значит, что к тебе по ночам приходит какой-нибудь эльф-проказник и заплетает такие косички – тонкие пальцы девушки быстро распутывают нечесаную гриву. – У тебя роскошные волосы, Светлячок.

– А... может, я всё-таки эльфа? У меня нет мамы и папы нет... К другим приходят, а меня... меня не хотят брать, – девочка шмыгает носом, – говорят, я всегда грязная... Может... может меня подбросили? Я читала!!! Поэтому я и жду эльфов на этой полянке. Мама меня узнает! Обязательно узнает, когда я буду танцевать – смотри!

Девочка быстро вскакивает и кружит по полянке, взметая старую пожухлую листву. Под ногой хрустит сучок. Светлячок вскрикивает и... падает в руки незнакомки.

– Ух ты... ты быстрая... я думала, стукнусь, меня опять накажут. Я сейчас ещё попробую. Я правда здорово танцую? Просто... просто голова немножко закружилась... мне бы поесть чуть-чуть...

– Я верю, Светлячок, – в глазах девушки стоят слёзы – верю!

– Забери меня, мама, – вдруг тихо шепчет девочка, – я знаю, кто ты! Позови меня танцевать! Я хорошо танцую... Забери...

– Да. Малыш... сейчас мы станцуем...

– Ах, вот ты где, несносная девчонка! – что было громче и страшнее – голос или хруст ломающихся веток – неизвестно. Суровая женщина в мешковатом костюме медведицей вываливается на поляну. – Чумазая, а ещё к людям пристаёшь! Ну-ка, быстро в столовую! Простите её, она хулиганка, за ней глаз да глаз нужен. Вечно удрать хочет. Надеюсь, она Вам не досаждала! А Вы к кому, собственно приехали? Это Ваша машина у интерната?

– Нет, не моя, – девушка поднимается на ноги, – я без машины, а Светлячок – не хулиганка, и она прекрасно танцует.

Женщина не слушает и уже тащит девочку за собой. Та не сопротивляется... только огромные глаза неотрывно смотрят на девушку и беззвучно шевелятся губы: «Мама...забери...» Из грязного платица вываливается смятый листок распечатанной бумаги. Девушка поднимает его, разворачивает: «Мне говорили, что это случилось далеко на западе – появился небольшой круг из поганок. Внутри его нашли мертвую девочку. Место объявили проклятым. Круг стал быстро рас-

ти, и через несколько месяцев уже был в целую лигу. Внутри кольца трава потемнела и стала блестящей, как металл, но не погибла. Деревья скрючились, их листья померкли. Они гремели, даже если не было ветра, и летучие мыши плясали и метались меж ними. В сумерках там бродили странные тени – но всегда внутри Круга, и какие-то огоньки, словно небольшие костры, горели там по ночам». И ниже корявым детским почерком приписано: «эльфы»

... – Света, ты возвращаешься домой, так получилось, прости, пожалуйста... фломастеры можешь оставить себе.

Листочек с улыбающимся солнышком скользит со стола на пол. Света возвращается. Её ждёт дом. Детский дом № 2. Со старым скрюченным вязом во дворе. И никаких эльфов...

А теперь беги, Фиалка, скоро звонок. И если уж не веришь в сказки, то не верь вовсе. Может быть, тебе это и поможет.

– Подождите! – Вета схватила учителя за рукав, словно боялась, что её сейчас оттолкнут или утащат из класса, – эта девушка она... она была эльфийкой. Феей?

– Большая перемена... Фей не существует, Вы забыли? Есть только их имена, например у вас, Фиалка. Сейчас будет звонок. Вы рискуете опоздать, Лета.

– Куда?

– На следующий урок, конечно же. Куда ещё в Вашем возрасте Вы можете опоздать...

Глава 4

«Мама, папа, Вета, я – умникальная семья!»

– И он! Этот... лемур застольный, выразил сомнения, а хорошо ли я воспитываю детей? И есть ли в семье для этого возможности!!! – мама топнула ногой с такой силой, что ещё чуть-чуть бы, и её острый каблучок выбил из асфальта искры. Васёна не часто видела маму такой и боялась попасть под горячую руку. А то ещё не отпустит гулять, и Васята напрасно будет ждать во дворе. Поэтому девочка покрепче ухватила папу за шею и постаралась не вступать с вопросами о том, чем же так расстроил маму дядечка в очках.

– Нет, ты представляешь! – бушевала мама, – он спросил меня, знаю ли я, как проводит свободное время моя старшая дочь. И с кем она его проводит!!!

– Милая, ну успокойся. Всё ведь разрешилось. Я понимаю тебя. Но немножко понимаю и его. Но лучше всего – нашу Лисёнку! – он подкинул её в воздух и усадил к себе на шею. Васёна завизжала от удовольствия. Но маму в таком состоянии двумя словами было не успокоить.

– Он спросил, не нужна ли мне помощь!!! Много ли ты выпиваешь и как часто ты меня... – она осеклась, встретившись взглядом с Васёной, и закончила гораздо тише, – часто ли мы с тобой дерёмся. Представляешь?

Папа чуть заметно улыбнулся.

– Ну не бери в голову, любимая, ты же видела творение нашей маленькой художницы? И мы, собравшись все втроём, смогли объяснить, что к чему этому очкастому дяде. Да, Васёнка-бесёнка?

– Ага, – кивнула Васёна, – и он назвал меня «умникальной девочкой». А что это значит? Что я умненькая и меня возьмут в школу?

Мама рассмеялась.

– Это значит, что ты *очень* умненькая! Уникально-умникальная!

– А ещё он сказал, – продолжила Васёна, – что я «одарённая»! Это значит, что мне что-нибудь подарят?

– Это значит, – улыбнулся папа, – что тебе уже подарили и очень много. И не только тебе. Нам всем!

– Вам? – изумилась Васёна, – я – умненькая, я, а подарили вам? Мне вот никто ничего не подарил... А вам – что?

– Тебя.

– Меня? Подарили? – Васёна чуть сдвинула брови. Она всегда так делала, пытаюсь понять что-то непонятное. Взрослое. – А я думала, что раньше жила у мамы в животике. А потом родилась.

Мама с папой переглянулись, и мама нежно взяла Васёну за руку:

– Именно, Лисёнок. Об этом папа и говорит. Это и есть тот великий подарок – твоё рождение.

– А кто вам меня подарил?

– Бог, – очень тихо и серьёзно ответил папа, – только Он дарит такие щедрые подарки.

– И Вету?

– И Вету, – кивнула мама.

– И всех-всех-всех детей в мире? – И даже сам мир, – проговорил папа, – и не только наш.

– А есть и другие?

– Безусловно, есть. Взгляни на звёзды. Ты же знаешь, Лиса, что наше Солнце – только одна из них. А мы... Мы просто очень многое не знаем.

Васёна на минутку задумалась и представила себе огромный-преогромный мешок, наполненный мирами – подарками.

– Ой, – вздохнула она, – как же будет сложно найти свой подарок, если вдруг перепутаешь и заберёшься в чужой мир.

Мама засмеялась, а папа подмигнул и заметил:

– Вот поэтому-то расти умной и гляди в оба. Изучай его хорошенько, чтобы всегда смогла узнать и не спутать с каким-нибудь другим, если вдруг что. Учись, моя девочка и ты станешь прекрасной королевой своего собственного мира.

– Прекраснее меня? – раздался за спиной звонкий голос, – это вряд ли. И если я захочу быть королевой, тебе, Васька, ничего не светит. Мир-то у нас с тобой один. Привет, па! Привет, ма! Ну, Лиска, как твой первый конкурс? Вышла в финал?

– Привет, Ветик! Ну и будь на здоровье королевой, а я и так – умненькая и подаренная! Ой. Нет – одарённая!

– Вот бы уж не сказала, – засмеялась Виолетта, – ты ещё тот «подарочек»! А королевой – да! Хочу быть королевой!

Васёна сидела высоко и глядела далеко, поэтому только она заметила, как перебежавший дорогу серый котёнок, с рыжеватым, нет, скорее с золотистым пятнышком на лбу, вдруг замер и повернул мордочку к девочкам. Казалось, он смотрит на них с каким-то странным любопытством, будто изучая. Васёна любила котят (а дома её дожи-

дался Северьян, самодовольный сиамский красавец), но сейчас ей стало немножко не по себе. Котёнок же тем временем внезапно развернулся и засеменил назад к модному магазинчику, к витрине которого так часто прилипала Ветка, заморожено рассматривая туфли. Сверкнула зеркальная дверь, в проёме появилась стройная продавщица. «Завлекалка», как однажды назвала её мама, «ходячая реклама бутика». Котёнок прильнул к загорелым ногам. Начал тереться мордочкой. Видимо, опасаясь за состояние отделанных камушками босоножек, девушка подхватила его на руки и погладила за ухом. Заметив взгляд Васёны, она приветливо улыбнулась и подмигнула, развернув котёнка мордочкой в её сторону. Тут Васёна поняла, что котёнком заинтересовалась не только она, но и папа не сводил глаз с серенького зверька. Во всяком случае, глядел в ту же сторону, за что и получил от мамы тычок под рёбра. Да, мама сегодня явно не в духе.

– Крашеное блондинко! – как-то непонятно фыркнула она. Точно лошадка конфету выплюнула, – коричневая и блестит-то как. Словно шоколадной глазурью облили. Не сказать бы хуже. Поди, из солжария не вылезит или из Турции, Египта, а то и Мальдив! Вадим, на море хочу!

– Лан, уж кому-кому, а тебе-то грешно загару завидовать. После двух месяцев в деревне ты возвращаешься такой, что Нефертити впору из саркофага вылезти и все свои изваяния из музеев повыкрадывать, чтоб не позориться.

Папа получил ещё один тычок в бок.

– Это тебе за деревню. Лыстишь ты неуклюже. Так что всё равно хотим на море. Да, Вет?

– Да! Да! Да! Хотим на море, наш король! Билеты нам купить изволь! – Виолетта присела в реверансе, и ни потёртые джинсы, ни футболка, ни растрёпанная грива непослушных волос не могли скрыть элегантности этого движения.

– Тебе бы в Версаль, королевна, да столетия на три назад, – рассмеялся папа и вздохнул Виолетте и без того растрёпанные волосы.

– Кстати, о королевах и королевнах, – вдруг заволновалась та, – я и побежала вас встречать, чтобы рассказать. В скверике, недалеко от нашего двора, ну, там где ещё дом старый, заброшенный, странный кукольник сказки рассказывает. Даже страшно немножко.

– Вета! – в голосе мамы опять послышались ледяные нотки, – сколько раз я говорила тебе и Василисе: никогда, слышишь, *никогда* с незнакомыми людьми не разговаривайте! Две девочки уже в городе исчезли! Твоего возраста, между прочим!

– Но...

– Никаких «но»!!!

– Я не разговаривала, мам! Честно-честно! – Вета затрясла головой, – да он и не может. Мне кажется, он немой.

– Ой... А как же он сказку рассказывает? – встряла Васёна.

– Не-е, он не рассказывает, конечно, скорее показывает. А читает сказки какая-то девочка на магнитофоне. А он только дергает кукол за верёвочки, и они танцуют и... разговаривают... как бы. Они у него такие красивые! Особенно одна – королева. С короной!

– А страшно почему? – не унималась Васёна.

– Знаешь, такое странное ощущение, что всё ненастоящее – настоящее и наоборот... А я ведь уже большая. Ну, чтоб там... в куклы играть или в сказки верить. А тут... и куклы, и сказки, и... Ну, в общем, сама увидишь. Если он не ушёл, конечно. Идёмте быстрее, может, ещё успеем, – Вета казалось, смутилась, а Васёна-то думала, что смутить или напугать Ветку невозможно. Или, вернее ей, Васёне, это никогда не удавалось. Тем сильнее захотелось увидеть загадочного кукольника, который смог произвести такое впечатление на сестру.

– Да-да! Быстрее, пап, вон туда. В тот садик. «Как раз, куда котёнок побежал», – отметила про себя Васёна и слегка дёрнула папу за левое ухо, чтоб он понял. Куда повернуть.

– Полегче, прекрасная всадница, – папа тряхнул головой, – верный конёк-горбунок найдёт дорогу в сказочную страну. Виолетта, обратись-ка волшебным клубочком и...

– и катись отсюда, – засмеялась Вета, – качусь, качусь, к красивым куколкам и их королеве, – и, закружив в каком-то замысловатом ритме, она двинулась по дорожке, негромко напевая:

Скорей вперёд! Петух сплет и нить волшебную порвёт,

Пока мы бродим где-то.

И кукол нет. Большой привет. И только фантики конфет

Найдёт в садочке Вета.

– Ух! Какая замечательная бродилка. Вини-Пух бы одобрил, – похвалил папа и, наклонившись к уху мамы, шёпотом добавил, – я говорил, что она в тебя. Прирождённый филолог. Глянь, что с ходу выдала и как речь развита для её возраста. А ты всё: «Танцы, танцы...».

– Ну а ты посмотри, как она двигается. У неё врождённая грация. Это и тренер отмечает, – так же тихо ответила мама.

Васёне стало чуть-чуть обидно. В конце концов, это она, а не Ветка разговаривала со строгим дядечкой в очках и это ей сказали, что она – одарённая.

– Но-о, – она дёрнула папу за оба уха сразу, – рысем пошли!

– Ладно, «рысем» так «рысем», – засмеялась мама, – но только без меня. Я на шпильках – рысь не по мне. Я чуть поотстану.

– Пустые отмазки! – крикнула издали Вета, слух у неё тоже оказался отменный, – мне на каблуках двигаться намного легче, чем в этих тапочках. Мам, ну купи мне туфли на шпильке. Видела, какие на тётьке из бутика? Да и у самой у тебя...

– Нет! – отрезала мама, – хватит и того, что ты на тренировках ноги уродуешь. – А на ту куклу пластмассовую даже не равняйся!

– Да я не про манекен!

– Я тоже!

– Па-ап?

– Мама права! Девочки твоего возраста вообще не должны знать, что такое каблуки. А ты и на одиннадцатисантиметровых дашь фору любой манекенщице на подиуме.

– Ещё бы! – огромные, золотисто-карие глаза Веты возмущённо сверкнули, – «Юниоры–2, класс С». Я же 7 лет танцую!

– Это мне и не нравится! – голос папы стал строже, – каблуки, косметика, платья с разрезами. В то время как другие девочки учатся на «отлично».

– Но у меня всего одна тройка!

– Но годовая! Ты знаешь, за кого тебя сегодня принял психолог на рисунке Васи? А нарисовала она, между прочим, здорово.

– Ага, красивенько, – поддакнула Васёна, хоть и не совсем понимала, о чём идёт спор.

– Вадим! – одёрнула мама, – не забывай, за кого этот психолог принял тебя! Ой, Алина с Васятой! Давайте подождём.

– Нет! Нет! Нет! – закричала Вета. – Мы и так могли опоздать! Он соберёт своих кукол и уйдёт.

– Да! Да! Да! – ещё громче закричала Васёна, – подождём Васяту! Ему тоже очень сказки нравятся! Он даже сам их сочиняет и рассказывает. Пап, спусти меня!

– Вот и слушала бы его! – разозлилась Виолетта, – а я к кукольному хочу!

– Женщины... – вздохнул папа, спуская Васёну на землю, – ой, гляньте, какой котик забавный, и смотрит, как будто понимает что. И откуда только взялся! Ведь только что не было. Ну да ладно, Лисёнок, беги к своему кавалеру.

Именно это Васёна и сделала.

– Васята! А меня дядечка назвал «уникальной и одарённой»! И ещё я красивенький рисунок нарисовала.

– Уникальной, – поправил Васята.

– Что?

– Уникальной. То есть... – мальчик запнулся, почему-то покраснел и уставился себе под ноги, – единственной. Неповторимой. Самой-самой...

– А ты? – Васёна не собиралась этого спрашивать, но слова сказались как-то сами собой, – ты тоже считаешь, что я самая-самая?

– Да! – Васята так и не отрывал взгляда от асфальта, и Васёна невольно тоже опустила глаза:

– И даже более самая, чем Ветка?

– Намного более! Ты – уникальная!

– Эй, низушки, чего отстали? – подбежавшая Вета схватила их обоих за руки и потащила за собой, – ну, перебирайте ножками! Понимаю, что они у вас коротенькие, как у лепреконцев, но иначе мы точно опоздаем! Побежали, побежали, побежали...

До Васёны донёсся голос тёти Алины, рассказывающей что-то маме:

– Психолог сказал, что нам вообще-то в начальных классах обычной школы делать нечего. Посоветовал обратить внимание на углубленные. А я вот не знаю... Не хочу отнимать детство у Василька.

– Я понимаю, – кивнула мама, – Василиса свой первый экзамен тоже выдержала блестяще. Вот только с вопросом про треугольник чуток запуталась. Но она гуманитарий. Прирождённый. Как и Вета.

– Я не запуталась!!! – закричала Васёна, пробегая мимо, – если отрезать голову человеку – его не будет! Спроси у папы. Если отрезать угол треугольнику – его тоже не будет. Будет четырёхугольник. А дядечка спрашивал: «Сколько углов останется у треугольника...» А у треугольника всегда *три* угла! Всегда-а-а-а...

– Вот так-так! – мама на мгновение застыла, а потом рассмеялась, потрянув длинными волосами, как лошадка гривой, – прям хоть возвращайся и объясняй это дядечке в очках. Но мы уже сегодня возвращались...

– Знаешь, Свет, о чём я думаю, – улыбнулась тётя Алина, – представь, вот вырастут они, поженятся... и какие у нас с тобой будут внуки?

– Уникальные-е-е! – донёсся уже издали голос Васяты.

Глава 5

«Буратине» и не снилось...

Они не опоздали. Даже более того – пришли чуть-чуть раньше. Едва лишь их процессия показались на тропинке, ведущей в сад, кукольник начал готовиться к представлению. Будто бы ждал только их. И был он действительно странный. Васёна увидела это сразу. Ветка не соврала. Желтовато-бледный, точно солнечные лучи никогда не касались его лица. Тем не менее, он был, безусловно, красив и даже немножко похож на принца из сказки про Золушку. Но вот неподвижные губы и пустые глаза пугали, делали его лицо неприятным, даже отталкивающим. Густые длинные чёрные волосы, перехваченные алой лентой, падали на спину конским хвостом. Они казались чересчур жёсткими, словно... – Васёна подыскивала сравнение и, наконец, вспомнила, – ...словно шкурка у дикобраза, щетинка, и не шерсть, и не колючки. Что-то среднее и немножечко противное. Не хотелось бы Васёне оказаться слишком близко от этого кукольника. А вот Вета протискивалась в первый ряд поближе к волшебной кукле. Васёну же пока больше занимал кукольник и пугал всё сильнее. Высокий, широкоплечий, но при этом... худощавый. Нет, скорее какой-то нескладный. Вот и одежда висит на нём, как на пугале. «Да и была, она, эта одежда, – подумала Васёна, – тоже престранной». Длинный, до земли, широкий чёрный плащ, каких Васёна никогда не видела. «Нет, видела! – вспомнила она, – в фильме про Гарри Поттера. У волшебников. Мантия! Вот как он называется!» На руках – чёрные перчатки из тонкой кожи, от которых Васёне стало совсем уж не по себе, и она крепче стиснула руку сестры. «Зачем они ему? Сейчас же тепло». И пальцы... как ножки у паука. Цепкие, подвижные и будто совсем без суставов.

– Почему он так одет?

– Наверное, чтоб не отвлекать внимание от спектакля, – предположил папа. Он служит чем-то вроде фона для своих кукол. И когда смотришь, ты замечаешь только их действия, а не движения кукловода, его рук. Помнишь. Мы ходили в кукольный театр, и там была такая чёрная ширма? Вот и здесь приблизительно тоже.

– Да-да! – подхватила Вета, – куколки всё будто сами делают! «Буратине» и не снилось, – это она вспомнила детский спектакль в театре кукол, куда их водили родители. Дяди и тёти в тёмных под-

штанниках и футболках бегали по цене, дёргая кукол за ниточки. Девочки сидели не на первом ряду, кукол было почти не видно, да и дядечки с тётеньками сильно мешали... может быть поэтому, кроме них, ничего, собственно, и не запомнили. Хотелось верить, что Вета права, и здесь куклы будут действительно живыми...

Но пока что они застыли неподвижно. Сидели в ряд, прислонённые к большому ящику или чемодану, Васёна забыла, как его правильно называть, да и кукол она сразу и не заметила, а как заметила, то уже и не могла оторвать взгляда. И, конечно, в первый миг ошеломила своей красотой та, кого Вета назвала «Королевой». И по-другому назвать её было просто невыносимо. Большая, чуть ли не с Васёну ростом кукла, тем не менее, казалась изящной и грациозной. Совсем не те большеголовые пупсы, которых так не терпела Васёна. Вот, ничуть не похоже! Нет, конечно, что-то присутствовало и от них, например огромные глаза или маленький носик. Но это скорее и вызывало непохожесть на обычных кукол. Всё было непривычно. Глаза раскосые и тёмные, обрамлённые пушистыми ресницами и тенями, а не круглые голубые лупалки. Носик хоть и маленький, но не пуговичкой, а прямой и рельефный. Даже губы – не пухлые, надутые, как у кукол в чепчиках, а плотно сжатые и немного искривлённые в какой-то недоброй усмешке. Прямые, шелковистые волосы, украшенные золотой короной, ночным водопадом падали на плечи и спину. Дивное, расшитое золотом платье цвета погружающегося в сумерки леса, искрилось камушками и блёстками.

Да, Королева была красива! Даже невероятно прекрасна! Но Васёне она не понравилась. Вернее, перестала нравиться в тот миг, когда девочка посмотрела ей в глаза. Васёна понимала, как это глупо бы прозвучало, произнеси она такое вслух, но... кукла глядела прямо на Вету. Пристально. Не мигая. Собственно, в этом и не было ничего удивительного. Как ещё могут смотреть куклы? Стоило бы удивиться и даже испугаться, если бы кукла вдруг моргнула. Но Васёне стало бы намного легче, если бы Королева прямо сейчас отвела взгляд от Веты. А потом... потом Васёна увидела... Нет, скорее почувствовала, что смотрят не только на Виолетту, но и на неё саму.

«Смотрела» маленькая, серенькая куколка, сидящая на старом, пыльном магнитофоне. И что самое удивительное – смотрела она иначе. Не было в её взгляде пугающей надменности, хищной, затаённой ярости, вожделения, с которым затаившийся кот наблюдает за птичкой. Наоборот. Какая-то грусть. Даже отчаяние. И ещё – уста-

лость. Васёна иногда замечала такое выражение в глазах папы, когда он приходил с работы. Знала этот взгляд – когда очень хочется по-мочь, но невозможно. В такие вечера папа не разговаривал. Просто обнимал Васёну, маму или Вету, а чаще всех троих устроившихся на диване. И все молчали. Только тёплое дыхание да ещё урчание Северьяна нарушало тишину. И было... было так спокойно. Как и должно быть дома. Но вот почему куколка смотрит так на неё... На Васёну. Страшненько это. И тут чёрная-пречёрная тьма легла между девочкой и куклой. Негромкий, нежный, но немножко грустный девичий голос произнё: *«Начало – это темнота...»*

Васёна почувствовала, как рядом вздрогнула Вета и только тогда поняла, что начался спектакль. Она так была увлечена разглядыванием кукол и собственными мыслями, что не заметила, как кукольник развернул ширму и исчез за ней вместе с куклами, магнитофоном, сундуком и остальным...

– ...реквизитом, – подсказал Васята сложное слово, – ты думала вслух, – добавил он смутившись. Со мной так часто бывает. Ты шептала что-то о куклах. Они испугали тебя? – мальчик крепче сжал ладошку Васёны, – не бойся. Это всего лишь игрушки. Я даже знаю, как их делают.

– Но... они как живые и... смотрят!

– Это только кажется, потому что... – но ответ Васяты заглушил посуровевший голос рассказчицы:

– Не так уж давно это случилось, хотя, может и ошибаюсь я. Как бы то ни было... Когда-то в этих самых сибирских землях стояла древняя крепость, и правил этими землями благородный и могучий князь Гостемир...

Дети притихли и стали слушать. А перед ними разворачивался неведомый доселе сказочный мир оживших кукол, прямо тут, в соседнем дворе. Недалеко от вырытого котлована, а не в каком-то там театре, где всё понарошку...

Часть 2

Сказки сказываются

Был он силен и смел. Пришёл он из-за моря, как и многие до него. Был тогда обычай такой. Срубил он город, кром возвёл, крепостцу то есть, разогнал нечисть лесную. Потянулись к нему люди. Правил он сурово, но справедливо, и людей от любой напасти защитить мог. Но не один он пришёл, а с женой молодою. Заморской царевной Кариной. Трудно было нежной чужестранке в наших суровых землях, не любили ее высокородные бояре и их жёны, завидовали чарующей красоте и тому, что не могли обладать ей. Но зато очень полюбилась она простым людям, потому что была не только красива юная жена князя, но и очень добра. Прошел год, и родилась у князя и его княгини прекрасная дочка. Назвали ее уже на наш лад – Заглядой. Потому что была она настолько прелестной, что взгляда от неё отвести было невозможно. И глядя на её мать, все понимали, что вырастет девочка и превратится в невероятную красавицу, на беду всем мужчинам. Счастливейшая это была семья. Но не длится счастье вечно. Прошло тринадцать лет с тех пор, как пришёл князь с чужедальной стороны. А всем ведомо: несчастливое это число. Но кроме этого, ничего страшных событий и не предвещало. Даже наоборот.

Ровно через тринадцать лет в тот же день появилась у ворот замка странная девушка. Можно было б подумать, что странница перехожая, но вот чиста да умыта, и коты на ногах червленые с бахромой да с каблуком в два вершка, как будто для стремени специально. Но коня и в помине не было. Как она у ворот замка оказалась, неизвестно. И была та девица красы неписаной. Кожа ее тёмная и нежная, как шелк. А коса белая, тугая и сверкающая, как Путь млечный на небе. Будто сама Лада в ворота постучала. А может, так оно и было...

– Не могу ли я остановиться здесь на несколько дней? – тихо попросила она, опуская свои длинные ресницы, – которую уж неделю в пути. Все сапоги износила. Да каблуки сбила. Уж впору железные башмаки примерять.

Князь Гостемир был радушный хозяин и, конечно же, он не мог отказать уставшей женщине. Но почему-то всегда чуткая княгиня Карина и ее дочка Загляда невзлюбили гостью. Та очаровала всех, Князь же хмурился, подобно грозовой туче. Каждый вечер в самом большом тереме вокруг Велены (так представилась путешественница) собиралась вся дружина князя и прислуга, и все с восхищением слушали удивительные рассказы о сказочных странах, о смелых принцах и прекрасных феях, об ужасных драконах и злых волшебниках.

Так продолжалось каждую ночь, и уже через неделю никто не мог представить жизнь без Велены. Никто, кроме Карины, маленькой Загляды и мрачного хозяина замка. Ни разу не спустилась вниз прекрасная жена князя, ни разу не заговорила гордая принцесса с таинственной гостьей. Целые дни она проводила в своей спальне с дочкой, и еще более удивительные сказания слушала маленькая Загляда. В свои двенадцать лет девочка по-прежнему любила сказочные и таинственные истории. Князь Гостемир все реже и реже разговаривал с женой и дочерью, все больше проводил времени в таинственной башне, куда не было хода никому. По замку поползли дурные слухи, что не один проводит князь ночи в своей башне. Все чаще Загляда видела маму плачущей. Как ей помочь, девочка не знала. Дни шли за днями, и княгиня Карина становилась все печальнее и печальнее. Видать, накладывает имя отпечаток на судьбу. И вот однажды она позвала Загляду, усадила к себе на колени, погладила ее по голове и тихо промолвила:

– Послушай, меня, дочка, я расскажу тебе еще одну сказку, она не совсем обычная. Но ты поймешь...

– Конечно, мам, я слушаю! – девочка устроилась поудобнее.

СКАЗКА О ЦАРИЦЕ И ЕЕ МЕРТВОМ ЖЕНИХЕ

Далеко-далеко отсюда, – начала Карина, – за дремучими лесами, за широкими полями, за высокими холмами и даже за синим морем-океаном на большом-большом острове жила когда-то молодая царевна...

– Красивая?

– Да, говорили, что даже очень, что не было ей равных, пока... ну, не важно. В ту пору она была ещё совсем юной и о красоте не

думала. От всех невзгод укрывали её царь-отец и старшие братья. И больше всего любила она танцевать ночами с подругами на вершине холма или плескаться при свете луны в серебристых водах реки. И напрасно говорили ей, что луна – это око дракона, который таится во тьме, выискивая себе жертву. Лишь смеялась в ответ царевна. Протягивала руки к Небесной Странице и просила себе жениха – прекрасного, как Царица ночи, и могучего, как затаившийся дракон. Верно говорят: бойтесь своих желаний, ибо могут они сбыться. И вот однажды в ночь полнолуния раздался топот копыт, и тяжёлые удары в ворота разбудили обитателей дворца. Отперли слуги крепкие засовы, открыли тяжёлые створки. Спустился на крыльцо отец, чтоб взглянуть на незваного гостя, да и замер на месте... ибо был гость этот...

– Страшный?

– Да малыш, очень. Вернее был он когда-то красив и статен, как и просила глупая царевна. И по могуществу сравниться с ним не мог никто. Да вот только... только был он мёртвым. Сам Король Мертвецов захотел взять в жёны дерзкую царевну.

– Ой, Кощей?! – шепнула Загляда, прикрывая рот ладошкой.

– Да... Кощей... и был он Бессмертным. Во всяком случае, так казалось... – голос княгини дрогнул, – не смогли братья отдать сестру в лапы мертвеца. Один за другим вызывали они пришельца на поединок, один за другим падали мёртвыми к его ногам. И вот шагнул вперёд отец... Не выдержала царевна, рванулась из рук подружек, бросилась на колени перед страшным гостем, слезами горючими залилась, взмолилась, чтоб не губил отца родного. Ни слова не сказал Кощей, улыбнулся только, вскочил в седло своего чёрного коня, а потом бросил через плечо: «Год даю. Год на приготовление к свадьбе». Пришпорил коня и унёсся во тьму. А за ним медленно побрели мёртвые братья. Не оглядываясь. Оставляя за спиной убитого горем отца и рыдающую царевну...

– Страшная сказка, мам, – Загляда обняла княгиню, – но ты не плачь.

– Страшная... – чуть слышно вздохнула Карина и прижала к себе дочку, – нет. Она только начинается... Дни спешили за днями, недели за неделями. Отец царевны не вынес навалившегося горя. Тяжесть неотвратимой беды давила на некогда могучие плечи. Не в силах он был вынести грядущую потерю дочери. Не мог сам отдать её в руки Кощею. Но и собрать войско и повести на верную

гибель тоже не смел. И вот однажды надел он свой старый доспех, взял древний боевой топор, который собирался передать старшему сыну и, не сказав никому ни слова, просто ушёл в ночь. Царевна осталась одна.

Но словно сила ушедших братьев и отца досталась ей по наследству. Прошли месяцы, и наивная девочка превратилась в юную царицу. И чем ближе подступал день намеченный, тем яснее понимала она, что не сдастся. Не бывать этой жуткой свадьбе. Стала носить девушка на груди кулончик с каплей крови василиска убитого, яда неимоверного, даже запах которого любого с ног свалит, а уж кому на кожу попадёт, тому и не жить вовсе. И ещё одним способом решила обезопасить себя царица. Однажды отослала она всех мамок и нянек да подружек верных. Осталась одна. В платье простое крестьянское переделалась, лицо сажей вымазала, чтоб неприметной стать да и выскользнула из дворца вместе со служанками. Оказавшись на воле, отправилась она в лес дремучий. А в лесу том, сказывали, жила...

– Баба-Яга?

Карина улыбнулась:

– Да, моя умница... Баба-Яга. В самой чащобе частоколом да кустарником колючим огороженный стоял не замок, не избушка, а домик ладный да ухоженный, хоть и скособоченный немного, словно в землю врос, или птица какая в гнезде нахохлилась. Недобро лягнули ворота. Словно насмехаясь, закаркал ворон, примостившийся на столбе у забора. Зашлись остервенелым лаем псы во дворе. Бросила им девушка запасённый кусок мяса, а сама скользнула в калитку и быстро-быстро – на крыльцо, к двери. Чуть слышно скрипнули петли. Переступила царица порог.

– Фу-фу-фу... живым запахло. Почто, девица, щенков моих портишь? Я их, может, к человечинке приучаю, а ты телёночком кормить вздумала.

– Не сердись, бабушка, на меня глупую, не со зла это. Я с просьбой тебе. Беда неминуемая на пороге. Совета мудрого просить пришла.

– Бабушка?! – раздался смех, и слышалось в нём что-то странное: и горечь, и задор. Колокол похоронный и колокольчики свадебные, будто смеялись два человека одновременно.

– Ну что ж, девонька, может, и правду сказываешь. Садись, ешь, пей. Сейчас и я к столу выйду. Только ногу свою костяную прицеплю.

На столе сами собой стали появляться яства.

– Спасибо, бабушка, – молвила царица, – я бы и рада к столу сесть, да вот только кусок поперёк встанет, мёд в горло не польётся. Всё мне немило.

– Не по годам умна, девонька. От природы? Али учёна кем? И вежлива тоже. Хорошо это. Так и быть. Знаю я беду твою. Кручину горючую, Кощей сватался? – хозяйка, наконец, шагнула к столу и царица замерла. Стояла перед ней девица красы неописуемой. Светлая коса с лентами из-под повязи на высокую грудь падает, алый кушачок тонкий стан перехватывает. А ясные глаза лукавыми смешинками поблёскивают, да губки коралловые в улыбке жемчуг зубов приоткрывают. Кожа смуглая и гладкая, как шёлк заморский. Только лучики морщинок у смеющихся глаз и складочка чуть заметная меж бровей соболиных пролегла. На руках она держала небольшого серенького котёнка.

– Ну что ж, внученька, помогу я тебе. Да только цена будет немалая.

– Помоги, ба... матушка... сестрица... – обрела голос царица, но слов подобрать всё ещё не могла, – всё, что имею, отдам!

– Всё что имеешь... – усмехнулась лесная хозяйка, – невелико богатство. А вот что ещё не имеешь, но получить можешь? Готова отдать?

– Готова, хозяйюшка! Только избавь от Кощея-мертвеца!

– Ишь ты, готова... А коли это сокровища несметные? Дива дивные? Увидишь, залюбуешься да расставаться не захочешь...

– Я слово даю! Царицы! Имя тайное тебе открою, чтоб ты власть надо мной имела.

– Слово – это хорошо. А вот имя твоё мне ни к чему. Своих, вон, не счесть. Ну а коли обманешь... В общем так: запомни мои слова намертво! Либо то, что под ним отдашь, либо то и то забери!

– Но... Как же я узнаю...

– Иди, говорю! Да не оглядывайся, а то вороньё глаза выклюет. И на вот, куклу возьми. Когда нужно будет, она тебе подсобит, подскажет, что делать надо.

– Спасибо, хозяйюшка, век тебя помнить буду, – царица поклонилась, принимая подарок.

– Век – это мало. Думаю, помнить дольше придётся. Ну а забудешь, напомню, – хозяйка отступила в тень, и внезапно постаревший голос прошелестел:

– Да и Кощей твой тоже...

Царица побледнела, и страшно вдруг стало так, что и свадьба с мертвецом лишь невзгодой мелкой показалась. И тут огромные раскосые глазищи на личике куклы вдруг полыхнули огнём, приоткрылись кроваво-красные губы, и кукла запищала: «Беги!!! Не оглядывайся!» И девушка побежала! А за спиной ещё долго раздавался смех колдуньи, в котором так жутко сплетались веселье, боль и жестокость. И примешивалось к жуткому смеху торжествующее карканье ворона.

– Мам, а дальше?

– А дальше... – голос Карины звучал приглушённо, словно прорывался сквозь годы. – Настал срок свадьбы. Кощей вернулся. Как и обещал. А с ним вернулись и братья царицы, похожие на своего господина – тонкие, бледные, как лик Луны, с чёрными страшными глазами. Мёртвые. Невольно дёрнулась рука девушки к смертоносному кулону, когда улыбнулся Кощей и опустился на колено перед своей невестой, протягивая ей серебряное кольцо обручальное. Покорно приняла его царица, хоть и дрожали её пальцы, когда касался их мёртвый жених. Приняла, потому что посоветовала ведьмина кукла накануне ничего не страшиться, а попросить лишь одну ночь – проститься с подругами милыми. В последний раз закружить в хороводе на холме под луной. Кивнул Кощей, когда молвила это молодая невеста. Пообещал выполнить просьбу. Подарить последнюю ночь в мире живых.

И вот взошла царица с подругами на вершину холма, где в детстве они хороводы водили, да песни пели. Вот только сейчас не веселье было – похороны. Не верила уже царица в чудо. Готовилась свой кулончик использовать. Видать, обманула её ведьма. И вот в полночь метнулась вдруг тень, ворвалась в девичий круг, Будто из-под земли возник витязь могучий. Или с неба спустился. И не видела царица никого прекрасней богатыря этого. Подхватили её крепкие руки. И, казалось ей, обняли жарко! Живые руки! Тёплые! А подружки глупые зашлись визгом, бросились вниз с холма, подальше

от ночного татя. А навстречу им уже Кощей поднимался. А в руке меч зловеще поблёскивал...

Карина замолчала, задумчиво поглаживая волосы дочери.

– Мам, а потом что случилось?

– А потом царица потеряла сознание и очнулась уже совсем в другом месте...

– Нечестно, мама!!!

– Но ведь зато правдиво.

– Это не сказка, мам!

– Сказка, милая, сказка... Просто она ещё не совсем закончилась. Когда-нибудь, ты поймёшь когда, расскажи её папе и, может быть, он в ответ поведаёт тебе другую историю. Более... сказочную. А потом уже и ты сама расскажешь кому-нибудь свою собственную.

...Ну а оказалась царица так далеко от своего дома, что забыла она и Ягу, и обещание, ей данное, и жениха своего мёртвого. Поэтому что живого встретила. И хоть взял он её, в отличие от Кощей силой, но и дал много. Так много, что... – княгиня запнулась, – что не смогла царица данное слово выполнить. Да и царицей она быть перестала, а стала...

– ...княгиней, – тихо закончила Загляда, – ведь так?

– Мама, почему ты плачешь? – Загляда вдруг замолчала... – Тогда ведь получается, что Яга это...? Да, мам? Она за обещанным пришла?

Мама ничего не ответила. Но девочка поняла все сама. И ей стало страшно.

А на следующий день княгиня Карина исчезла.

СИЛА ЛЮБВИ, ИЛИ СКАЗКА О ПРОПАВШЕЙ МАМЕ

...Всю дружину собрал князь Гостемир. Обыскали они леса и поля вокруг замка, но никого не нашли. Три дня и три ночи не оставляли сёдел. Но все старания их были напрасны. Никто не видел жёну князя. И вновь по замку поползли слухи, что князь Гостемир влюбился в Велену, а Карина, гордая царевна, не выдержала позора. Во-

евода сообщил князю, что один рыбак, в ночь, когда исчезла хозяйка замка, видел, как с берега в озеро бросилась молодая женщина. И хотя в ту ночь бушевала гроза, показалось рыбаку, что узнал он молодую княгиню. Но в итоге всё же решил, что привиделось ему, что происки это злые нечистых, морок, штучки русалочки. Рыбак никому ничего не сказал, а позже узнал, что из замка пришла страшная весть – жена князя пропала... Выслушал князь воеводу молча, лишь оглянулся на хлопнувшую в тереме дверь. Кто подслушать осмелился?

Осмелилась Загляда. Но не поверила она, что мама могла убить себя. Чувствовала, что виновата Велена эта пришедшая, но доказать ничего не могла. Отец не слушал. Он все время молчал. Высокий, широкоплечий, с грустными серыми глазами, он теперь всегда сжимал в руке кубок с вином и никогда не улыбался. А рядом все время была Яга из маминой сказки.

И вот однажды ночью юная Загляда решила сбежать из замка. Решила все сама разузнать о гибели мамы.

Ночью девочка выбралась из-под одеяла и стала одеваться. Сначала натянула тоненькие, прозрачные, как паутинка, чулки, засунула обтянутые шелком ступни в красные, отделанные жемчугом, червлёные сапожки на вершковых каблуках, чтоб нога не выскальзывала из стремени (обувь настоящей княжны). Вот только оседлать было некого, строго охранялись конюшни. Застегнула золотой пояс, на котором болтался длинный кинжал, подаренный отцом, взяла меховую курточку, отороченную собольим мехом, самую дорогую из тех, что у нее были, и тихонько выскользнула из терема.

Вот вы сейчас хихикаете, думая: «Кто ж так одевается, когда собирается бродить по лесу, да еще ночью!». Но вы забыли, что Загляда была дочкой князя и никогда не путешествовала, особенно одна, зато знала, как нужно одеваться, чтоб все видели в ней юную княжну. И вот девочка вышла за ворота. Перед ней вилась освещенная луной дорога, по сторонам которой вздымался лес, древний и таинственный, населенный шишигами, шликунами, лешими, русалками, оборотнями и другой нечистью, и не только. Обитал в лесу и народ диковинный, лесной, полудикий. В кремле да посаде загорками прозванный. Потому что жили за холмами, где людей и нет вовсе, лесовики одни, ибо места дикие, страшные. И загорки эти вроде как лешим родней приходятся. Из уворованных и заблуж-

дившихся детей они стались. Так говаривали люди. И Загляда, всматриваясь в колышущиеся над ней мрачные кроны деревьев, верила в это. Ей становилось страшно. Пальчиками, затянутыми в тоненькую кожу перчаток, девочка смахнула задрожавшие на ресницах слезинки. Ей очень хотелось заплакать. «Но ведь княгини не плачут», – сказала она себе, шмыгнув носом. «А я – княгиня, пусть маленькая и будущая, но княгиня. И мама может мной гордиться!» – подумав так, Загляда гордо вскинула голову и, тряхнув гривой великолепных черных с серебром, как у мамы, волос, зашла в густой лес. Не подумайте – Загляда не была глупой девочкой. Смелой – да, глупой – нет. Конечно, идти ночью в лес было опасно. Но она понимала, что днем из замка ей выбраться не удастся. А убежать было надо. Она помнила слова мамы. И она боялась Велены. Девочка торопливо шагала по тропинке, стремясь уйти как можно дальше. Она прекрасно понимала, что утром ее начнут искать.

Лес становился всё гуще, света всё меньше, а идти всё труднее. Загляда спотыкалась на каждом шагу. Скоро девочка устала. Она уже поняла, что совершила ошибку, надев свои самые красивые, а не самые удобные вещи. Длинная узкая юбка не давала делать широкие шаги, и вот, когда Загляда в очередной раз оступилась и упала, бархатная материя лопнула и расплзлась до самого пояса. Девочка всхлипнула, но поднялась и зашагала дальше. Громыкнуло. Дождь застучал по листве. Началась гроза.

Сил оставалось всё меньше. Но тропинка вдруг кончилась, упираясь в болото. «Глупая дорожка! – топнула ногой девочка, – всякая тропинка должна куда-то вести. А иначе это и не тропинка вовсе!» И тут Загляда поняла, что совершила вторую ошибку. И куда как хуже первой. Вы-то, наверное, уже догадались, какую. Вот именно – девочка проголодалась, а никакой еды она с собой не взяла. Да что еды, она даже не взяла бурдючка с водой! Как только Загляда об этом вспомнила, сразу захотелось пить. «Так всегда бывает, – подумала девочка, – когда чего-то нет, этого и хочется». Но такие мысли жажду не утолили. Наоборот, пить захотелось ещё сильнее. Загляда опустилась на колени, уже не боясь порвать прозрачные чулки – чудо, из-за моря привезённое, и зачерпнула ладошками болотную воду у самого берега.

Какая-то она мутная оказалась... А вот чуть дальше, возле кувшинок, водичка вроде очень даже ничего... Девочка потянулась. Так... ещё чуть-чуть... вот... уже... Но тут предательский каблук, которым она упиралась в берег, соскользнул, и бедняжка с диким визгом кувыркнулась в воду. В первое мгновение Загляда не испугалась. Она хорошо плавала, берег рядом, да и дно под ногами... Но где же оно, это дно? Какая-то вязкая грязь облепила ноги ночной беглянки и тянула вниз. «Это же болото! – мелькнула запоздалая мысль, – трясина!» Девочка закричала и рванулась изо всех сил, но поздно. Прохладное месиво добралось уже до бёдер и продолжало жадно заглатывать свою добычу...

Неожиданно все куклы исчезли за ширмой. Стало немножко не по себе. Слишком уж резко кукольник вытолкнул детей в реальный мир. Это как на качелях. Которые резко остановились. Вроде всё внутри ещё летит, а ты уже нет.

– Ну! – Вета нетерпеливо дёрнула папу за рукав.

– Что «ну»?

– Дальше будет?!

– Погоди, егоза... видать накладка какая-то. Хотя темнеть начинает. Может домой пойдём? – это уже к маме.

– Нет! В три голоса закричали Вета, Васёна и Васята.

– Идите-идите, а я тут останусь, – раздалось откуда-то из-под правого локтя папы, – меня мамка отпустила. А вам я потом ничегошеньки не расскажу. «Бе-е!» – высунулась из-за ширмы ещё страшней, чем у куклы, веснушчатая рожица с высунутым языком. Конечно же, Гервася. Из 5-го подъезда. Куда ж без него?! Ветка щёлкнула его по лбу. Мальчишка попытался укунить её за палец.

– Эй, что там с Заглядой-то стало? – донеслось со всех сторон.

– А сами не догадаетесь? – бросила в толпу мама, – она уж порядком устала переминаться на высоких каблуках, подталкиваемая со всех сторон знакомыми и не очень людьми. Это в её планы совсем не входило. Одно дело к психологу в школу заглянуть и совсем другое – второй час в размякшей глине утопать. Тонкие каблуки надёжной опоры уже не находили. Ноги затекли ужасно.

– Утопла, – очень в тему и весьма авторитетно заявил Гервася.

– Ничего не утопла! – вскинулась Васёна, – она главная и умереть не может, правильно?

Мама тяжело вздохнула, покосилась на папу и потрепала девочку по голове:

– Ну, коли уж обозвали историю сказкой, то вроде как правильно...

– Вот! – торжествующе провозгласила Васёнка, – так что лучше бы дальше про лесной народец показали. Про нечисть разную, про эльфов.

– Про каких эльфов! – возмутился Гервася, – никому они не нужны!

– Молчи! – цыкнула на него Вета.

– Сама молчи, а то получишь!

– Это ты получишь! – возмутилась девочка, – Ну давайте, пожалуйста, – крикнула она обращаясь к ширме, – покажите про эльфов, а потом про маленькую княжну.

– Не надо про эльфов, – рыжий не сдавался, – кому они нужны! Маленькие, с крылышками и порхают, порхают от цветочка к цветочку. Тьфу! Девчоночьи истории. Велена, поди, интересней рассказывала.

– Кто порхает?! – негодуяще воскликнула Ветка. – Какие цветочки?! Какие крылышки?! Это у фей крылышки! А эльфы – высокие, стройные, на людей похожие, только красивее гораздо. У них глаза большие и раскосые, как у оленей, и уши острые. Ты «Властелина колец» видел, балбес? Вот! Я верно говорю, мам?

– Верно, – встрял очкарик Васяня, – только маленькие с крылышками тоже есть.

– Понял? Я права! – Ветка высунула язык.

– Дура! – рыжая голова скрылась и тут же высунулась вновь с засунутыми за уши большими кленовыми листьями.

...Но Ветка уже царственно вскинула голову, не обращая внимание ни на слова Васяни о маленьких с крылышками, ни на драматические потуги Герваси затмить Леголаса или Элронда. За ширмой что-то громыхнуло...

...Громыхнуло. Дождь застучал по листве. Несколько капель упало маленькой загорке на плечи, скатилось по кожаной курточке на меховую оборку. Это чужаки называли их так, пришлые, но девочка не противилась. Ей даже нравилось, свыклась. Загоркой её называли все: и люди из-за стен, и лесовяне, с которыми жила. Для всех она была чужой.

Вспышки молнии осветили на миг ночное небо, но ее свет так и не проник сюда, под кроны могучих деревьев. Но девочке он и не был нужен. Она уверенно и совершенно бесшумно пробилась по древнему лесу. Это был ее дом, и она здесь – хозяйка – лесная княжна. Как же ей было хорошо! Ветер развеивал густые волосы и охлаждал кожу. Девочка засмеялась и, прикрыв огромные раскосые глаза, подставила лицо каплям дождя. Она любила ночь, любила грозу, любила свой лес. Не в силах сдержать переполнявшие ее чувства, маленькая представительница лесного народа вскинула к небу руки и испустила громкий и протяжный вопль радости и восторга. Ей в ответ гулко ухнул филин. Девочка снова рассмеялась и побежала дальше. Она не боялась, что ее услышат люди. Сейчас, в грозу, их нет в лесу (именно поэтому Дубравка и любила такие ночи, когда можно не опасаться встречи с людьми). А если и услышат, то пусть испугаются. Простые смертные всегда боялись таких криков, начинали креститься и читать молитвы. Загорок считали нечистью, злобными духами, которые вредят человеку. В какой-то мере это было правдой. Редко кто из людей, попадая в руки к загоркам, возвращался домой. Но лесному народу не давали покоя. Люди пришли с холодным железом, стали рубить деревья, убивая хозяев леса. Ох, это страшное железо! Мечам и топорам лесовяне противопоставили луки и стрелы. Пролилась кровь. Что ж, война есть война. Маленькая загорка тяжело вздохнула. Она не испытывала ненависти к людям, чем и отличалась от своего народа. Ей было интересно наблюдать, как эти существа с такой короткой жизнью живут, наслаждаясь каждым днем, радуются, плачут, любят и так часто умирают. Но самое главное – у них так много детей... Дубравка завидовала им. У нее самой не было подружек ее возраста. Девочка подбиралась вплотную к деревьям, рискуя, что ее схватят. И она даже думать боялась, чем это кончится. Мать ей строго-настрого запретила выходить из леса. Но девочку было не остановить... Долгие часы она проводила, затаившись в траве и наблюдая, как резвятся людские дети. Наблюдала и тихонько смеялась вместе с ними. Смеялась, а затем долго плакала у себя в лесу, прижимаясь к теплому стволу дерева. Она была так одинока. Но Дубравка не могла долго грустить, разве ж она одна? Вот зайчонок прошмыгнул мимо, а вот белочка прыгнула на плечо и просит орешков, а вот и косуля тыкается в ладошку шершавым носом. До чего же хорошо! Пусть взрослые лесные братья и

сестры заняты своими проблемами, у нее есть свои друзья, и она не будет скучать!

Девочка, смеясь и пританцовывая, бежала по ночному лесу, как вдруг услышала крик. Загорка замерла и прислушалась – тишина... Только вой ветра и барабанная дробь дождя. Все как всегда, но что-то не так. Не так. Девочка нахмурилась. Она немного владела магией и чувствовала, что рядом творится что-то плохое, кому-то нужна помощь. Но где? Она беспомощно озиралась по сторонам. Позвать кого-нибудь из взрослых? Нет, лучше узнать все самой. Где же это происходит? Рядом, рядом. Дубравка принюхалась, как маленький зверек. Ага! Есть! Что-то творится в болоте. Низко пригибаясь и стараясь совсем не шуметь, девочка побежала к берегу. Раздвинув кусты, загорка застыла. Словно по волшебству, тучи расступились, и берег залил ровный лунный свет.

Маленькая девочка билась в болоте. Человеческая девочка. Если ей не помочь, она утонет. Мама ей не раз говорила, что ни в коем случае нельзя попадаться людям на глаза, они сразу могут убить. «Нет, – Дубравка тряхнула головой, – надо помочь. Все равно она ничего мне сделать не сможет. Я буду осторожной». Загорка быстро сбросила с плеча дорожную сумку и достала моток веревки.

В кустах раздался какой-то шорох, Загляда дёрнулась, пытается повернуть голову. На нее с берега смотрело нечто мохнатое со светящимися глазами.

«Ну вот, докричалась, – подумала девочка, – нечисть пришла. Интересно, полезет она сюда, чтобы съесть меня или нет?»

Вдруг в воздухе что-то мелькнуло и шлепнулось в воду рядом с Заглядой.

«Что это? Веревка?» – девочка не могла поверить своим глазам.

– Эй, ты, чего уставилась? – прошипела вдруг с берега «нечисть», – хватайся быстрее, а то веревка уплывет...

Загляду не надо было долго упрашивать. Съедят или не съедят, это еще вопрос. У нее вон и кинжал отцовский с собой есть, а вот из болота она сама никогда не выберется.

– Там петля на конце, – голос был девчоночий и очень приятный. – Просунь в нее руку, так легче держаться будет.

Фигурка на берегу поднялась, и Загляда увидела, что это не мохнатое чудовище, а просто девочка с очень густыми длинными волосами и в кожаной курточке, отороченной мехом.

«Кто же это такая? – думала Загляда, – что она делает ночью в лесу? Неужели это...»

– А-а-ай! – от сильной боли в руках девочка вскрикнула. Петля затянулась, и веревка врезалась в запястья. Но боль тут же ушла, и осталась лишь радость от того, что она вот-вот выберется из этого мерзкого болота. Девочка на берегу, перекинув свободный конец шнура через сук старого дерева, тянула изо всех силенок. Загляда, как могла, помогала ей. И, наконец, чавкающая грязь поддалась и отпустила свою жертву. Судорожно всхлипывая, девочка выползла на берег и с благодарностью взглянула на свою спасительницу... и чуть снова не закричала. Девочка была красива, невероятно красива. Курточка с белчьим мехом облегала стройную фигурку, на серебряном поясе в таких же серебряных ножнах висел длинный кинжал. Но не его испугалась Загляда. У незнакомки были огромные, чуть раскосые оленьи глаза и заостренные кверху уши...

– Ты, – заикаясь, пролепетала девочка, ты – нечисть? Да?

– Да почище некоторых, – маленькая загорка презрительно сморщила носик и провела пальчиком по вымазанной в болотной грязи и тине шубке, – на себя сначала посмотри, а потом обзывайся...

Загляда покраснела. Но она была слишком напугана, чтобы извиниться. Девочка невольно потянулась к отцовскому клинку. Но загорка заметила это движение, фыркнула, как кошка, отскочила и дернула за веревку. Загляда совсем забыла, что руки у нее все еще спутаны. Она попыталась освободиться, но поздно. Шнур затянулся. Запястья опять заболели, и ноги оторвались от земли. Загорка несколько раз обмотнула свободный конец вокруг ствола и завязала крепкий узел. Загляда оказалась совершенно беспомощной.

– Правду говорят, что люди злые существа, – лесная девочка печально склонила голову набок, – я же тебя спасла, а ты хотела сделать мне больно. Почему?

– Я не хотела, – Загляда тряхнула головой, – просто я испугалась.

– Испугалась? – удивилась загорка. – Кого? Меня? Но я же не сделала тебе ничего плохого. И зачем ты вообще пришла в мой лес?

– В твой? – Загляда гордо вскинула голову, – это лес моего отца князя Гостемира! Он владеет всеми землями в округе.

– Ха! Твой отец никогда и не был в глубине этого леса. Как же он может им владеть! А мы здесь живем. Многие сотни лет. Это наш дом! А вы хотите его забрать! – глаза маленькой загорки опасно блеснули.

Загляда была умной девочкой и поняла, что лучше не спорить. Но она не хотела сдаваться.

– Все равно отпусти меня. Я – княжна. А мой отец – князь. Он наградит тебя.

– Княжна-а-а... – передразнила незнакомка. – Ну и что? А я...я – принцесса, – вспомнила она чужедальнее слово. А моя мама – государыня, госпожа этого леса! И у меня есть все, что мне нужно! «Кроме друзей, – добавила она про себя, – но их твой отец дать мне не сможет!»

– Тебя как зовут, княжна? – загорка осторожно приблизилась и сняла с Загляды пояс с отцовским кинжалом.

– Отдай! – девочка дернулась всем телом и дрыгнула ногами, – мне его папа подарил!

– Не кричи! Я верну его, если отпущу тебя.

– Если? – девочка побледнела, – ты хочешь меня убить?

– Нет! – маленькая самоназванная принцесса топнула ножкой, – я никого не убиваю! Ты не ответила на мой вопрос, как тебя зовут.

– Загляда.

– А меня – Дубравка. Можно Белочка. Фу, какая же ты грязная! – загорка подошла к девочке вплотную, – а ты и вправду княжна. Какая чудная одежда...

Загляда вздрогнула, когда прохладные пальчики коснулись ее бедра.

– Что это, Загляда? – Белочка еще раз погладила девочку по ноге.

– Чу... чулочки, – заикаясь, прошептала малышка, – из страны заморской.

– Какие тоненькие... их почти незаметно. У нас таких нету... – Дубравка покачала головой, – жаль, замазались, – она посплющила пальчик и попробовала оттереть комочек засохшей на них грязи.

– Дубравка, – чуть слышно прошептала Загляда, – отпусти меня, а я принесу тебе такие же.

– Правда? – обрадовалась загорка, но тут же погрузилась. – Ты меня обманешь.

– Нет! – девочка невольно вздрогнула, когда увидела, как в руках эльфийки сверкнул нож, – не обману! Честное-честное княжеское слово! – Но та только перерезала веревку, и Загляда шлепнулась на землю.

– Ты отпустишь меня? – неуверенно спросила девочка.

– Не могу, – покачала головой Дубравка. Она взяла кусок отрезанной веревки и подошла к девочке.

– Я не верю тебе. Народ леса столетиями воевали с вами. Поэтому... – голос ее сорвался, – пожалуйста, повернись ко мне спиной и заведи за спину руки.

– Не надо, Белочка, – прошептала Загляда, – мне холодно, я вымокла и устала, мне очень хочется есть... Пожалуйста, не мучай меня... Я должна все узнать о маме... Она исчезла.

– Мне очень жаль, – в мелодическом голосе загорки слышалась неподдельная горечь, – но я не могу отпустить тебя. По крайней мере, до утра. Ты просто не дойдешь до дома. Я сейчас разведу костер, ты обсохнешь и согреешься. Не больно? – она затянула последний узел.

Загляда подергала связанными за спиной руками.

– Нет, но неудобно, меня еще никогда не связывали. Я чувствую себя такой... – она запнулась, подыскивая нужное слово, – такой... беспомощной.

– Ты и должна быть беспомощной, – улыбнулась Белочка, – нука, дерни веревку посильней, освободиться не можешь?

– Не могу, – огрызнулась девочка и уселась на пенек.

Она была готова заплакать, ей было холодно и страшно. Загляда дрожала и не могла точно определить, отчего. «От холода, – убеждала она себя, – конечно, от холода. Ведь княгини ничего не боятся, и я не боюсь!» Но Загляда боялась и понимала, что обманывает себя. Она была честной девочкой. «Ну, ничего, – думала она, – себе врать можно, ведь об этом никто не узнает». Однако, как ни странно, себя обмануть еще никому никогда не удавалось. И когда Загляда подрастет, она, конечно же, об этом узнает. А пока маленькая девочка сидела на пеньке в грязной промокшей одежде, со связанными за спиной руками и плакала. Перед ее ногами уже разгорелся костер. Тепло приятно окутывало замерзшие ноги. Загляда вздрогнула, когда загорка нежно коснулась ее щеки.

– Почему ты плачешь? – удивилась Белочка. Ты хочешь домой к отцу?

Девочка замотала головой и попыталась плечом вытереть слезинки, но только размазала по щекам грязь.

– Фу, какая ты чумазая, – Дубравка вытерла слезинки, – прости, но я не могу тебя развязать. Ты убежишь и погибнешь. Ночью в лесу нельзя. Особенно сейчас.

– А почему именно сейчас? – всхлипнула Загляда.

– А ты не знаешь? – изумилась загорка. – Лазить по лесу и не знать, что идет русалочья неделя! Я думала, ты хоть полынь взяла...

– Какая полынь? Какая неделя?

– Через несколько дней будет день летнего солнцестояния. Знаешь, что это такое?

– Угу, – хмыкнула девочка, – самый длинный день и короткая ночь. А потом день будет укорачиваться и ночь удлиняться.

– Правильно, – подхватила Белочка, – а главное, это волшебные день и ночь. Все потусторонние силы его празднуют: ведьмы, лешие, упыри и прочая нечисть... Настоящая нечисть! Не я! В эту ночь можно собирать волшебную траву. Только в эту ночь цветет папоротник. А неделя до этого дня – русальная. Русалки танцуют, водят хороводы, а если увидят кого-нибудь – утащат с собой на дно...

– Утащат? – заикаясь, переспросила Загляда.

– Угу, обязательно утащат. Против них только полынь помогает, да и то не всегда... – Загорка внезапно замолчала и вдруг спросила:

– А ты вправду подаришь мне эти, как их, чулочки, если я провожу тебя домой? Вправду?

– Конечно, у меня их много. Только, – Загляда запнулась, – мне маму найти надо...

– Понятно, – Белочка насупилась, но сейчас же просияла, – придумала! Давай, ты мне эти чулочки отдашь прямо сейчас. А потом мы вместе поищем твою маму. А то ты одна все равно заблудишься, даже днем. Согласна?

– Да, – Загляда обрадовалась, она не ожидала, что все так хорошо обернется, – только ведь они совсем грязные...

– А, ерунда! – отмахнулась загорка, – а теперь встань и повернись спиной...

– Я тебя развяжу, только не убегай, – загорка распутывала узлы на запястьях, – а ты поможешь мне их надеть, а то я не умею. Боюсь порвать, – ее голосок звучал жалобно, – они такие тоненькие. Пожалуйста...

«Я тоже не умею их надевать, – подумала Загляда, – особенно на других. Это ведь обычно делают служанки. А я – княжна!»

Но загорка так умоляюще смотрела на нее, что вслух девочка ничего не сказала, и опустилась на коленки перед эльфийкой.

– Такие чулочки далеко на востоке червячки плетут, – начала рассказывать она.

– Червяки??? – Белочка недоверчиво фыркнула, – не может быть!

– Может! – заупрямилась Загляда! – Мне мама рассказывала!

– Да я же не спорю! – тряхнула головкой Дубравка, – просто хотелось бы таких червячков иметь! – она хихикнула.

Загляда тоже улыбнулась.

«А вообще-то эта лесная девочка красивая, веселая и совсем не злая. Я бы хотела иметь такую подругу!»

Загляда не могла знать, что в эту минуту точно так же про нее думает и зеленоглазая загорка. И именно в этот момент, когда маленькая княжна из замка, человеческая девочка, стояла на коленях, натягивая заморскую диковинку на ножки лесной принцессы, зародилась дружба сначала между этими девочками, а после, через долгие-долгие годы – между двумя народами. Но это совсем другая история.

– Тише! – вдруг зашипела загорка и как была босиком в полупущенном чулочке, повалила Загляду на землю и поползла к кустам. Ничего не понимая, девочка последовала за ней.

– Что случилось? – прошептала она, когда оказалась за кустами, рядом с Белочкой.

– Не шуми. Это русалки выходят на берег. Какая же я глупая! – Дубравка стукнула кулачком по земле, – тебе все рассказала, а сама ничего не сделала. Нам надо было уходить от озера. Теперь уже поздно. Может быть, не заметят... Лежи тихо, иначе пропадем! – Белочка крепко стиснула дрожащую ручонку Загляды. – Не бойся, все хорошо будет, – но уверенности в ее голосе не было.

Лунный свет заливал поляну, и, казалось, что молодые девушки в белых прозрачных одеждах с распущенными волосами появляются прямо из этого волшебного света. Они, тихонько перешептываясь

и смеясь, взявшись за руки, закружились в хороводе. Только одна оставалась в стороне и не танцевала вместе с другими... Грустные глаза смотрели вдаль, и по бледным щекам катились слезы. Загляда не могла рассмотреть лица этой одинокой русалки – мешали распущенные, длинные, до самых бедер, волосы. И тут утопленница откинула их и по-кошачьи выгнулась, подставляя лицо лунному свету. Загляда узнала ее и закричала... громко, отчаянно.

– Мама! – детский крик разорвал ночную тишину. – Мама! – девочка попыталась выскочить, но на нее навалилась загорка, не давая подняться и зажимая ей рот.

– Замолчи, – шипела она, обвинив Загляду ногами и прижимая к земле, – это уже не твоя мама... пойми... Она мертвая... Она забереет тебя к себе. Не кричи. Пожалуйста...

Но было уже поздно. Их услышали. Дико захохотав, русалки бросились к кустам, за которыми прятались девочки.

Русалки окружили двух дрожащих, жмущихся друг к другу девочек. Они хохотали, кружили вокруг них, тянули к бедняжкам свои мертвые бледные руки. «Утащим... утопим, – слышалось со всех сторон, – на дно... на дно... Будут наши подружки... Будем танцевать с ними. Хорошие девочки... Маленькие...»

– Не слушай их, – шептала Белочка. – Ради всего святого, не слушай. Зачаруют.

Голоса сливались. Русалки кружились все быстрее, и вскоре слова слились в тихую грустную песню:

*Девочки милые, глазки закройте,
Вечно покойтесь на иллистом дне,
Жить больше незачем. В сказочном гроте
Горе забудьте в чарующем сне.*

*Сны там красивые, сны там глубокие,
И не проснуться там никогда.
Здесь вы печальные, вы одинокие.
Там же мы счастливы будем всегда.*

*Будем ночами водить хороводы
Будем делиться волшебными снами.*

*Пусть перед вами расступятся воды...
Девочки милые, идите за нами...*

Песня с каждым куплетом странно меняла ритм, обволакивала, делала покорными. Дубравка и Загляда, взявшись за руки, шагнули вперед...

– Стойте! – раздался вдруг властный голос. Пение оборвалось, и тут же пропало все очарование. Девочки вскрикнули и еще крепче прижались друг к другу.

– Не надо, – повторила печальная русалка, – оставим их, уйдем отсюда...

– Мама, – прошептала Загляда, – ты вправду меня не помнишь? – она прикоснулась к холодной мертвой руке и, вскрикнув, отдернула пальцы. – Ты вправду... вправду умерла?

– Почему ты плачешь, девочка? – голос леди Карины был холодный и безжизненный. – Мы все умираем... Мне сейчас хорошо, спокойно... – она опустила длинные ресницы, – но не совсем. Что-то тревожит меня... Я не знаю, что. Может, ты сможешь мне, маленькая девочка. Помоги. Я хочу покоя... – По бледным щекам побежали слезинки.

– Мама, – голосок Загляды дрожал, – я помогу тебе, обязательно помогу...

– Мама? Какое странное, доброе слово. Кажется, я его уже слышала, и я видела тебя на... не помню! Мне больно вспоминать... Больно... Я не могу! Не могу! – несчастная русалка заплакала и бросилась к озеру.

– Не уходи, мама, – всхлипывала Загляда, – не оставляй меня. Пожалуйста, не оставляй...

– Не плачь! – Дубравка крепко обняла девочку, – не плачь, слышишь, а то я тоже заплачу. Мы что-нибудь придумаем, обязательно. Пошли к костру. Я должна тебе кое-что рассказать... Знаешь, я уже видела твою маму.

– Видела? – Загляда удивленно подняла глаза. – Где? Когда?

– Пойдем. Я все расскажу, только обуюсь, а то чулочки порву.

Обнявшись, они уселись у костра. И маленькая загорка начала свой рассказ.

– Это было несколько дней назад. Ночью я бродила с олененком на той стороне озера. Мы с ним играли в догонялки и прятки, – Белочка улыбнулась, – я всегда пряталась лучше него. Я забралась на

дерево у самого обрыва, как вдруг услышала голоса. Две молодые, очень красивые женщины кричали друг на дружку. Одна из них была твоя мама. Она была одета, как ты. Роскошное серебряное платье и червлёные с изумрудом сапожки на высоких каблуках, смешные – точь-в-точь, как у тебя. А все-таки ты очень на нее похожа. И волосы красивые, почти как у меня.

– А вторая? – шепотом спросила Загляда.

– Вторая... – Дубравка запнулась и отвела глаза. – Вторая... тоже красивая, только... только не совсем по-вашему. Нечеловечески красива. Иногда я даже боялась на нее смотреть. С роскошными белыми, сверкающими даже ночью волосами.

– Велена, – прошептала Загляда, – я знала, что она убила маму! Знала!

– Да, – печально кивнула загорка, – она убила. Но не совсем. Она хотела убить. Но... Я не все поняла из их разговора. Велена сказала, что, наконец, настал час. Пора платить «У тебя впереди сотни лет мучений, – прошипела беловолосая, да так страшно, что я чуть с дерева не свалилась».

А твоя мама не испугалась, так и стояла с высоко поднятой головой. Совсем без страха смотрела в глаза мо... молодой колдуньи. А та вдруг вздрогнула, опустила ресницы и тихо-тихо произнесла.

– Теперь ты моя. Я убью тебя царица. Вырву сердце, как обещала. И если бы ты поняла, то возблагодарила бы меня. За смерть.

– Не пугай, меня, Велена, я боялась тринадцать лет. Теперь я взглянула в лицо страху, и он ушел. Ты бессильна что-либо сделать.

– Бессильна! – усмехнулась Велена, – я?

Она развела руки в стороны, и трава стала расти невероятно быстро, опутывая ноги княгини, всё выше поднимаясь по телу. Княгиня едва не упала. Это была магия земли, одна из древнейших сил, доступная только ма... – Белочка запнулась и на секунду замолчала, – магам очень сильным, – я ужасно испугалась, Велена творила колдовство. Я чувствовала исходящую от неё силу. А твоя мама не испугалась. Она только печально улыбнулась, и на ресницах задрожали слезы.

– Ты опять ошиблась, Велена. Я никогда не буду твоей.

Потом едва слышно прошептала: «Прости меня, доченька, я не могу», – и... поднесла руку к шее, хотела коснуться ожерелья, как мне показалось, но... Велена вскинула руку и... в ней был нож. Быстро это было. Я даже увидеть не успела, откуда он взялся. Твоя мама... вскрикнула, пошатнулась и упала с обрыва в озеро, – выдохнула девочка, – а мо... может и не вскрикнула даже, – девочка опять опустила глаза, казалось, загорке очень трудно говорить. Вспомнить то, что она увидела.

Загляда закрыла лицо руками. Дубравка обняла ее.

– Там было глубоко, – тихо закончила она, – а твоя мама крепко связана.... Может быть, Велена ничего не успела сделать, потому что застонала и воздела руки к небу. Небосвод раскололся. Молния ударила в землю, у ее ног. Вспыхнула трава. По берегу побежала трещина. От удара я чуть не сорвалась с ветки, на которой сидела.

– Глупая, – прошептала Велена, – я убила тебя, царица. Хоть и не так, как хотела. Жаль, что ты не отдала мне своё сердце. Но, похоже, тебе оно уже не принадлежало. В этом-то вся беда. И твоя, и моя. Что ж, значит, заберу то, что ты носила под ним, – снова громыхнуло, и ворожея исчезла в клубях дыма.

Загляда тихонько всхлипывала.

– Это я! Я – то, что мама пообещала Яге, не догадавшись, о чём речь. Из-за меня мама захотела умереть. Если бы она меня отдала, то была бы жива!

– Нет! Твоя мама не хотела умирать, – прошептала Дубравка, – она хотела защитить тебя! Она стала русалкой. Ты же знаешь, что русалки – это утопившиеся девушки, чьи души не смогли попасть на небо?

– Знаю, – кивнула девочка, – но мама... Она просила помочь. Я обещала. А как – не знаю.

– Мы что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем, – твердо пообещала Белочка.

– Я тебе верю, – шмыгнула носом Загляда, – а теперь проводи меня, пожалуйста, домой. Я должна рассказать папе, что случилось. Предупредить его. Но, боюсь, он меня не послушает. Велена, наверное, его тоже заколдовала. Но я должна попробовать. Просто обязана.

– Я не могу, прости, – загорка качнула головой, – мама в крепости...

– Что? – девочка вздрогнула при слове «мама».

– Говорю, мама твоя в крепость уже не вернётся. И тебе там делать нечего. Велена там. Тебя ждёт.

– Но я должна! Должна поговорить с отцом! Иначе нельзя. Неважно, что со мной будет!

– Важно, – шепнула Дубравка, – ну хорошо, идем. Ты поговоришь с отцом. А я тем временем поговорю с мамой, если её найду. Может, ещё что-то можно сделать. Волшебная ночь еще впереди.

– А кто твоя мама?

Загорка потупилась:

– Ну... я уже говорила. Она... Она – хозяйка. Госпожа. Повелительница.

– Повелительница... – прошептала Загляда, – можно мне её увидеть? Я попрошу, может быть, она поможет.

– Нет, – мотнула головой Дубравка, – тебе она не поможет. Ну, то есть, ты человек. А она... в общем нельзя тебе ей показываться. Идём.

Прошло несколько дней. Приближалась заветная ночь. А от Белочки не было никаких вестей. Поговорить с отцом Загляде тоже не удавалось. Велена все время была рядом. Что делать, девочка не знала. Она сидела у себя в комнате и тихонько плакала. Вдруг во дворе раздался стук копыт, и зычный голос прокричал: «Князь Гостемир, мы нечисть поймали! Маленькая дрянь у самого замка лазила!» Загляда выглянула в окно, и у нее перехватило дыхание. На площади в пыли со связанными за спиной руками, с веревкой на шее, в разорванной курточке сидела Дубравка. Ее головка была гордо приподнята. Огромные раскосые глаза смотрели презрительно и вызывающе.

Во двор спустилась Велена.

– Князь Гостемир занят. Ему некогда возиться со всякой нечистью. Я сама ей займусь. И обещаю всем, что мало ей не покажется.

Прекрасная маленькая загорка даже не вздрогнула. Лишь потупилась под взглядом Велены.

– В клетку ее! – бросила Велена, – и закрыть в подвале до утра.

– Ну почему все так плохо! – всхлипнула Загляда. – Я должна что-то сделать. Обязательно должна!

Белочке было больно и страшно, но она не подавала вида. Сама виновата, что попалась. Наказывала ей мама не подходить к кровати. Но ей нужна Загляда. Она должна была с ней поговорить. Загорку засунули в клетку, подвешенную к потолку. Она сидела, обхватив колени руками, и очень пыталась не плакать. Но слёзы сами собой текли по щекам... Что теперь будет? Она с ужасом думала о приходе Велены. Дверь злоеце закричала...

– Загляда, – прошептала Белочка, прижимаясь к прутьям, – ты чуть не опоздала.

– Я торопилась, – улыбнулась сквозь слезы девочка, – и все-таки успела. Бежим. Вот ключ... сейчас... ух, как туго. Всё!

– А стражник?

– Его нет. Я его отослала.

– Как?

– Но я ведь дочь князя.

– Ясно. Спасибо тебе, – Белочка прыгнула на пол, – а я узнала, как помочь твоей маме. Только бы нам спрятаться где-нибудь до вечера.

– У меня в комнате, – тут же предложила Загляда, – там тебя никто искать не будет – это точно! А как стемнеет, выберемся из терема. И я пойду с тобой.

Забравшись с ногами в постель Загляды, Белочка одно за другим поглощала пирожные.

– Вкусно! – сообщила она с набитым ртом. – А еще есть?

– Много! Но расскажи же, что ты узнала.

– Хорошо! А ещё эту обувку из паутины червячной подаришь?

– Обязательно. Рассказывай.

– Ну так вот, – начала Белочка, – твою маму можно вернуть.

– Вернуть! – вскрикнула Загляда, – вернуть совсем? Живую?

– Ага, – Дубравка запихнула в рот очередное пирожное, – только это трудно и опасно. Нужно в магическую ночь, то есть сегодня, нарвать зачарованных цветов – папоротника, что цветет всего лишь раз в году в полночь, и сплести венок. Затем, когда выйдут русалки и начнут водить хоровод, твой отец князь Гостемир, если он и вправду любит княгиню, должен узнать ее, схватить, выта-

щить из хоровода и надеть этот венок. А потом, если все получится, твою маму надо целый год не выпускать из дома ни в коем случае, и нельзя снимать венок, иначе она снова превратится в русалку, и ее не вернуть. А по истечении года заклятье спадет, и она станет обычной женщиной.

– Здорово! – Загляда захлопала в ладоши, – сейчас мы пойдем и соберем этот венок. А потом вернусь и расскажу все папе. И мы все пойдем и вернем маму.

– Не радуйся раньше времени, – качнула головой загорка, – у нас может ничего не получиться. Это очень трудно.

– У нас получится, обязательно получится! Я верю в это!

– Ну что ж, тогда пора выбираться отсюда, – Белочка соскочила с постели, – пошли, только осторожно. Ты знаешь крепость. Как нам лучше выйти?

– Есть один ход, – Загляда явно была в замешательстве, – но там темнота, пауки, а, может быть, и крысы.

– Ничего, с пауками мы как-нибудь справимся, – успокоила загорка, – веди...

Девочки медленно, стараясь не шуметь, пробирались по темному коридору, как вдруг послышались чьи-то шаги и свет факела разорвал тьму.

– Это женщина, – прошептала Загляда, – слышно, как каблук постукивают по полу. Интересно, кто бы это мог быть? Сюда никто не заходит.

– Это Велена, – Дубравка сильнее стиснула девочке руку, – я чувствую. Ну что ей здесь надо?! Неужели она нас ищет?

Но нет. Свет факела удалялся. Наконец, женская фигура остановилась у одного из окон. Колдунья сбросила с себя одежду и стала натираться какой-то резко пахнущей мазью. Девочки едва не вскрикнули, когда она шагнула на подоконник а затем в пустоту... но не упала... Несколько секунд еще было видно, как блестит смуглая кожа и ветер развеивает ее роскошные волосы. Через мгновение ведьма взмыла ввысь и исчезла.

– Она на Лысую гору полетела, – все еще шепотом произнесла загорка, – сегодня там колдуны и ведьмы шабаш устраивают. Без неё никак. Может быть, нам никто и не помешает. Успеть бы вовремя.

– Откуда ты столько знаешь про ведьм и шабаш? – настороженно спросила Загляда.

– Знаю, – буркнула Дубравка, – я сама нечисть. Не забыла?
– Прости, – княжна протянула загорке руку, – быстрее вниз!
И девочки, взявшись за руки, побежали из терема.

И вновь над головой Загляды лесные деревья сомкнули свои кроны. Но на этот раз девочка не боялась. Во-первых, она знала, куда и зачем идет, а во-вторых, ее руку держала Дубравка – хозяйка леса. Но, несмотря на это, идти становилось все труднее. Тропинка петляла, изгибалась немислимыми углами, ветви тянулись и хватили за одежду, корни опутывали ноги.

– Ну все, хватит! – не выдержала Белочка, – хватит нас дурачить! – крикнула она неизвестно кому. В ответ темнота захохотала и заухала. Загляда завизжала от страха.

– Не пугай, нас, бабушка Леший, – закричала загорка, – мы не боимся!

– Кто как... – шепнула Загляда.

– Мы все равно не заблудимся, я все дороги знаю, время только зря потеряем. А нам спешить надо. Лучше выйди и помоги нам.

– Дубравка, ты, что ли? Извини, не узнал. Глаза совсем плохие стали.

На тропинку вышел согнутый старичок.

– Ты вообще всегда одна ходишь. Что, подружку себе нашла?

– Нашла, бабушка Леший, – улыбнулась Дубравка, – и сейчас ей помощь нужна. Нам цветущий папоротник найти надо и венок свить.

– Ишь ты, – крякнул старичок, за трудное дело ты взялась, Дубравка. Девочку в самые дебри зачарованного леса завести хочешь? А коли она назад не вернется, а? Али мать твоя узнает?

– Не узнает, нету её сейчас.

– А коли вернётся? Неужто, думаешь, не прознает, что в лесу творится!

Дубравка потупила глаза.

– То-то, малышка. Сделаем так. Твою подружку у озера оставим. Там только русалки шалить могут. А так место безопасное. А тебя по старой дружбе, так уж и быть, доведу до заветных цветов.

– Хорошо, – кивнула Загляда, – я останусь, только возвращайтесь скорее.

Девочка заметила, что старичок одет как-то странно: левый лапоть у него был на правой ноге, сам – в звериной шкуре, хромой и

какой-то скосбоченный на левую сторону. В бороде – листья да опилки, а на голове – два маленьких рожка.

Загляда в глубине души была рада, что никуда не пойдет вместе с лешим.

– Я скоро вернусь, – пообещала Дубравка, – будь осторожна.

Она сделала несколько шагов и растворилась в темноте.

Девочка осталась одна. Озеро серебрилось, манило глубиной. Помнила Загляда, кто там нашёл себе приют, но не обрёл покоя.

– Мама, – прошептала она, – приди ко мне, пожалуйста, приди!

– Эх, Бельчонок, Бельчонок... не знаю, что и сказать тебе, – старичок бодро шагал по лесу и, казалось, тропинка волшебной скатертью раскатывается у него из-под ног. Дубравка несколько раз оборачивалась и с удивлением замечала, что за спинами тропинки-то и нет... даже трава оставалась непрямой...

– Не слушаешь ты меня, маленькая хозяйка, снова вздохнул Леший, – а зря... Я людей-то, поди, получше вас знаю... не доведёт до добра дружба с ними. По отдельности-то они, может, и хорошие, не страшные... А вот как вместе соберутся с вилами да топорами...

– Нет, Дедушко... Загляда не такая, она... она... Белочка долго подыскивала слово... она – княжна! Это значит, её слово – закон, и не для других, а для себя самой! Она очень сильная! Вот! Как и её мама! Не все люди одинаковые, дедушка!

– Да уж... и не все лесовяне, – ухнул филином старик, – не похожа ты на своих... шибко не похожа... Со мной дружбу водишь, с лисунками играешь. Не встречал я таких среди вашей братии. Всё гордые да надменные...

Дубравка рассмеялась:

– Никак утащить меня вздумал, дедушка Леший? В жёны взять захотел, а? Так я маленькая ещё, а ты старенький... Да и лешевича твоя разбуянится... да и мамка моя узнает и-и-и...

– Ох, и остра ты на язычок, Белочка, ох, остра... А вот с тобой мамкой у нас договор, так что не пужай зазря...

– Хе! Да ей эти договоры... уж, ты-то, Дедушко.

– Знаю, краса, как же не знать. Да и не раз заборчик ваш видел. Но коль в лесу заблудишься – всё одно к себе заберу! Стой... пришли. Полночь скоро... как гроза разразится – жар-цвет и распустится!.. Лишь на миг появится цветок заветный. Не успеешь со-

рвать – пропало всё. Черти и духи тебе мешать будут, смотри, не отвлекайся. И не бойся ничего – я в обиду тебя не дам, чай, и правда, потом в жёны возьму. Помнишь всё, что я тебе рассказал? Попынь из рук не выпускай – нечисть её боится... за круг не выходи, что на земле своим ножичком начертишь. Он серебряный. Освящённый как раз подойдёт...

– Да, Дедушко, помню!

– И не зови меня так! – проворчал старик, – я Лесной Хозяин, в конце концов! А не Домовик какой-то.

– Наш Домовой, Дедушко... мы же в лесу живём, – хихикнула Белочка.

– Вот именно – у меня в гостях, будешь дерзить – повыгоняю всех. Будете в холмах столетиями сидеть. Как родственники ваши.

– Не выгонишь, ты – милый...

– Я-то милый? – расхохотался старик и стал на глазах расти... Миг – и его седая борода касалась верхушек столетних елей... – Беги давай, гроза начинается... Я посторожу...

Первый раскат грома затерялся в гуле голоса. Девочка взвизгнула от восторга и захлопала в ладошки:

– Я сейчас вернусь с цветочком, и ты меня покатаешь, Дедушко!

От хохота Лесовика задрожали деревья. Сверкнула первая молния... Девочка вытащила кинжал и, покрепче сжав пучок полыни, шагнула на поляну, где рос жар-цвет, известный людям как папоротник...

– Загляда, – раздался за спиной тихий голос, – ты звала меня? Девочка обернулась. Перед ней стояла Карина.

– Мам, ты вспомнила меня! – она прижалась к холодной груди русалки.

– Вспомнила, – по щекам Карины катились слезы, – мне было очень больно, но я вспомнила. Милая моя доченька, прости меня.

– Не плачь, мама, мы поможем тебе. Дубравка знает, как.

– Ей нельзя помочь! – из темноты выступила Велена.

Загляда закричала.

– Не бойся, милая, – Карина обняла дочь, – здесь она бессильна. Сестры мои, русалки, займитесь ею! – крикнула она.

Тут же из ниоткуда появились девушки-утопленницы. Затянули свою песню, закружили вокруг колдуньи. Велена сделала шаг к озеру, другой... Вода доходила ей уже до бедер. Вдруг она вскрикнула руки и закричала. С неба полыхнуло огнем, вода вскипела. Русалки с визгом исчезли в глубине. Велена усмехнулась и вышла на берег. В ее руках змеились молнии.

– Хочешь, чтоб я тут котелок ушицы сварила? Невелик будет? – Она обвела рукой озеро.

Внезапно с ладони сорвался огненный шар. Карина провела рукой, и тот рассыпался фейерверком искр.

– Я знала, что в тебе есть сила, – засмеялась Велена, – странно, что ты решила ей воспользоваться лишь после своей смерти, фея.

– Уходи, Велена, ты ничего не можешь мне сделать, я уже мертвая.

– Именно, царица, именно... Хорошо, я уйду, – улыбнулась колдунья, и в зелёных глазах запрыгали лукавые бесенята, – но не забудь, что твой муж и дочь будут моими. Потому что, как ты правильно заметила, ты – мертвая! Надеюсь, ты понимаешь, что это значит? Король придёт за тобой! Ты думаешь, что сбежала? Нет... он отпустил тебя... до поры. Мёртвый не может взять за муж живую. Ему была нужна твоя смерть. Но он не мог убить тебя сам. Таков закон! Никто не мог бы. Только я! Ну и, конечно, ты сама. И он сделал всё, чтоб довести тебя до этого. Извёл братьев, отца. Но ты оказалась сильной. Ты хотела жить. Ты боролась. И я помогала тебе. Но у него кончилось терпение. Он пришёл ко мне. Сам! С просьбой! По старой дружбе. Все-то дорожки ведут к моему домику. И я оказалась на распутье. Я хотела вернуть его. Но обещала помочь тебе. И еще кое-кому. И помогла бы. Вырезанное сердце – надёжный способ остаться мёртвой даже для мёртвого. Но ты противилась неизбежному. Ты выбрала другой путь. Девочка, ты забыла: он – Король Мёртвого Воинства. Лорд Неблагодарного Двора. А ты, фейка, ты кто?

– Кто я? – улыбнулась Карина, – я невеста Короля Мёртвых! Та, кого он выбрал! А это, – она погладила Загляду по голове, – его дочь! И скажи мне, ведьма, что сделает Король мёртвого Воинства, Лорд Неблагодарного двора с той, кто пыталась причинить нам вред?

Велена опустила голову:

– Вот как? Я недооценила тебя, королева. Не думала я, что ты решишься на такое. Предать любимого ради дочери. Отказаться от всего... Что ж... Да, Король может тебе поверить. Он мужчина. Но вот я не могу. Но если ты решила – произведём подмену. Ведь вы, феи, любите это дело. Плохо, конечно, если он выступит против меня. Придётся его убить. Ещё раз. Я бы не хотела... но будь как будет. А вы... «живите» – Королева и Королевна.

Велена повернулась, собираясь уходить:

– Да, надеюсь ты понимаешь, что твой Гостемир один не останется? Да и дочка у него найдётся. Раз уж мы о подмене говорим. О! Побледнела, фея? Даже мёртвая чувствуешь, что в отличие от тебя я не лагу?

– Мама! О чём вы говорите?

– Тише, Загляда. Она лжёт. Она знает, что проиграла и хочет напоследок отравить разум сомнением.

– Глупая фейка с ещё более глупой полукровкой, – качнула головой Велена, – не для тебя эта земля. Порхала бы у моря с цветка на цветок... а так пропала не за грош и девчонку сгубила. Я ведь всё равно её в живых не оставлю. Мешает она мне. Ну а пока... пока «живите», ночь-то короткая. А я – к твоему папе, – ведьма подмигнула девочке, сделала шаг и растворилась во тьме, словно плащ-невидимку запахнула.

– Все хорошо, – Карина обняла дочь, – не бойся!

– Я не боюсь, мам, – Загляда всхлипнула, – но я не знаю, что мне теперь делать.

– Возьми, – русалка протянула девочке маленький прозрачный камешек, – это моя застывшая слезинка. Когда будет трудно, брось ее через плечо, и она разольется горячим соленым ручьем. Велена никогда через него не переберется. А это, – Карина протянула Загляде прядку волос, – передай папе. Он вспомнит меня, и больше никакие заклинания Велены не будут ему страшны. А теперь прощай, дочка, мне пора уходить.

«А кто мой папа?» – хотела спросить девочка, но прошептала только:

– До свидания, мама, мы непременно спасем тебя. Непременно. Потому что я очень, очень тебя люблю! И тут из леса выбежала Дубравка. В руке она сжимала несколько пылающих лепестков. Папоротник расцвёл.

Девочки тихонько пробирались по замку. Загляда бережно держала заветный веноч, в который были искусно вплетены волшебные лепестки.

Она была рада, что его сорвала Дубравка, и ей не пришлось ходить по лесу с этим страшным старикашкой. «Скоро все кончится, и мама будет с нами», – девочка чуть не плакала от счастья.

– Быстрее, – торопила загорка, – нам надо найти твоего отца до того, как вернется Велена.

– Уже пришли, – прошептала Загляда, – вот его покои. Папа, наверное, спит, – девочка приоткрыла дверь, и чуть не закричала. Князь Гостемир лежал в постели, и Велена сидела рядом гладила его волосы, а из пальцев лилось слабое сияние:

Засыпай и забудь ты про дочь и жену.

Ни о чем не грусти, никого не жалея.

Полюби лишь меня! Лишь меня ты одну

Полюби... И забудь о печали своей...

– Не дай ей закончить приворот! Это навсегда! – закричала Дубравка и бросилась в комнату. – Мама, не надо!!!

Велена вздрогнула и обернулась, не завершив заклинание.

– Мама? – прошептала Загляда. Веноч выпал у неё из рук, – она – твоя мать?

– О! маленькое отродье, ты сама пришла ко мне, мне даже не пришлось за тобой бегать! – слова Велены относились к Загляде, не к Дубравке, но ответила ей загорка.

– Мама, она – моя подруга! Единственная подруга! Ты не причинишь ей вреда! Обещай!

– Конечно, не причиню, дурёшка. Я её просто убью. Никто и не заметит. А тебе найду другую игрушку. Эта плохая.

– Загляда? Что... – князь попытался подняться.

– Спи, – махнула в его сторону рукой Велена, и Гостемир рухнул на подушки.

– М-да... тут становится шумно. Не будем мешать папе. В коридор, девочки, в коридор...

Но загорка и так уже стремительно метнулась к выходу, подхватывая с пола веноч.

– Беги, Загляда, беги, – крикнула она на ходу, сунув веночек в руки растерявшейся девочке, – разбуди отца! Дашь ему вдохнуть аромат цветка, и он проснётся. Расскажешь ему всё. Он поймёт, что нужно делать.

– Ты предала меня! Обманула! А я... я верила тебе!

– Нет!!! – Дубравка схватила её за руку, – бежим! Если ты останешься, то погибнешь!

– Дубрава! Отдай мне эту девчонку, и я не стану тебя наказывать! Ты не понимаешь. Она опасна.

Девочки что есть сил мчались по коридору. За спиной раздавался голос Велены. Ведьма не спеша плыла над полом.

– Не сюда! – закричала Загляда повернувшейся за угол девочке, – это кухня.

Но было поздно. Велена заслонила единственный выход.

– Две мышки-воришки попались на кухне, – промурлыкала она, медленно приближаясь, – тут-то вас и зажарят! Во всяком случае одну, – на ладони Велены заплясали языки пламени.

– Нет! – взвизгнула Загляда в тот момент, когда Дубравка с силой толкнула её в руки Велены... но нет, не в руки, их она прижала к своей груди и взмолилась:

– Мама, я прошу тебя! Если ты сделаешь ей больно, я убью себя! Поверь!

– Да я сама убью тебя! – Велена вырвала руки, – превращу в белку, будешь десяток лет орехи мне щёлкать! Брысь отсюда!

Загляда же не мешкала, кувыркнулась через порог. Не устояла на ногах, упала, попыталась отползти... Ведьма уже повернулась к ней.

– Прости меня, девочка, но выбора нет. Путеводец должен быть только один...

– Помоги мне, мама, – маленькая княжна всхлипнула и швырнула через плечо подаренную застывшую слезинку. Тонкая струйка ручейка, растекалась, побежала от стены к стене. Велена шагнула было к Загляде, но над ручьем вспыхнуло белое пламя. Колдунья отшатнулась.

– Карина! – скривилась она, – ты все не сдаешься...

Ведьма повернулась к Дубравке:

– Видишь, что ты наделала!

– Не трогай меня! – Белочка прыгнула к одной из полок и, схватив коробку, насыпала круг из белого порошка и заскочила внутрь.

– Соль, – пояснила она, – ни одна ведьма не сможет перешагнуть эту черту! Не бойся за меня, Загляда, она сама оказалась в ловушке. Не может меня достать и не может выбраться отсюда. Иди, найди отца, верните маму. А я подожду тебя здесь. Только торопись. Все нужно сделать до полуночи.

– Но... – Загляда замерла в нерешительности, – я не могу тебя оставить.

– Она – моя мать, – улыбнулась Дубравка, – беги быстрее, не теряй времени. Со мной все будет хорошо, – она показала Велене язык и спокойно уселась на пол в центре соляного круга.

– Папа, выслушай меня, – мы должны спасти маму! Папа! – Загляда в ярости топнула ногой.

– Успокойся, дочь, – голос князя был усталый, но твёрдый. – У тебя, наверно, жар, ты бредишь. Где Велена?

– Папа, возьми это! – мама просила передать. – Девочка протянула отцу локон тёмных волос. Князь Гостемир вздрогнул, рука его тряслась, когда он протянул ее дочери.

– Карина! – прошептал он, – как я мог забыть, любимая...

– Папа, ты вспомнил! – Загляда, всхлипнув, обняла отца. По щекам князя тоже бежали слезы.

– Не плачь, малыш, теперь все будет в порядке. Все будет хорошо. Но не у всех! Это я обещаю.

Отец выпрямился во весь рост и перекинул через плечо перевязь с тяжелым двуручным мечом.

– Идем, маленькая, и пусть боги никому не подарят судьбу встать у нас на пути!

Дубравка сидела на полу, скрестив ноги, и не спускала глаз с колдуньи.

– Зачем, мама?

– Что?

– Зачем ты это всё делала? Значит ты такая, как о тебе говорят люди?

– Я хуже и страшнее. Но не в этом дело. Ты знаешь, почему я выбрала это имя?

– Выбрала? – Дубравка удивлённо приподняла голову. – Имена не выбирают...

Колдунья засмеялась:

– Глупышка. Много столетий, много миров, много масок и... много имён. Всё это ждёт и тебя. Но только если твоя Загляда умрёт.

– Но почему, мама?! Почему! Она добрая! Она никому не причинила зла! Почему?

– Потому что иначе умрёшь ты. Путеводец должен быть только один. И он об этом знает.

– Какой Путеводец? Кто такой «он»? – Дубравка вскочила на ноги, я взрослая, мама! Я имею право знать!

Велена вздохнула:

– Не так всё должно было быть. Не так... Велена – от слова «велеть», «повелевать», а какая я, к чертям, властительница, если меня не слушает собственная дочь!

– Я слушаю, мам. Но я не дам тебе обидеть Загляду. Кто такой Путеводец и кто мой отец?

– Что ж, история будет долгой, может пойдём домой?

– Нет! – Дубравка упрямо уселась на пол. Велена вздохнула, взмахнула рукой. Меж бровей образовалась лёгкая складочка, а за спиной – роскошное мягкое кресло. Колдунья изящно опустилась в него. – Что ж, девочка, послушай сказку и ты. О Путеводце.

СКАЗКИ БЕЗ ЗАГЛЯДКИ

ПУТЬ КОЛДУНА

Итак, сказка о колдуне. Далеко или давно, когда вышедший в сумерках из леса старик зачастую оказывался лешим, а не приподнившимся грибником, когда под «ночными танцами» подразумевали не вечеринки в клубах, а ведьмовский шабаш на колдовской горе и поднимали голову, чтоб увидеть не самолёт, а расправляющего крылья змея-огневица, именно тогда жил в одной суровой стране не менее суровый человек, чародей-чернокнижник Эйтерн Мак Хейлин, по прозвищу Космач.

Даже старики не помнили, откуда он родом и когда пришёл в их земли. Да и он ли пришёл? Может статья, это они пришли в его. Говаривали даже, что и вовсе не пользуется он путями смертных. Не знают его сапоги дорожной пыли, ибо поднялся он однажды на самую высокую скалу и вызвал на битву яростный горный ветер ущелий. И выиграл. Склонил голову могучий соперник, сложил крылья. Оседлал его колдун и носится теперь он, покоривший ветер на его призрачных крыльях. А ещё сказывали, что замок колдуна не построен из дерева да камней, как испокон у людей заведено, а вытесан прямо в скале, что каменным надгробием возвышается над пенным морем. И если в ночь полной луны подобраться незамеченным к жилищу чародея и взглянуть через колечко, свитое из омелы, срезанной на заброшенном кладбище в то же полнолуние, то и увидеть удастся в кипящей пене, как бьются о подножье скалы-замка могучие седовласые старцы. Силятся разрушить своё же творение души порабощённых некогда чародеем великих друидов. Тех, что поднимали плиты Стоунхенджа, скрытые туманом древнего Альбиона. Тщетно, в невыразимом гневе и отчаянии, вновь и вновь бьют они разбитыми в кровь кулаками по несокрушимой скале. И стоны их сливаются с ревушим ветром, а седые волосы взметаются ввысь вместе с морской пеной. Каждый день и каждую ночь продолжается их мука, ибо гласит пророчество – как только будет разрушен Кэр Туир, Замок-Башня, обретут свободу пленённые колдуном души. Но... Никто не срывал на кладбище омелу, не скручивал колечко, не подкрадывался к скале и не смотрел на бушующие волны. Ибо боялись. Да и зачем проверять самому, что и так ведомо? Гоже ли сомневаться в том, что тебе деда рассказали? Поэтому жили себе люди, перешёптывались, долгими ночами рассказывали страшные сказки, особенно во время разыгравшейся бури, и старались обходить злое место стороной. А Скала темнела, как и прежде, и всё так же стонал ветер, разбивая волны о гладкий гранит утёса. И несокрушимы были стены Кэр Туира. И крепки чары колдуна-чернокнижника. И не было дела Эйтерну Мак Хейлину до крестьянских сплетен.

Вернее, до тех, что касались его самого. А вот до других – очень даже было! Часто прикидывался чародеем простым торговцем-путешественником, а ещё чаще воином наёмным, потому что был высок, широк в плечах, удал, статен да красив. С мечом и ножом управлялся не хуже, чем со словом. А на людей почему-то во

все века (это Эйтерн-Космач понял уже давно) впечатления производят краса да сила, а не знания и разум. Вот и приглашали молодого воина к костру или к столу и делились кружкой эля да рассказами о существах дивных, которых, как считают, и нет вовсе. И слушал чародей, ибо знал, какова власть у Слова и какие тайны может оно раскрыть. Но знал чародей и другое, что сильнее Слова в мире только Вера. А в то, что рассказывают за стойками придорожных трактиров, люди верили безоговорочно. Вот и слушал Космач рассказы о заснувших драконах, что обросли мхом и превратились в горные хребты. О громадной рыбе, которую моряки по неведению за остров принимают. И, конечно, о феях. Об их прекрасной и могучей Королеве. И вот тогда напрягся колдун, загорались его глаза каким-то странным блеском и подавался он вперёд, чтоб не пропустить ни одного слова. И долго потом выспрашивал, что да как, когда и где. А всё потому, что была у него мечта тайная, дума сокровенная – выкрасть могучую фею. Заставить служить себе прекрасную Королеву. Ибо хоть и сильным колдуном был Космач, но не мог он добиться главного, ради чего и жил, собственно, не мог упорядочить разбросанные миры. Нанизать их, как бусинки на одну нитку, и нацепить себе на шею. Стать свободным. Бессмертным. Внемирным. Стать Властелином! Вот таким было самое заветное, жгучее желание воина, учёного и чернокнижника Эйтерна Мак Хейлина.

Долгие годы провёл он в исканиях и понял одно – без помощи ему не обойтись. А был Космач не только честолобив, но и разумен! Знал он – многие жаждут знаний, власти, богатства и готовы заплатить любую цену, готовы идти на всё. Этого Космач делать не собирался. Видел он, как корчились под испепеляющим взглядом Инквизиции, недремлющего и сурового Ока Церкви другие колдуны и ведьмы. Отчасти поэтому и перебрался Космач сюда, чуть ли не на самый край земли. Но не бушующее пламя костра останавливало его от того, последнего шага, на который, по глупости, решились другие. Нет! Не заключит он договора с Нечистым, хоть и сулил тот невиданное могущество. По одной причине. Не мог Эйтерн Мак Хейлин отказаться от души, от той Божьей искры, которая делала его человеком. Делала Творцом. Поэтому-то и гонялись так слуги Тёмного за человеческими душами. Сами-то творить не могли. Только изменять уже данный им мир. Космач искренне не понимал тех, кто додумался променять Божественное,

недостижимое на обычное земное – слитки золота, титулы... любовь. Особенно его, конечно, сместило последнее – продать душу, чтобы любить. Как? Глупость. Бред трубадуров. Сам Космач никогда не любил. Не любили и его. Что считал он за великое благо. Ибо любые отношения есть ограничения свободы. А свободу ценил он превыше всего, потому что она позволяла действовать. И Космач действовал. Искал. Узнавал. Пробовал. И пришёл к выводу, что достиг предела. Дальше без помощи ему не двинуться. Вот тогда великий маг Эйтерн Мак Хейлин, исписавший десятки тысяч страниц и в сотни раз больше прочитавший, резко повернулся и шагнул назад, к своим предкам. К безграмотным ведьмам и волховальникам, ведунам и знахаркам. Тем, для кого навести порчу, испортить молоко, приворожить человека являлось чуть ли не вершиной магического искусства. Не под силу им было вызвать демона и, заперев в начертанном пентакле, подчинить своей воле. Да и не помышляли они об этом. Квасили соседям молоко, сушили лягушек да собирали травы и были счастливы от того, что ни одна свадьба не обходилась без них, а ребятишки показывали пальцем вслед и ночью боялись подходить к их избам. Действительно, зачем демон, когда ты ощущаешь переполняющее тебя могущество, раз нагнал порчу на соседского поросё! И пусть не слуги Князя Тьмы приносят тебе драгоценные самородки, а змея-долгоножка отыскивает припрятанную кем-то монету. Что с того?

Маги, алхимики, чернокнижники презирали своих деревенских собратьев. Вернее, таковыми их даже и не считали. И уж тем более Эйтерн Мак Хейлин. И вот он понял – зря! Ибо хранили все эти шептуны да ворожки тайну, над которой бились столетиями все великие университетские колдуны научёнейшие. Тайну Единения. То есть связи с Неизменённым миром. Нет, не так. Конечно же, тайны никакой те не хранили. Даже не подозревали о существовании этой Тайны-то. Они просто жили! И секрет заключался в том, что не рядом с университетом, библиотекой, алхимической лабораторией, а рядом с лесом, омутом, холмами. И были у них соседи – не аптекарь, профессор или князь, а домовый, лешак, да обдериха. И, естественно, феи! Волшебный народ, жители холмов, добрые соседи. Ши. Существа неведомые, непредсказуемые и, порой, очень могущественные. Именно поддержкой такого союзника и решил заручиться Космач. Но просить колдун не привык, он привык брать! Причём всегда самое лучшее.

«Лучшим» в данном случае была прекрасная Королева Фей – Катринэ.

Легенды о её красоте передавались из поколения в поколение, но не очень-то они интересовали чародея, пусть и говорили, что не было прекрасней существа в подлунном мире с самого момента его творения, и даже единороги, самые гордые из всех созданий, склоняли головы, когда встречали её на лесной тропинке. С любопытством неизмеримо большим прислушивался колдун к сказаниям о её волшебной силе. И не могли его отпугнуть рассказы о жестокости Королевы, о том, что никогда не оставался безнаказанным обидчик, посмевавший причинить вред её народу.

Часто её видели. Могла она мчаться по лесу во главе охоты за белым оленем, а могла и в танце кружить на лугу вместе с подругами. Или даже постучаться в двери и попросить миску овса. (А вот это было бы кстати, – усмехнулся тогда Космач, услышав историю от старой трактирщицы. Но поскольку ему никогда особо не везло, то и возлагать все свои надежды на визит Королевы Фей в Кэр Туир за овсянкой он не стал).

Большинство же историй звучали несколько возвышенной, но и банальнее. Например (её поведала одна милая девчушка лет 15, при этом то и дело краснея и не отводя глаз от колдуна):

«В здешнем лесу, что до сих пор высится вон там, за холмами когда-то в стародавние времена, ну давненько то есть, когда мы ещё тут не поселились, была полянка, значит. В этом лесу. Да не простая, а чудо какая хорошенькая. Сплошь её усыпали дивные, нежные розы. Как будто кто-то расстелил яркий плащ под суровыми и колючими елями. Неодобрительно покачивали они мохнатыми головами да разводили разлапистые ветки, слушая щебечущую болтовню цветов.

– Ох, сестрицы, а ведь действительно, мы самые прекрасные из всего, что есть на свете?

– Да, наши лепестки краше разрумившейся зари.

– Да-да!!! Никто не сравнится с нами. Ни зверь лесной, ни человек красной.

– Так уж и никто? – вдруг раздался голос, в котором слились и вздохи ветра, и шум дубравы, и звон весеннего ручья.

– Катринэ... – зашептались и тут же смолкли ели, склонив вершины в немом восхищении.

– Катринэ! – пропел ветер и затих, заворождённый, коснувшись дыханием волос Королевы.

– Катринэ... – зашелестели травы, покрывая поцелуями её ноги.

– Я не ослышалась? Вы считаете, что прекраснее меня? Катринэ – Королевы Фей? Вы, мелкие и слабенькие – она нагнулась и сорвала цветок, – разве это настоящая красота... ай! – острый шип сорванной розы глубоко вонзился в нежную ладонь.

– Ах так! – глаза Королевы потемнели, и весь мир затаил дыхание. Перестали щебетать птицы. Белки замерли на ветвях. Бедные розы отшатнулись от разгневанной феи, теряя от ужаса свой волшебный румянец. А Катринэ вдруг рассмеялась и махнула рукой, роняя капельки своей крови на белые от ужаса лепестки.

– Запомните! Настоящая красота не может быть слаба и беззащитна! Вы же действительно прекрасны! И если я – Королева Фей, то эта роза, пролившая мою кровь, по праву – королева цветов!

– Вот так и появились красные и белые розы, – закончила девушка. – Это мне бабушка рассказывала, а ещё она мне плащик сшила и шапочку, как у королевы цветов! Вот!»

С этой девушкой Космачу пришлось встретиться ещё раз. И нельзя сказать, что оказалась встреча очень уж приятной.

Дни шли за днями, недели за неделями, как и было заведено. Листва меняли цвет, словно кто-то переворачивал странички в своём странном гербарии. Наступила осень. Космач злился, никак ему не удавалось напасть на след неуловимой Королевы. Везде о ней говорили, кое-кто даже видел, но не Космач. Будто она играла с ним. А игр колдун не любил. Тем более, если не он предлагал правила.

Золота на деревьях стало уже больше, чем в туго набитых кошельках богачеев, и земля подставила ладони, чтобы принять этот дар, а чародей всё шёл и шёл куда глядели глаза и несли ноги. За спиной остались белые призрачные леди, умирающие в молочном тумане, клубившимся под сапогами колдуна... и красные колпаки в придорожной канаве, подкрашивающие свои шапки кровью, но сейчас не человеческой, как обычно, а уже собственной... и буги, напуганные до такой степени, что желание пугать у них пропало навсегда. Много чего осталось за спиной. Но Королеву он так и не встретил. Зато встретил свою знакомую девушку в красном плаще и шапочке. Правда плащ был сорван и расстелен на земле, а шапочка втоптана в грязь. Зарёванная девчонка в заляпанном платье

жалась к дереву. А трое громил в волчьих шкурах хохотали и рылись в берестяной корзине.

Космач прошёл мимо. Он, как правило, не вмешивался в чужие дела и не хотел, чтоб вмешивались в его. Но почему-то вспомнились глаза – огромные, доверчивые и голосок, взалёб рассказывающий историю о глупых цветочках. Колдун поморщился и повернул назад.

– Господа, я так понимаю, вы голодны? Я не могу предложить вам еду, у меня её попросту нет, да и я почему-то подозреваю – три золотых вы примете с большим воодушевлением? Нет?

– Ты кто? – прорычал главарь, оставляя разорённую корзину помощникам.

– Согласись, это сейчас не столь важно, – пожал плечами Космач. Важнее другое.

– Что?

– Время.

– Что-о-о-о?

– Ключевой момент. Как на перекрёстке. Когда дорогу выбираешь ты сам. А не просто безумно топаешь туда, куда ведёт тропа. Как правило, о таких моментах не предупреждают. Но я делаю исключение.

– Умник, ты знаешь – кто я?

– Это ещё менее важно, поверь.

– Я, – взревел детина – Волк! А это – Стая! Слышал о нас? По этой тропе никто не ходит без нашего ведома!

– Теперь вы в курсе. Видишь, я по ней иду, – Космач старался говорить медленно и доходчиво, но, похоже, у него не очень-то получалось.

– Чего? Ты с кем говоришь?

– Я говорю, вам теперь ведомо, что я тут. Поэтому предлагаю выслушать и принять решение.

– Гы-ы-ы! А мы его уже приняли, – встрял один из Стаи, отбрасывая корзину к ногам девчужки, – говоришь, у тебя золотишко есть? Ну. Дык давай его сюда.

– Цыц! – рявкнул Волк и шагнул вперёд, доставая из-за кушака тяжёлый топор. – Но на самом деле Меньшой дело говорит. Сначала ты. Красна Шапка на забаву.

Космач скривился. Ну не умел он разговаривать с людьми. Не находил общего языка. Отвык. И начал снова.

– Вы выбрали, ещё не услышав варианты. То есть моего предложения. Ведь так и ошибиться не трудно.

– Глянь, Волк, косматый не врубаётся, объясни ему, а?

Девчонка у дерева перестала всхлипывать. Космач даже подивился. Чудная, ревели пока ничего не случилось, а как до дела доходит – затихла. Может, с ними? Да нет, не похоже...

Колдун спокойно смотрел на приближающегося разбойника.

– Короче, – предпринял он решающую попытку, – я выполняю любое ваше желание, а вы отпускаете девочку. Идёт?

– Так и любое? – оскалил полусгнившие зубы главарь.

– Любое, – кивнул Космач, – без подвоха. Осознанное, высказанное тобой вслух желание. Ну как, договор? – он протянул руку, – трое свидетелей. Двое твоих, одна моя.

– А чё? Договор! – огромная лапища сдавила кисть колдуна и вдруг рванула вперёд, прямо на выставленный топор.

Тут произошло что-то странное. Космач действительно полетел вперёд, а куда ж ему было деваться, силищи Волк был непомерной. Вот только почему-то на заточенное лезвие не напоролся. Скользнул мимо, и, самое интересное, руки главаря не выпустил. А наоборот, ещё и вторую прихватил чуть повыше локтя. Противный хруст и дикий рёв раздались одновременно, и трудно было определить, что прозвучало страшнее. Девчонка даже зажала уши. Представители стаи метнулись жожаку на выручку, но замерли, увидели рухнувшую на колени тушу, перекошенное болью лицо. И не только... Как-то очень уж тошнотворно-неправильно у Волка нога согнулась. Да и рука висела недвижно перешибленная. Вторая, вывернутая, к горлу топор прижимала. Казалось, Космач лишь слегка её поддерживал, направлял вроде как. Кровь струйками сползала по густой бороде и бычьей шее головореза.

– Итак, – голос колдуна оставался спокоен, отчего становилось ещё страшнее, – мы скрепили наш договор рукопожатием. Теперь я слушаю желание. Не забудь, только одно.

– Пощади... не убивай! – кадык разбойника тяжело перекатывался под отточенным лезвием.

– Ну... Желание естественное, даже предсказуемое, хотя и не сказал бы, что разумное. Если учесть твоё нынешнее физическое состояние и... хм, способ пропитания. Но это полбеды. Загвоздка же в том, что оно трудновыполнимое, – Космач задумался, – обычно, поднявший руку на меня, лишается не только руки. Но... у нас же договор...

– Договор, договор... – закивали разбойники. Главарь кивнуть не мог и только хрюкнул.

– Ну, коли так – добро пожаловать в правовое общество, – Космач отбросил топор и кивнул «волчатам», – забирайте вождя. Если умеете – вправьте кости и наложите шину. Хотя, вряд ли поможет. Да, и ещё о вождях. У кельтов однажды один из таких в бою лишился правой руки. После чего его и свергли. Ибо правая рука – символ чести, искренности и милосердия. А на что нужен вождь без всего этого? Советую задуматься.

– Ага, – пропыхтел Меньшой, силясь устоять под навалившейся тяжестью изрыгающего проклятия и стоны изувеченного главаря. – А ишо он драться не смогёт. И вправду почто нужен?

– М-да, – вздохнул Космач, – я имел в виду не это. Ну да ладно, – он тряхнул головой и повернулся к девушке. На раздававшиеся за спиной пыхтение и ругань больше он внимания не обращал, вскоре стихли и они, растворившись в более благопристойном шуме леса. Девушка сидела на земле, как-то бессмысленно перебирая вываленные на землю пирожки. Очищала их от травинки и складывала обратно в корзинку.

– Вот, – колдун присел на корточки и протянул ей три золотых монетки. – Они отказались. Выходит, кругляшки по праву твои.

– Мои? – она удивлённо подняла глаза. Они оказались ещё больше, чем даже запомнились Космачу. – Ой, – спохватилась она вдруг, – спасибо Вам большое, сударь. И простите меня за неучтивость, – девочка вскочила и присела в очень неловком реверансе. Ну, до того она забавно выглядела, со своим зареванным личиком с замызганным пирожком в руке, в заляпанном платье, застывшая в позе корявенького полупоклона-полуприсеста, что колдун не выдержал, улыбнулся. А улыбался он редко.

– Помочь?

– Что Вы сударь! Я сейчас быстренько. – Она скидала оставшиеся пирожки в корзинку. Подобрала плащ и свою шапочку. Глаза её снова наполнились слезами. – Красивенькая была, – всхлипнула она, – бабушка подарила...

– Позволь? – колдун взял шапочку и накрыл сверху ладонью. Едва заметное изменение структуры, лёгкое переплетение волокон. Но Боже! Как же трудно менять сущее, гораздо легче создать новое. – Вот, почти как новая, потом выстираешь и всё, – он постарался, чтоб руки не дрожали. «Зачем я это делаю?! – промелькнула

мысль, – тратить столько сил. На какой-то кусок тряпки. Безумец». Но взгляд девочки напрочь выжег эти мысли. Её глаза сияли.

– Вы волшебник, да? Добрый. Совсем-совсем как в сказках, – это был уже не вопрос, а утверждение.

Эйтерн Мак Хейлин вспомнил суда и замки, сгорающие дотла при взрыве так называемых «горшков с огнём», вспомнил мёртвые улицы зачумлённого города и матерей с детьми, которые скребли ворота его башни, оставляя в дереве ногти. Вспомнил и не смог кивнуть в ответ.

Но девочка и не ждала подтверждения.

– Конечно, вы добрый! Даже слишком. Вы отпустили их живыми, – она насупила бровки, – я бы так не сделала. Они вон, мне пирожки вывалили, шапочку порвали. А теперь может ещё кому чего-нибудь сделают. Они плохие!

– Это лишь умозаключение, – усмехнулся колдун.

– Простите?

– Я говорю, ведь это только мы так думаем. А на самом деле, мы не знаем, что будет дальше. А вдруг они по дороге помогут священнику и затем уйдут в монастырь?

– Ой, – засмеялась девушка, – неужели Вы это серьёзно? А может они встретят этого священника и убьют его.

– Может, – согласился Космач, – и более того – это даже вероятнее, но, повторю, мы этого знать не можем. Поэтому и приговор выносить следует, исходя из фактов, а не домыслов.

– Вы так чудно говорите, – улыбнулась девочка, – а я сказала проще – Вы добрый.

– Нет, – качнул головой Космач, – Вот если бы я возвращался этой тропой и снова повстречал их тут... с Вами, вот тогда бы у меня были факты, и я бы поступил иначе.

– Со мной... – вспыхнула девушка. – То есть Вы думаете, я с ними? Что я заманиваю путников, таких как вы и...

– Умозаключения, – усмехнулся Космач, – Видите – это просто. Вы уже научились, – он подмигнул девочке, отметив, как та зарделась. И поднялся на ноги. – Мне пора.

– Постойте! – девочка схватила его за плащ, – может быть я смогу Вас как-то отблагодарить. У меня ничего нет, но я слышала, как Вы сказали о еде, о том, что она у Вас кончилась. Вот, возьмите... – она протянула корзинку колдуну, – возьмите, пожалуйста. Они вкусные честно-честно, хоть и немножко помялись.

– Спасибо, – кивнул Космач, – я рад был оказаться полезным. Читай сказки, Красная Шапочка. Это лучше, чем бродить по лесу. Во всяком случае – безопаснее.

– Что Вы! – засмеялась девушка, – я и читать-то не умею. А в лесу я с детства. Я его не боюсь. У меня бабушка там живёт.

Космач насторожился.

– Вернее, она не моя бабушка, – продолжала стрекотать девчонка, – когда я была ещё маленькой-маленькой, я заблудилась в лесу. А она меня нашла и привела к себе. Сначала было страшненько. Я думала, она меня съест, – девочка хихикнула и чуть покраснела, – но потом бабушка дала мне котёнка и сказала, чтоб я шла за ним. Я шла-шла и вышла прямо к деревне.

– А котёнок? – спросил Космач.

– Котёнок потом убежал, – махнула рукой девочка, – но это не беда, я же говорю, что лес знаю. Поэтому потом я снова пошла к бабушке, ну, отнести гостинцев и вообще, она одна, ей там грустно.

– Так и-и-и...?

– Ну, бабушка сначала очень рассердилась, когда увидела меня во второй раз. Мне даже снова боязно стало. Но потом ничего, по-привыкла.

– Кто? Ты или бабушка?

– Обе, – улыбнулась девочка, – она учит меня корешки и травки собирать, о деревьях и птичках рассказывает. А я ей о том, что в деревне да окрестностях делается. Хотя мне кажется, бабушка всё-всё и так знает.

– Послушай, а ты можешь рассказать, где живёт твоя бабушка?

Девочка опустила глаза:

– Понимаете, сударь. Я обещала, что никому-никому не скажу. Даже тятё с матушкой.

– Я понимаю, – вздохнул колдун, – был миг, когда он хотел погрузиться в сознание девочки и попросту заставить её сказать. Но опять что-то помешало. И Космач знал что. Совесть, чтоб ей пусто было. Сколько он от неё не избавлялся, ан нет – вылазит, неожиданно-негаданно. Он уже начал подозревать: быть может, она частица той самой Божеской искры – души. В таком случае с ней оставалось только мириться.

– ...но Вам я скажу! – девочка оказывается не закончила, – я же понимаю, Вы спасли меня. Живой меня бы не отпустили, – она чуть заметно вздрогнула. – Если Вы пойдёте по этой тропинке, а у

огромного старого вяза, того что молнией расколот, свернёте на ту сторону, где мха больше, то Вам останется только тропку звериную вдоль болота найти – и по ней. А потом будет заброшенная деревня. Жутко там, особенно ночью, я поэтому и не могу с Вами пойти, проводить. Бабушка сказала, если я появлюсь ночью в деревне, то уже никогда белого света не увижу. Живой не выберусь. А ещё там холм эльфов есть неподалёку. Говорят, эти феи всех жителей и перетаскали к себе в мир загробный. Милый сударь, пойдёте со мной к мамке с тятьей. Вы, наверное, видели – деревушка вон, за речкой. А завтра поутречку я Вас к бабушке провожу...

Космач прищурился и взглянул, как усталое солнце плескалось в зеленоватом хвойном море. «Интересная штука жизнь. А ведь пройди я мимо или не заговори о детской сказке – так бы и блуждал без зацепок по этому вековечному лесу. Коль удача улыбнулась, нечего тянуть. Утро вечера мудренее, но мудрости мне и своей хватает».

– Спасибо, – вслух произнёс он, – ты и не представляешь, насколько мне помогла. Ну, беги домой. И выучись читать! Полезная штука, скажу я тебе. Иногда.

– Вам спасибо! – девочка вдруг прильнула к колдуну, привстала на цыпочки, обвила руками за шею и поцеловала в заросшую щетиной щёку. – Вы славный! Даже если сами думаете по-другому. До свидания, добрый волшебник!

Космач оторопел на миг, а когда пришёл в себя, наглая девчонка уже бежала по тропинке, весело размахивая полами своего красного плаща.

Колдун усмехнулся и развернулся в другую сторону. Впереди темнел лес. Космач сделал несколько шагов и остановился.

– Умозаключения, будь они неладны, – пробормотал он, глянул на корзинку в руке и... размахнувшись, зашвырнул ее подальше в ельник.

Затем поправил сбившуюся перевязь с мечом и бодро зашагал по едва заметной тропке.

Долго ли, коротко ли брёл Космач по указанной дорожке мимо вяза да вдоль болота, не столь важно. Важно, что наконец-то очутился он в позабытой людьми и, как сказала Красная Шапочка, даже Богом, деревушке.

Гулко ухали на ветру ставни домов пустых да заброшенных. Мёртвым взглядом слепых глаз провожали чужака провалы окон. Знал чернокнижник, чего ожидать от этих «взглядов». Не раз и он

оставлял на пути своём такие вот места. Напряглась его спина. Ладонь на рукоятку меча легла. А воздух замерцал чуть заметно, готовый вскипеть от брошенного заклинания. Но было вокруг тихо, если не считать горестных вздохов оставленных лачуг. Солнце уплывало в своей ладье и почти что уже скрылось за линией горизонта, лишь взмахи его весла отбрасывали длинные, причудливы тени, которые всё ширились, расползались, торопливо пожирая свет и становясь всё жирнее и шире. А дома, казалось, оживали и тоже росли, менялись в размерах, как и их тени, приветствуя очередную, пусть и кратковременную победу тьмы. Да, ночь в этой деревушке была бы не из приятных, девочка сказала правду. Может и пирожки он зря выкинул. Несчастливая им судьба выпала, ничего не попишешь. Такие мысли «ни о чём» в самой сложной, необычной ситуации всегда помогали колдуну. Они снимали оковы рассудочности. Позволяли разуму действовать как должно, а не как прикажут. Все чувства обострились, и только поэтому не глазами, а будто бы краем сознания уловил Космач движение тени одной в хороводе общем. Точно белка хвостом махнула у разваленного порога да внутрь дома шмыгнула. А бывают времена и места, что и белка вызывает тревогу не меньшую, чем зловещая фигура, в тёмной подворотне за спиной выросшая.

Космач не думал. Такой же быстрой тенью он метнулся следом. Шевельнул он чуть заметно губами, произнёс слово заветное, и вспыхнул золотистый шарик над его плечом. Как будто кто лучину запалил. Сверкнул в его лучах серебряный нож да перстень на пальце, когда толкнул колдун чуть приоткрытую дверь. Глухим стоном отозвались потревоженные петли. Вторили им подгнившие половицы. Но сыростью и плесенью не пахло. Да и внутри оказалось довольно просторно. Хоть и пыль на полу да паутина по углам, но ни мертвецов, ни гнили. Уже хорошо! Космач огляделся. Прислушался. С кухни донеслась какая-то возня, щелчок и писк, переходящий в плач. Космач шагнул туда, переступил порог и довольно ощутимо приложился лбом о непривычно низкий верхний косяк. Вот уж воистину: о порог – ногою, о притолоку – головою. Потирая ушибленный лоб, он вошёл на кухню. Маленькое чумазое лохматое существо, вроде девочка, одной рукой размазывала по щекам слёзы, а вторую пыталась вытащить из захлопнувшейся мышеловки. Слава Богу, взведённая пружина за столько времени растянулась, и

девочке было скорее страшно, чем больно. Хотя пальчики она, конечно, прищемила сильно.

– Ты кто? – спросил колдун, протягивая руку, чтоб освободить малышку.

– Не трожь меня!!! – неожиданно зашипела та, да так яростно, что Космач отпрянул. – А то я тебя укушу, у тебя рука завоняет, а потом отсохнет! Понял?!

– Тише. Малявка! Я тебе помочь хочу. И со взрослыми так не разговаривают. Ух! – это чародей всё-таки раскрыл мышеловку, но при этом едва избежал острых зубов девчонки. «А ведь вполне её слова могут оказаться правдой. Неизвестно отчего деревня пустует. Может, зараза какая. Порой бывает и такая, которая людей в зверей превращает», – запоздало подумал Космач. Но девочку всё же не выпустил. Крепко сжал её ручонку и пробежал пальцами по кисти.

– Да, всё хорошо, никаких переломов. Сейчас и болеть перестанет. Почувствуешь немножко холода и всё.

– А, колдунец! – как-то злорадно протянула замарашка. – Не люблю я колдунцов. Злые.

– И то верно. За что ж нас любить, – кивнул Космач, пропуская боль девочки через себя и растворяя её в остывшей печной золе, – злыдни и есть злыдни. А ты-то кто? Почему тут одна?

– Ничего не одна, – набычилась грязнуля.

– А с кем? Где мамка, папка?

Но та, видимо решила, что и так уже сболтнула лишнего, и сидела, закусив губку, как нахохлившаяся сова.

М-да... Что-то тут было нечисто, как в прямом, так и переносном смысле. Космач это чувствовал. Но в чём подвох, понять не мог.

– Ты тут живёшь? Это твой дом?

– Нет. Схоронилась.

«Слово-то какое-то неприятное, – подумал Космач, – но, похоже, очень верное».

– От чего?

– Колдунец, а глупый, – фыркнула девчонка, – али не видишь: ночь на дворе.

– А-а, – протянул Колдун, – ты темноты боишься.

– Хе! Я боюсь? Темноты? Да я в ней получше всех-всех-всех вижу! Поэтому и побёгла посмотреть. Ой... Гадкий колдунец! Больше ничего не скажу! Отпускай меня, а то хуже будет! – вдруг её голо-

сок изменился, – О! Ветерочек поднялся. Слышишь, как гудит? Домик ветхий, вдруг развалится? Знаешь, как в сказке о поросёнках? Прибежал волк, как д-у-у-унет. Или волчица, – непонятно, что её так насмешило, но замарашка вдруг захихикала. – Боишься, колдунец? Выйди на улицу, посмотри, кто так шумит?

– Волков? Нет, не боюсь. Сегодня уже пришлось с ними встретиться. А что шумит, пошли глянем. И правда, ветер странно воет. – Он подхватил малышку на руки.

– Н-е-е-т!!! – завопила она. – Пусти меня! Нельзя мне на улицу! Тебе можно. Мне нет!

– Почему это?

– Да потому, что я еле от них утикла! Все только и говорят: «ельфы, ельфы!» А ты знаешь, какие они злые и страшенькие? У-у-у! Ихний главный мертвяк хотел меня своей невесте подарить. Свадьба у него, и он сказал, что из меня забавный подарочек выйдет. Буду королеву фейную смешить. Ага, как же! Я его кинула и убёгла. А как стала улелётывать, так он за мной погнался. Это не ветер воет, это евойная охота в рога трубит. А ты знаешь, какие у него собаки страшные?

– И ты хотела, чтоб я к ним вышел?

– Ага. Пока бы они тебя словить пытались, я бы снова схоронилась где-нибудь, – грязнуля всхлипнула, – плохо только одно, мне отсюда далеко уходить нельзя, а то меня не найдут.

– Кто не найдёт?

– Кто надо, тот и не найдёт. Ой, то есть кто надо, тот и найдёт, а кто не надо – не найдёт. Вот. Совсем меня запутал, колдунец.

– Ничего не понял, – потряхнул головой Космач, – ты же сказала, что прячешься?

– Ну да, глупый ты! От эльфов схоронилась, чтоб не эльфы нашли.

– Ну, я не эльф, как видишь. Будем считать, у тебя всё получилось, и я тебя нашёл.

– Нет! Не ты! Не ты!!! – девчонка попыталась вырваться из рук колдуна. – Она!!! Лиша-а-а-а-а!

– Отпусти девочку, – голос наполнил комнату позади колдуна холодом. Такой негромкий, спокойный и пробирающий до костей. Не любил Космач такие голоса. Вернее, их обладателей. Он опустил грязнульку на пол и шагнул через порог. Статная, высокая, красивая

и... страшная, вселяющая ужас. Вот уж не думал Космач, что сможет когда-нибудь так подумать о женщине. А оказалось смог... Если бы не рассказ замарашки, то решил бы чародей – вот она, встреча-то заветная. С Королевой. Перед такой не только цветы склонялись бы и бледнели. Да и кровью залить она не только лепестки может, это ясно. Властная, величавая и смертельно опасная. Нездешняя. Это чувствовалось сразу. И в выговоре, и в одежде, и во взгляде. В этих землях людские женщины так смотреть не умеют. Может, северянка? Светлые волосы, собранные в тугую длинную косу, падали на обнажённое плечо. Да, девушка явно не за прялкой сидя такую фигуру заработала. Над плечом рукоять меча серебрится. Но умная. За неё не хватается, знает: толку-то от него в тесной комнатке мало. А вот нож... дело другое. Ох, и не понравилось Космачу, как она его держит. Ещё больше голоса не понравилось.

– Не кажется мне правильным это именование для такого существа, – он опустил девочку на пол. Не потому, что испугался. Просто руки нужны были свободные. А ещё подумал: может, бросится она к блондинке. Если повезёт – за колени обхватит. Шага не даст сделать. Ему-то надо, чтоб на полздохе, на один взмах ресниц эта амазонка замешкалась, а там... Шея у неё открыта. Руки тоже. Да и тело без кольчуги. Лишь тонко выделанная кожа. Такая от ножа не защитит. «Но и движения не замедлит», – скользнула мысль, показавшаяся очень важной, но всё же не к месту. Не хватало ещё ему, Эйтерну Мак Хейлину, бабы с ножом бояться. Но он боялся, поэтому-то и знал: решит всё первый удар. Единственный. Поэтому-то не вступал в разговоры. По взгляду понял, что бесполезно. Видел: она пришла убивать. Как волчица за волчонка. Обидно. Ведь волчонку-то он ничего не сделал. Только из капкана вытащил. Можно, конечно, бросить оружие да ещё на колени упасть. Сказать, дескать, не повинен ни в чём. А после этого уж впору и самому в петлю. Но с другой стороны – убивать такую красавицу только за то, что защищает она своего зверёныша, тоже негоже. Ну хорошо, раз дикая и хочет по лесным законам – пусть и живёт по ним. А он человек! Даже более. Поэтому...

– Он колдунец, Лиша!

Маленькая негодница испортила эффект неожиданности, ну и шут с ним! Космач ударил. Не ножом. Силой своего разума. Невидимая волна должна была смять. Пронестись по сознанию воительницы, подавить её волю, затопить. Подчинить власти чародея. По-

сле этого разъярённая волчица превратилась бы в золоторунную овечку, но... Не превратилась. Лишь лёгкая улыбка коснулась красивых губ, и в следующий миг незнакомка ответила. А волчица-то оказалась не пара Волку. Да и не думал Космач, что они из одной стаи. Стремительная, быстрая... смертоносная. Он смог уйти от первого удара только потому, что знал, с какой стороны его нанесут. Слева была девчонка, и Волчица атаковала справа, заслоняя её своим телом. Космач понял: целью этой атаки было не достать его, а заставить отскочить, убрать лохматого зверёныша из-под ног, из зоны удара возможного. Неужели – мать? Но как они не похожи! Да и сомневался колдун в том, что мелочь – человеческое дитё... Хотя... может, и мать – оборотень? Поэтому и обладает такой силой и скоростью. А его магический удар был рассчитан на человека. Не на зверя. Плохо... Тогда придётся убивать. Но сможет ли? Космач сомневался в этом всё сильнее. Что ж, выход у него один, собственно самый естественный – дверь. Отступить, это всё-таки не просить пощады. Но как до неё добраться? Если б они кружили по комнате, как при нормальном бое всё было бы ясно, но тут... Золотоволосое чудовище стояло между ним и дверью недвижно. Космач прыгнул вперёд, имитируя атаку, и, в общем-то, даже не надеясь задеть противницу, только лишь заставить чуть повернуться, уйти в сторону, пропуская его к двери... но (какие духи вселились в это сильное тело!), она сама рванулась на нож. Ещё, собственно, ничего не произошло, но колдун понял: это конец. Она одержима. Готова умереть, но только убить. Он как-то читал о таком явлении. Опять же у северян. Из такой схватки живыми не выходят. В последний миг он попытался изменить направление удара, чтобы лезвие хотя бы упёрлось в рёбра. Оставался шанс, что скользнёт оно по ним, не причинив особого вреда. Ну а после рану он обработает, даже шрама не останется... Второй рукой чародей блокировал её нож. Думал отвести его в сторону... И что-то пошло не так. Совсем не так. Его рука провалилась в пустоту, не встретив никакого сопротивления. Лишь костяшки пальцев ощутили шероховатость кожи на корсете и... какая-то серебристая вспышка перед глазами на миг ослепила его. Он понял, что это. Прямо перед лицом. Опускающееся лезвие её ножа. Вниз. К горлу. Но как? Он же должен был перехватить его там, сбоку. Удар был нацелен вниз живота, он точно это видел, и заблокировать его не составляло труда. Он так и сделал. А потом пришла боль... Она

разлилась по внутренней стороне предплечья. Заползла на плечо, скользнула под мышку и впилась в шею... Мёртв? Колдун опустил глаза. Крови не было. Было лезвие у горла и набухающие рубцы на руке. Чёртова ведьма была тупой стороной лезвия. Играет?

– Кто ты? – голос блондинки оставался так же чудовищно спокоен, дыхание даже не сбилось.

– Он колдунец, – пропищала мелкая из угла, – я пальчики прищемила в глупой мышеловке. Больненько было. А он р-р-раз – и не больненько.

Да ну их к лешему! Дальнейшего развития событий Космач ждать не стал: врезавшись плечом в дверь, сморщившись от боли, он вылетел на улицу. Длинным прыжком метнулся в кусты, перекатился. Затих. Он знал, когда нужно бежать, может, поэтому так далеко и забрался. Сейчас бежать было самое время! Очень быстро и как можно дальше. Из темноты, как в кошмарном сне выплывали тени, медленно превращаясь в фигуры. Одна... вторая... третья... К дому подходили люди. Мужчины. Высокие, сильные, опасные. Вот уж действительно – Стая. Что ж тогда за скоморохи на полянке-то были? С этими бы Космач душить не стал. Первый – суровый с лицом вождя-воина. Тёмные волосы чуть тронуты седой. Мудрые внимательные глаза. У плотно сжатых не улыбочивых губ пролегли морщинки усталости. Космач понял: а ведь мужчина похож на него самого, им бы нашлось, о чём поговорить. Длинный плащ скрывал тело, но чувствовалась мощь и опять та же звериная грация, что и в проклятой блондинке. Вожак. Сомнений не было. Второй – молодой парень. Дьявольски красив, но было понятно, что не придаёт он этому никакого значения. Воспринимает как данность. Сколько растоптанных сердец на тропинке за его спиной! А глаза – весёлые. И именно поэтому – страшно. Чувствовал Космач, нет в мире ничего, что этого парня могло бы остановить: ни любовь, ни боль, ни смерть (бывает и такое, уж колдун-то знал). А фигуры становились всё отчётливее. Великан с телом античного бога и удивительно мягкой бесшумной походкой. Сочетание силы и скорости всегда смертельно. Да что говорить, один вид перекатывающихся мышц внушал ужас и... зависть! Вот же даёт блондинка! Подобрала молодцев один к одному. Вот и верь потом в сказки про Белоснежек и гномов. Такой гном одним ударом по пояс в землю вгонит. Да что там по пояс – по саму макушку, раз и навсегда! Ещё один молодой, элегантный, словно принц на охоте.

Источающий спокойствие и уверенность. Глаза чуть прищуренные, внимательные, схватывающие любое движение. Стрелок – безошибочно определил чародей. Пожалуй, на данном этапе самый опасный. От такого не утаишься...

Братья-разбойники... Похоже, угодил он в самое разбойничье гнездо. Волчье логово. А ведь Красная Шапка предупреждала. Похоже, хоть и была она с ними заодно, но какой-то симпатией, невесть откуда взявшейся, к Космачу прониклась. Да ненадолго. Могла бы остановить. Не пустить... Разбойники один за другим поднялись на крыльцо, зашли в дом. Стрелок чуть задержался и сделал непонятный жест: сжал кулак, выпрямил два пальца, а затем и руку в сторону Космача, будто указывал на что. Эйтерн напрягся. Собираясь отразить заклинание. Но стрелок усмехнулся, поднёс пальцы ко рту, будто пыль сдунул и скрылся в избе. Тьфу... черти ненормальные! – Космач сплюнул. Подальше отсюда, подальше...

ОХОТА НА КОРОЛЕВУ

Маленький котёнок сидел в придорожной траве и с любопытством, достойным пословицы об их семействе, изучал чужака.

– Откуда ж ты здесь взялся, крохотулька? Не гармонируешь ты с этим местом. А гармония, как нас учили древние, – мера всех вещей. Так что ты тут неспроста. Хочешь мне что-то сказать, щёлкоглаз? Ну, так не тяни, как говорят, родича за хвост.

Котёнок, казалось, внимательно выслушал колдуна, затем особому фыркнул, демонстративно задрал хвостик и потрусил к лесу.

– Ну, если не знаешь, куда идти, иди туда, куда тебя посылают, – изрёк Космач, бросил взгляд через плечо на проклятую деревню с её демоническими обитателями, пожалев ещё раз, что не спалил там всё дотла, сплюнул и поспешил за своим провожатым.

Идти пришлось изрядно. Лес всё густел, тропинка петляла меж стволами, то и дело прячась в кустарнике, казалось, на радость котёнку и назло колдуну. Наконец, кулисы деревьев разошлись, и взору открылась сцена. Декорации были премилые, и это не могло не радовать. После всей-то пережитой дряни. Очаровательная полянка пестрела цветами – красными и белыми розами. Лесное озеро или, вернее, болотце искрилось от улыбки Луны, ко-

кетливо любовавшейся своим отражением в этом зеркальце. На берегу приютился небольшой, слегка покосившийся, но похоже всё ещё крепкий домик.

– Ну что, маленький бесёнок. Привёл к своей хозяйке на ужин, – колдун подмигнул котёнку и, невесело усмехнувшись своему каламбуру, толкнул дверь.

В том, кем была хозяйка жилища, сомнений у колдуна не осталось, едва он только переступил порог. Не только из-за рассказа девочки, о том же готовы были поведать и связки резко пахнущих засушенных трав, разложенных на полу в углах дома и закопчённый котёл, почерневший от дыма и открытого огня, множество безделушек и оберегов, порой весьма неприятных – засушенные лапки кроликов, птиц... Космач бы не удивился, если бы увидел и кисть человека (кстати, пользовалась бы спросом, ведь считалось, что отрубленная за кражу рука в качестве талисмана приносит удачу поделника в воровском ремесле). Белели чьи-то клыки, зубы, кости. Через мутное стекло выстроившихся в каре бутылей неприятно тарачились заспиртованные глаза. А если напрячь фантазию, то можно было разобрать и кое-что похуже. С фантазией у чародея всё было в порядке, поэтому он отвернулся. Нет, он не считал всё это полным шарлатанством, более того, на подобные же содержащие примитивную и потому неодолимую силу предметы он и возлагал основную надежду, когда думал о своей охоте на фей. И вот перед ним носительница и хранительница этой природной силы. Бабка. Ворожка. Труболётка. Проще говоря – ведьма. Самая что ни на есть классическая, деревенская. Седая, уродливая, старая. Она сидела, сгорбившись за плохо обтёсанным огромным столом. Сухие, крючковатые пальцы перебирали шёрстку котёнка, свернувшегося на коленях. И он, и его хозяйка пристально, не мигая смотрели на незваного гостя. Наконец старуха проскрипела:

– Фу-фу-фу, это точно, то-бишь, не помешала бы тебе банька-то. Жаль, не могу сказать, что русским духом запахло. Соскучилась. Так чей ты добрый молодец будешь?

– Ничейный. Никто пока не позарился.

– Неужто, так мало ценного... внутри? – усмехнулась старуха, – но это мы сейчас и посмотрим. Какого бы роду-племени ты ни был, садись, босоркун, гость, как-никак. Да и путь ты дальний проделал, непростой, вижу. Сюда нечасто захаживают. Что привело тебя ко мне?

– Кто, – поправил колдун, – кот твой учёный. Престранная зверушка, между прочим. Забавная.

– Более чем, босоркун. Более чем.

– Каким это странным прозвищем ты меня именуешь, карга?

– Хе... собственно тем же, каким именуешь меня и ты. В твоём представлении «карга» – это ведьма? И обидеть ты меня не желаешь, колдун? Думаю, нет. Как и я тебя. Места меняются – привычки остаются. Да тебе, босоркун, это известно не хуже, чем мне.

Космач порылся в памяти, но откуда это прозвание, сказать бы так и не смог. Что-то дальнее и чужое. Варварское. Вроде бы, ветряник, колдун с гор, повелитель ветра, летящий на его крыльях.

– Ну и далеко же тебя занесло, бабушка, – усмехнулся он, – но, видно, и тут с соседями не ужилась. Деревенька-то пустует. Лихие люди одни остались. Да вот и мне не предлагаешь попить-поесть, в баньке попариться да спать улечься? Одичала ты тут совсем. Подзабыла обычай.

– Умный босоркун попался, – протянула ведьма, обнажив в улыбке редкие, но острые зубы, – но не рожак... Не-е-е, не рожак... Наученный. Чернокнижник, поди? Ну, ничего, молодой ещё. Коли слушаешь меня, может ещё и выучишься чему потребному, не книжному.

– Я? – рассмеялся Космач, – молодой? Поучить меня хочешь? Может, ещё и клубок предложишь? Всех в округе извела, а теперь помереть не можешь, пока преемника не найдёшь? Ну, повеселила ты меня, старая! И на том спасибо. Нечасто такое происходит. Любое твоё желание исполню! Нынче я щедрый, второй раз уже предлагаю. Первые отказались. Вернее, раздумывали долго. Не повторяй их ошибки, бабушка, говори, чего хочешь. Золота? Али каменьев драгоценных?

– Не повторю, милоч. Любое? – старуха прищурилась, а в глазах котёнка, устроившегося у неё на коленях, вдруг сверкнули язычки пламени. – Значит, любое, говоришь...

Внезапно Космач почувствовал лёгкий озноб. Точно сквозняком потянуло.

– Нет, я знаю, конечно, чего ты попросишь. Вечной молодости, жизни, красоты – я бы мог помочь, но... извне это не приходит. Да и поздновато уж, если честно, – он взглянул на согбенное тело карги, обвисшие груди, покрытую пятнами сморщенную кожу. Он неприязненно скривился. И вдруг... услышал, как ведьма захохотала.

– Вот теперь ты развеселил меня, милоч. Смешной, молодой и глупый. Так и быть, выполню и я твоё желание. Действительно любое.

Космач вскочил. Глаза его сверкнули, рука потянулась к мечу. Не терпел колдун, когда над ним смеялись. Но внезапно стул сильно ударил его под колени, вынуждая нелепо плюхнуться на прежнее место.

– Сиди, чернокнижец. Негоже в чужом доме за ножик хвататься. Большой он у тебя да острый. Ещё поранишься ненароком, а мне с тобой возиться. И так-то вон время трачу. Может и впустую.

Космач застыл. Впервые в жизни ему стало страшно. Не за себя. Из-за ощущения чего-то неведомого. Силам его неподвластного. Того, что познать он не мог, сколько бы книг ни прочёл. Вот ведь место-то какое проклятое! Сначала – девка, красавица-золотовласка, на ножах его побила, теперь ведьма деревенская, доморощенная, в колдовстве превзошла.

– Кто ты, старая? Кальях Варе? Чёрная Анис? Сама Ану? – он сглотнул.

– Перестань! Я уже достаточно сегодня посмеялась. А желание твоё другое. Не обо мне узнать. Говори. И уж коль пообещала – помогу. А заодно и тебе о твоём слове напомню. Ну как договор, чернокнижец?

И вспомнил Космач свои слова, разбойнику обращённые, и понял, что очень даже может себя на его месте ощутить. А ещё вспомнил Космач: ведь редко какому колдуну удавалось избежать встречи с Мастером Договоров. А кто он – ведомо каждому.

– Вот, значит, как... – Космач прищурился, и губы его тронула улыбка. – Вот уж не гадал я тебя здесь встретить с твоими договорами да ещё в таком обличье. Но коли так карты легли, договаривай про договор-то... Что потребуешь за помощь?

– Сердце.

– Сердце??? – колдун нахмурился, – это что, иносказание какое? Мне-то казалось, речь всегда о душе шла.

– Сердце, – повторила карга, откидываясь на спинку дубового стула, – на что мне твоя душа? Да и сомневаюсь я, осталась ли у тебя от неё хоть толика.

– Но...

– Брось, босоркун. Не стоит выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. Нехитрое это искусство. Я не Князь Тьмы. Хоть и

не лучше Его. Да и не предстанет он в таком виде. Скорее уж в таком...

Космач взвыл от ужаса и, опрокинув стул, дёрнулся назад, к двери.

– ...ну, или вот в таком, на худой конец.

Рука колдуна, наполовину выхватившая меч из ножен, застыла.

Перед ним, как ни в чём не бывало, сидела неопишуемой красоты девушка. Тугая коса через плечо перекинута, на высокую грудь падает. А пальцы тонкие, нежные с шёрсткой котёнка играют. И улыбается.

Тряхнул тогда головой Эйтерн Мак Хейлин, глаза прикрыл и шепнул слова, что морок развеять могут. Любой силы. Красавица улыбнулась. Тогда вытянул колдун руку, чтоб пальцами ощутить, то, во что разум поверить отказывался. Взор-то обмануть – дело нехитрое, чувства – сложнее.

Девушка бросила на него взгляд из-под ресниц, длинных да чёрных и тонкую бровь выгнула.

– Ай-ай, милый сударь. Неужто потрогать хочешь? А коли замужняя я, али помолвлена? Узнает суженый – сраму не оберёшься. А вдруг он у меня грозный? Наверде того, что давеча тебе привиделся.

– Ты... – попытался выдохнуть Космач.

– А то кто же, милоч? Я, конечно. Ну, ты – молодец храбрый, чуда неведомого не убоишься. Возьми меня за руку...

Колдун затряс головой и торопливо спрятал ладони за спину.

Девушка звонко рассмеялась:

– Так что ты там мне предложить-то хотел, сударь? Ну, то, что невозможным оказалось, ибо поздно для меня уже.

Отчаянно пытался Космач прогнать наваждение, лихорадочно перебирал в голове все формулы чародейские да заклинания известные. Его губы беспрестанно, но беззвучно шевелились. Ничего не помогало. Девушка оставалась нереально реальной. Колдун чувствовал её дыхание, видел жемчужный блеск зубов, едва заметные лучики морщинок у смеющихся глаз, крохотную родинку у уголка губ... алых... манящих... чуть в улыбке приоткрытых...

– Не-ет, босоркун, так не пойдёт. Ты, прям, сам не свой стал, да и разговор у нас не ладится. А говорил: «молодость... краса...», – просипела старуха, – но, видать, первый-то вариант тебе больше приглянулся.

– Тьфу, – сплюнул Космач, даже не успев уловить миг преобразования. – Кто ты, чёрт возьми?!

– Опять ошибаешься, милоч. Чёрт меня не возьмёт. А вот тебя очень даже может. И ты поступил мудро, раз не полез туда, где ничего не смыслишь. Заведомо проиграешь. Там такая битва идёт – не нам в неё вмешиваться. Голову бы лишь задарма сложил. Ну и потерял бы то, чего больше всего потерять боишься, – поёрзала на своём стуле ведьма, устроилась поудобнее и продолжила. – А вот меня ты нашёл! Вдвойне молодец. Собственно, будь ты умнее, то понял бы, что тебе фея Катринка и не нужна уже, на самом-то деле.

– Ты знаешь, Катринэ?! Как её найти? Где она? – Космач невольно шагнул вперёд.

– Хе-хе, – закричала карга, – странная природа человека. Не понять мне вас. Ведь действительно тебе этот облик больше по сердцу – вот и разговор ручейком в своё русло повернул. Да ты садись, босоркун, шея затекает на тебя снизу глаза пялить. Эх какой вымахал, а ума не набрался! Истинно говорят: «Молодец с воз, а ума с накопильник».

Что такое «накопильник», Космач не знал, но и спрашивать не стал, пропустил слова обидные мимо ушей. Единственное, чего он хотел, так это убраться отсюда подальше да побыстрее. Но тайна!!! Тайна всегда держала его крепче кованых цепей. А ещё у него была цель.

– Как мне найти Королеву Фей? – твёрдо повторил он, опускаясь на стул.

– Договор, милоч? Я выполняю своё обещание, ты – своё.

– Брось! Я не верю в сказки. Как я отдам тебе сердце? Ты мнеставишь каменное, и я стану чёрствым и злым?

– Ты и так чёрствый и злой. Может тебе кто сердце-то уже и заменил, а ты и не заметил? На камень? Лёд? А если ты не веришь в сказки, то ты ещё глупее, чем показался мне вначале. Что ты тогда вообще здесь делаешь?

Космач вспылил:

– Не зли меня, старая! Как я отдам тебе своё сердце?

– Ох, безмозгуша! Голова как у вола, а всё ещё мала. Было бы мне нужно твоё – давно бы оно уж плавало в какой-нибудь из бутылей. Видишь, стоят? – старуха качнула головой в сторону полок, – есть и пустые. Но мне нужно ЕЁ сердце! Не сразу. Когда ты добы-

ёшься от своей фейки того, чего хочешь, когда она надоеет тебе, ты вырежешь у неё сердце и принесёшь мне.

– Зачем оно тебе?

– Знай меру, милоч. В вопросах-то. Я же не спрашиваю, зачем тебе фея, – противно захихикала старуха

– Хорошо, ведьма, да будет так! Но предупредить должен, ждать тебе придётся долго. Я быстро не управлюсь.

– Я подожду, колдун, я терпелива и времени у меня... много. Более чем достаточно, – на миг чародею показалось, что на старушечьем лице сверкнули смешливыми искорками молодые девичьи глаза, – но ты не тяни, босоркун. Да и потом, тело-то тебе останется. А ты у нас – чернокнижец, может даже некроман, – ведьма подмигнула и Эйтерну Мак Хейлину очень захотелось перекреститься, но он только произнёс:

– Жди. Ну а теперь – я слушаю тебя. Как мне найти Королеву Фей.

** * **

– Ну что ж, слушай! Да будет тебе известно, что выходит Катринэ замуж.

– Будет. И было... – перебил Космач, вспомнив рассказ грязнульки из деревни, – мне известно. Видимо, за кого-то из Неблагого Двора.

– Удивил ты меня, колдун, изрядно, – поморщилась ведьма, – но впредь не вздумай меня перебивать. Особенно, если сказать тебе нечего. Итак, могуч и силен её избранник. Не справишься с ним даже ты. Молчи! – карга вскинула высохшую руку, тощую, точно птичья лапка! – Не надо громких слов, босоркун. Ты достаточно умён, чтобы отличить вызов от предупреждения. Повторяю, слушай меня и не перебивай! С королём и его Охотой тебе не совладать. Умрёшь ты! Но выход есть. В ночь перед свадьбой, по древнейшей традиции поднимутся феи на Холм. Будет с ними и Королева. Станут они танцевать при зарождающейся луне. Чтоб приняла она силу уходящей феи и даровала её вновь рождённой. Так проходит обряд очищения. Так прощается невеста с жизнью. Готовится умереть. Ибо не будет больше вольной феи. Что-то вроде этого. В общем, священная это ночь. И такой же танец. Мужчин там не будет.

– Где и когда? – урюмо бросил колдун, – и прекрати читать лекции о свадебных обрядах. Мне не до них нынче.

– Что ж, может ты и прав, – странно затуманенные глаза старухи вновь обрели ясность. – Стара я, как видишь. Заговариваться стала. А сей обряд, похоже, действительно тебя минует. Но не о тебе сейчас речь, поэтому слушай дальше. Выйдут они из своего королевства в ночь новой луны у Хиллшианна, Холма Эльфов. А теперь – главное. Одинаковы будут все феи. В простых белых рубахах только. А в лицо тебе королеву не узнать.

– Почему? Самая красивая. Если верить сказкам.

– А ты не верь! Как раньше не верил, так и сейчас не верь! – вдруг взбеленилась старуха, – ишь, доверчивый выискался. «Самая красивая!...». Кому – краса, а кому и на глаз коса. Эй, черно книжник, ты у нас и так-то учён-преучён, так ещё и в красе женской знаток? Чай, много книжек прочёл? С картинками?

– Да ладно, уймись, старая, – Космач сдвинул брови, – права ты. Сглупил. Как мне королеву узнать?

– То-то, – проворчала старуха, – без помощи не узнаешь. Помнишь котика моего? Что тебя сюда привёл, – она погладила серенького зверька за ушами. Тот блаженно заурчал, – вот он тебе и поможет. Затаишься ты в траве и следи за ним. Глаз не спускай. Как эти девки плясать-то начнут, забежит он в круг. Танца никто не прервёт. Не посмеет. Только королева. В общем, хватай ту, которая к нему наклонится. И, смотри, не мешкай! Второй попытки не будет. Если что учудишь – разорвут тебя. Понял?

– Понял, старая. Если правду говоришь – спасибо тебе за науку, а если нет...

– Молчи! Последнее дело в чужом доме да хозяйке угрожать, – ведьма усмехнулась, – как правило – последнее... А у тебя и впереди дела есть, так что не глупи. На, бери кота. Да в глаза ему не смотри.

– Почему? – удивился Космач.

– А вот не любит он этого, – и опять в голосе старухи послышались смешливые девичьи нотки, – царапнуть может...

Колдун поднялся и взял на руки котёнка. Серый комочек оказался удивительно тёплым. Космач уже и забыл, когда держал в руках что-то живое.

– Ещё раз спасибо за помощь, – чародей чуть наклонил голову, – хотел бы я тебе вопросов задать, но...

– Правильно, милоч. Правильно, что не задаёшь. Потому как мудрость иногда заключается в умении промолчать, а не спро-

силь, – старуха с любопытством взглянула на колдуна и пробормотала себе под нос, – может, у тебя и получится. У других бы не вышло. И напоследок, запомни самое главное! Что бы ни случилось – не убивай её подруг! Иначе не поможет она тебе. Не заставишь. Даже ты. Она – Королева! Не забывай!

– Не забуду! – Колдун подошёл к двери. Скрипнули несмазанные петли.

– Босоркун!

Космач обернулся.

– Я уговор выполнила, теперь дело за тобой стало, – голос ведьмы вдруг обрёл какую-то странную силу, помолодел, – если ты не вырежешь её сердце, то тогда потеряешь своё! Запомни!

Космач улыбнулся, пожал плечами и шагнул через порог в нежные объятия утренней зари.

** * **

До новолуния оставалось три дня. Не так мало, чтоб пришлось действовать наскоком, наобум, но и не так много, чтоб всё пере-проверить, полностью обезопасив себя. Приходилось идти на риск – довериться этой ведьме-оборотню, кем бы она ни была и её котику, который, к слову, вёл себя прекрасно. Космач, кстати, впервые понял, почему, если всё же верить сказкам, у каждой ведьмы, у каждого колдунчика был помощник. Кот, филин, ласка или даже просто мышь или змея. Если честно, в чародейских делах пособить они могли незначимо, а вот друзьями были хорошими. Это, между прочим, было гораздо важнее. Избавляли они от одиночества, которое плелось за чародеем верной тенью. Каждый чаровник любого уровня обречён быть изгоем. В лучшем случае – отшельником. Хотя разница невелика, уж это-то Космач знал получше других. И вот только когда приобрёл котёнка, пусть и во временное владение, вдруг понял, что тоже одинок. И ни знания, ни величие, ни сила не могли заполнить эту пустоту. А вот маленький комочек тепла и шерсти – смог. Замер Космач, как громом поражённый в тот миг, когда осознал, что сидит у костра и, поглаживая котёнка, рассказывает ему о своём детстве. Обо всём том, от чего, как казалось самому колдуну, он избавился уже навсегда много-много лет назад. Дружба, привязанность, честь и верность. Любовь... Весь тот раздражающий никчёмный мусор, который едва не похоронил под собой молодого Эйтерна Мак Хейлина. И только жестокий урок, преподан-

ный тогдашнему наивному студенту-чародею, выдрал его из трясины. Спас. Показался путь, вернее, сначала тропка, по которой и двинулся Космач, стал величайшим из чернокнижников, как считали другие, но вот только подлинное величие таилось всё ещё впереди. И для того, чтоб его достичь, нужна Катринэ. А котёнок...

...Котёнок – всего лишь кусочек мяса в готовом захлопнуться капкане! – оборвал себя чародей, пытаясь вернуться в действительность и отмахиваясь от налетевших, словно мухи на падаль, мыслей. Почувствовали слабину. Ан нет, рано. Это всего лишь усталость. Привычные мысли ни о чём.

Итак, капкан. Королеве осталось только протянуть руку. И она это сделает! Космач не сомневался. Зверёк всё же был очаровательный. Колдун улыбнулся и погладил золотистое пятнышко на сером лобике. Котёнок заурчал.

* * *

Вот и день решающий настал. Вернее, ночь. Неуверенно, робкими светлячками в бескрайнем просторе вспыхнули первые звёзды. Затем осмелели – и вот уже целый рой закружил на великом тёмном лугу безлунного неба. Трудно было поверить, что твоё Солнце – всего лишь маленький светлячок на одном из стебельков необозримой равнины. А Луна – эта великая и прекрасная Дева Ночи – и того хуже: отколовшийся когда-то кусок чего-то. Грустно. Перекатился Космач на живот и чуть-чуть на локтях приподнялся. Травинку сорвал. В рот сунул. Осмотрелся. Лежал он в густой траве, на склоне Хиллшианна. Давно лежал. С самого заката. Всего лишь несколько прыжков отделяли его от утоптанной вершины. Это расстояние он за один-два вдоха преодолеет. Лишь бы ведьма не обманула. А потом... потом всё просто и чётко – рывок, нападение, охранный круг, заклинание и домой. Если всё пойдёт как надо.

Да, Космач подготовился, но забежать в раздумьях далеко впредь, особенно, когда применивалось ненавистное «если», не любил. Именно для этого, чтоб навсегда избавиться от этих «если», ему и нужна была Катринэ – Королева Фей.

И вот Космач ждал. Он не проигрывал в голове план снова и снова. Не пытался учесть все возможности и варианты. Теперь все они сводились к одной развилке – придёт или не придёт. А дальше всё зависело от котёнка. Колдун невольно усмехнулся. Каким же немислимым плетением свивается нить судьбы! Мог ли он в самом

бредовом сне представить, что дело всей его жизни, да и не только его, а если взглянуть глубже, то, быть может, веретено самого мироздания находится в лапках этого крохотного серого существа! Космач чуть повернул голову и взглянул на своего спутника. Тот с усердием вылизывал лапку.

– Ты спокоен, малыш, как и я. Знаешь, а мы с тобой ведь замечательно уживаемся. А что если не верну я тебя старухе?

Котёнок прекратил вылизываться и как-то по-особому, внимательно взглянул на чародея. «Не пожалеть бы...», – словно в ответ скользнула непрощенная мысль. По грани, по самому краю сознания. Пришлая мысль. Чужая. Точно летучая мысль пронеслась над головой, выдав себя лишь взмахом крыльев в неподвижном воздухе. Что за наваждение? Космач скривился. Неужели так потрясли его события недавней ночи? Встреча с ведьмой неведомой. Вот уж и каламбуричь начал. Не водилось такое за колдуном. Он невольно стиснул зубы, перекусив травинку. Похоже, разоткровенничался с котёнком, а юнцу, глубоко внутри у Космача затаившемуся, понравилось, вот он-то и требует теперь бесед. Даже с самим собой. Никуда это не годно. Не раз видеть доводилось Эйтерну Мак Хейлину магов сумасшедших и полностью, и наполовину, бродящих по башням своим, по библиотекам. Что-то бормочущих, руками размахивающих. Увлечённых беседой, одним словом. С самими собой.

Понятно, что собеседника более достойного и интересного не найти, но Космач к подобному общению был ещё не готов. Во всяком случае – к регулярному. Колдун на миг закрыл глаза и глубоко вдохнул. Самоконтроль – всего лишь объект волевой регуляции. А уж воли мне не занимааааа...апчи!»

– Апчи! – при медитативном вдохе какая-то гадость – может, пыльца, может, пух от одуванчика, а может, и букашка какая, попали Космачу в нос, и он не сдержался. На другом сосредоточен был.

– Что это? Слышали? – зазвенел снизу от подножья холма чистый девичий голос. И хоть слились в нём трель птиц, шорох листьев и трепещущий вздох осин в крепких объятиях ветра, у колдуна он вызвал на редкость мерзкие чувства. Что-то похожее на страх, на солоноватый привкус неудачи, собственной ошибки, глупости.

– Фазаний хвост! – раздался нелепый приказ, отданный тоже женским, но резким, чуть более грубым голосом, – Ваше Величество, держитесь за моей спиной.

– Брось, Мэва. Нет в этом краю никого, кто посмел бы мне угрожать. А если и есть, то негоже мне за спинами фрейлин прячется. Какая же я тогда королева?

– Я не фрейлина, Катринэ! И потом, если на тебе нет ничего, кроме белой тряпки, то не грех использовать для защиты чьё-то тело.

– Но не подруг же! Мэва, прекрати всех пугать! Сегодня священная ночь. Никто не посмеет пролить кровь на этом холме, ибо ждёт его страшное проклятие, будь то человек, зверь или птица. И ты прекрасно об этом знаешь.

Эйтерн Мак Хейлин сглотнул и понял, что это был за странный привкус. Кровь. Он до крови прикусил себе губу. Позор!

Как же всё обернулось-то так? Закончилось, даже не успев начаться. Приподнял колдун голову, взглянул, и ясен ему стал смысл прозвучавшего приказа. Дюжины две стройных фигурок в простых белых рубахах рассыпались полукругом на манер распущенного хвоста фазаньего и медленно стали подниматься по склону. Казалось, ожил чей-то кошмар и сон мертвецов в саванах развивающихся плыл над землёй по душу Космача. Хотя... может, так и было. Кто они, эти феи-то, на самом деле? Кто ж разберёт! Колдун даже узнать не удосужился, к какому Двору принадлежит сама Катринэ. К Благословенному или нет. Может, она из слуг, Воинства Мёртвых, чьи тела так и не были погребены в святой земле. Просто до сего момента колдуна различия эти совсем не интересовали. Суеверия. Главное же было – посеять зерно. Найти саму Королеву. Нашёл... И вот теперь это зёрнышко грозило прорасти крупной неприятностью. А то и бедой.

Феи подбирались всё ближе. Чудилось, что сама природа затихла, силясь услышать, как маленькие ступни касаются склонившихся в поклоне травинок. Никому из смертных ещё не довелось услышать шаги фей. Поэтому-то и наградила их народная молва крошечными размерами да стрекозьими крылышками. Но ничего похожего Эйтерн Мак Хейлин не видел. А видел он приближающуюся вереницу невысоких, стройных, невероятно изящных девушек в простых холщовых рубашках. Распущенные их волосы падали на плечи, и хоть в сгустившейся тьме было не разобрать, но был Космач уверен, что при солнечном свете переливаются они мириадами оттенков, и ни один из них не повторяется.

Волшебные создания, хоть приказу и подчинились, и даже пытались казаться серьёзными, но всё портили перешёптывания, смешки да в кулачок фыркание. Их «хвост фазаний» походил не на боевое построение, а на распавшийся хоровод. Девушки брели полукругом, за руки взявшись да о чём-то своим болтая. Колдуну стало почти жалко их убивать. Представил он, что ждёт этих глупышек. Несколько шагов всего и... бросок потревоженной змеи. Взметнувшаяся из травы чёрная смерть с двумя клыками из холодного железа. Нет для фей ничего страшнее. Первые девушки умрут, не успев ничего понять, остальные – не успев предпринять. Какими бы сильными чарами эти феи ни обладали, любое колдовство – это концентрация и персонификация. То бишь должен быть чаровник спокоен и сосредоточен, готов к заклинанию, то есть. А ещё должен он знать, куда его направить. Когда же закружит Космач в кровавом дожде меж фей перепуганных, то ни о каком спокойствии говорить уже не придётся. И заклятия никто не кинет. В гуцу-то своих подруг. А вот у колдуна-то руки будут свободны. И в прямом и переносном смысле. Несколько взмахов меча, а затем – лёгкое движение пальцев, и вырвется из амулета вихрь огненный, всё сжигающий на пути своём. А когда вспыхнет их холм колдовской, священный, будет бедняжкам уж не до преследования. А ещё неплохо бы схватить одну из девчонок. Вот угадать бы, которую. Оставалось верить сказкам. Собственно, глаз на одну Космач уже положил. Сильная, гибкая. Выше остальных. Да и краше, пожалуй. Но главное – чувствовался в ней дар повелевать. Уж его-то Космач чуял как-то особо. По-звериному.

Кстати, о зверях. Где котёнок-то? Засунуть его за пазуху, что ли? А то, как бы не затоптали ненароком в общей сваре. Оглянувшись колдун по сторонам и чуть не выругался. Котёнок, задрав хвост и ничуть не переживая о будущем (великая милость, дарованная животным), преспокойно направлялся к феям. М-да, с огнём придётся повременить, пока он не схватит серенького парщивца. Главное – не наступить. Эйтерн Мак Хейлин приготовился к прыжку. Но...

Человек, венец природы, умный, предусмотрительный и хладнокровный всё испортил, а бездушная и фактически безмозглая мелкая животинка, способная только есть и спать, умудрилась всё исправить. Дала Эйтерну второй шанс.

Котёнок выкатился из высокой травы прямо под ноги статной фее и, как показалось колдуну, нарочито-демонстративно чихнул.

Нет, конечно, этого быть не может, просто фыркнул от неожиданности. Фея вскинула руку в каком-то угрожающем жесте, и чародей уже собрался прыгнуть вперёд, одновременно ударив её оглушающим заклятием. Но его опередил, произведя тот же эффект раздавшийся голос соседней девушки:

– Мэва, замри! Ты посмела послушаться меня?! Это всего лишь котёнок! Кис-кис, иди сюда. Чихненьчик. Простыл, наверное. Откуда ты здесь?

Космач застыл. Вот тебе раз! Опять он ошибся. Статная красавица не была королевой. Что ж, выходит, всё, что ни делается, всё к лучшему. Вот теперь его выход! Оставив клинки в ножнах, у пояса нащупал он тонкую верёвку. Из чего она сплетена – не к ночи вспоминать. Одна знакомая ведьма пособила. Тут и нити из савана погребённой колдуньи, и волосы, отросшие уже у мёртвой в могиле, и волокна петли, жизнь этой ведьмы и оборвавшей. Ну и ещё кое-что. Но это не важно. Важно то, что ни одним заклинанием этой бечевы не порвать. Ни одной колдунье из этих пут не освободиться.

Волком ворвался Космач в отару. Чёрным ястребом налетел на белую голубку. Опустившись перед котёнком на колени, не ведала Королева, что предельно упрощает задачу похитителю своему. Покорно отдаётся в чужие руки. Не иначе – веление судьбы.

Чуть склонила голову фея и отбросила с лица густые волосы, обнажила нежную шею. Миг и впилась в неё жёсткая бечева. Рывок. Вдох, крик или заклинание! Всё, что готово было сорваться с приоткрытых губ, замерло в горле передавленном, разлилось болью, вырвалось наружу всхлипом булькающим. В спину упёрлось колено, безжалостно выгибая позвоночник назад. До хруста. Космач не церемонился. Сейчас не до жалости. Видел он, как от одного слова, от одного жеста вспыхивали и в ярком пламени растворялись рыцари, в броню закованные. Оставляли после себя кучки почерневшего, оплавленного металла. Да что там видел! Сам произносил подобные слова и сейчас был готов на любую жестокость, только бы не дать им слететь с губ феи, не позволить ей шевельнуть хотя бы пальцем! Заломил Космач тонкие руки ей за спину, стянул той же верёвкой сначала в локтях, а затем и в запястьях. Свободный же конец обмотнул он вокруг окаменевшей ладони Мэвы – фрейлины (ну или не фрейлины), обращённой в статую словом Королевы.

– Не теряйте сознания, Ваше Величество, – прошипел колдун на ухо Катринэ, – Вы меня слышите? Держитесь на ногах. А то

ведь вашей прекрасной Мэве будет очень больно, если она удавит собственную королеву. Так, Мэва?

До этого момента чернокнижник никогда не видел, чтоб статуя плакала. Но сейчас крупные слёзы катились из широко распахнутых глаз, и чёрный безграничный ужас плескался в бездонной глубине зрачков. «Интересно, кто-нибудь сможет снять заклятие, наложенное Королевой? Или бедняжка так и останется статуей? Страшная участь. Как-нибудь нужно будет вернуться...» Презирал Космач излишнюю жестокость. Насилие немотивированное. Своему же объяснение находил всегда. «М-да... а заклинание неплохое, сейчас бы пригодилось. Да и слово бы, данное карге, сдержал», – колдун обвёл взглядом беснующихся фей. Потеряв сразу двух лидеров, напасть они не решались. Понимали, что хоть жизнь Королевы и в руках чужака, но зависит от их шага. И решиться на него феи не торопились. Или просто не могли. Тем не менее воздушные создания обернулись фуриями разъярёнными. Всплески безумной ненависти в глазах. Оскаленные белые зубы должны обгариться кровью. Скрюченные, как когти, пальцы готовы рвать человеческую плоть. Знал космач, что ждать недолго остаётся. Скоро решится всё. Выплеснется их ярость наружу, как кипящая вода из-под крышки котелка. Пламя бы уменьшить надо, тогда, глядишь, и дольше побулькает...

Следить за всеми было тяжело. Феи кружили, не замирая ни на миг. Всё время кто-то оставался за спиной, сколько бы Космач ни вертелся. Королева же еле держалась на ногах. Никак не мог сфокусироваться её взгляд. Трепетали длинные ресницы, бросая страшные тени на белки закатывающихся то и дело глаз. Рвались из перетянутого горла жуткие полувздохи-полувсхлипы... Похоже, пересердствовал Космач с петлёй-то. Он поражался и восхищался тем, насколько сильна Королева. Отчаянно боролась она за каждый глоток воздуха, хваталась за уплывающее сознание, и не сдавалась. «Держись, девочка, – шептал колдун про себя, – пока видят они, как ты страдаешь, не сделают и шага, как только затихнешь – разорвут меня на части. Вернее, попытаются. Терпи, моя королева! Ради них и ради нас с тобой! Твоя боль – единственный щит, пока мы не добрались до круга. Ещё немного, и станет легче».

Но время уходило, и патовой оставалась ситуация. Единственное, что смог сделать Космач, так это подхватить котёнка, мельтешившего под ногами, и сунуть его довольно бесцеремонно в

суму поясную. Тот возмущённо твякнул, однако вырываться не стал. И феи, и колдун спутниками кружили вокруг Королевы, каждый по своей орбите. И казалось, никогда они не пересекутся, ибо таков ход вещей. Подумывал Космач его нарушить, а заодно и слово, ведьме данное, но понимал, что раз не соврала карга в одном, то и в другом не должна обмануть. И сам он видел, насколько упряма Катринэ. Пожалуй, если убьёт он кого-то из её подруг, то действительно возникнут потом проблемы. Неразрешимые. Не добьётся он от неё помощи ни лаской, ни угрозами, ни пытками.

– Леди, довольно! Вы уже вскружили мне голову в самом что ни на есть прямом смысле. Возьмите пример с Мэвы, замрите на чуть-чуть.

В ответ раздалось шипенье, от которого даже котёнок спрятал мордочку поглубже в сумку. Но Космач не сдавался.

– Вы же любите договоры. Вот я и предлагаю вам один такой.

– Мертвяк! Ты всего лишь жалкий говорящий мертвяк, – прошелестел голос одной из фей. Голубоглазой, с причудливой чёрно-огненной гривой на голове. Ты сделал больно нашей Королеве. Ты осквернил Ночь!

– Ты не дал Невесте умереть и возродиться женой, – выдохнула другая, с волосами жёсткими и зелёными, как лапы елей, – ты попрал закон Смерти и закон Жизни.

– На тебя, смертный, и на весь род твой уже легло Проклятие Осквернённой Ночи, – подхватила третья.

– Мне невыразимо приятно беседовать с вами, леди, но, право слово, сейчас не досуг. Так что выберите себе какую-нибудь ёлку и водите хоровод там. А то действительно голова кружится, а мне ещё подумать кое над чем придётся. Ну, или давайте мы с Катринэ отойдём. А эту скульптурку, коли она вам приглянулась, оставим. Ну, что-то вроде прощального подарка Королевы. На память, своему народу...

– Не-не-не... – короткий росчерк клинка – и прыгнувшая вперёд Чернобурка, всхлипнув, отпрянула, зажимая царапину на лице.

– Ты пролил кровь! – прошептала она в ужасе, изумлённо всматриваясь в окровавленные пальцы, – здесь! Сегодня! И ни слова, ни холодное железо теперь тебя не спасут! Содеянного не испить!

Космач сплюнул. Вот привязались-то. Как же их отогнать? Всего десятка полтора шагов вверх по склону до круга магическо-

го, который он подготовил. Но всё случилось чуть раньше и чуть ниже. Если отступить пытаться, то не дойдёт Катринэ. И так-то несколько мгновений осталось, прежде чем обессилев, рухнет она на землю. Про импровизированную виселицу из вскинутой руки застывшей Мэвы Космач наврал, конечно. Предостеречь хотел фрейлин, взъярившихся от действий неразумных. Да и для Королевы основной задачей стало на ногах устоять, а не пути к свободе обдумывать. Неразумно было бы просто так оставлять за спиной волшебное создание, силой неведомой наделённое, пусть даже ползадушенное и колдовскими петлями стянутое. А вот инстинкт самосохранения, что в любой твари таится, защищал колдуна лучше панциря. И так, с ними-то всё понятно. Катрине связана магическими путями, он сам – данным словом, а вот феи...

Феи не связаны ничем. Только страхом за свою госпожу. Но первая растерянность должна была уже пройти. Разум должен был победить страх. Они все магички. И сильные. Элита колдовского народа. Если бы они ударили разом, всеми стихиями... Даже ему, Эйтерну Мак Хейлину, пришлось бы несладко. Но они силы его не знают. Людей презирают, а вовсе не страшатся. Для них он всего лишь жалкий смертный с двумя железками в руках. Так чего ж они не нападают? Почему в их глазах плещется страх? Уж его-то Космач узнавал без ошибок. Слишком часто доводилось ему видеть такие глаза. Собственно, любое его появление на людях вызывало именно такое выражение. Но только у тех, кто его знал. Феи не знали. Выходит, они знали кого-то другого. И боялись. Настолько, что поступились гордостью, о которой складывались легенды.

– Дьявол! – выругался Космач и был очень недалёк от истины.

Топот копыт разорвал ночь, и вопль её боли заглушил конское ржание. Из сгустков тени, из разорванного тела самой тьмы вырос всадник. Он осадил коня и спрыгнул на землю, казалось, даже травинка не шевельнулась под тяжёлыми латными сапогами. Феи испуганными перепёлками метнулись в стороны, расступаясь, и застыли в причудливых позах реверанса: «Господин!»

Вот уж какого Двора этот Господин, у Космача сомнений не было. Бледный. Седой. С остекленевшим застывшим взглядом мертвеца.

– Отпусти Королеву, смертяк! – серовато-синюшные губы выплюнули приказ, словно он был уже исполнен. Казалось, этот закованный в латы ходячий труп в этом не сомневался.

– Как черёмуха? Вкусная?

– Что?

– Да вот, показалось, ты черёмухи переел. Язык высунь... Ну, точно... хочешь полюбоваться? У меня где-то тут в сумке зеркальце было для бритвы.

– Аргх!!! – рыцарь двигался с удивительной скоростью. Тяжёлый меч рассёк воздух в пяди над головой колдуна. Хотя тот и знал об ударе. Ушёл от него, швырнув в лицо нападавшему горсть едко-го порошка из сумки, намереваясь вогнать клинок точно над горловиной нагрудника, и шут с ним, с данным обещанием! Но произошло невероятное. Белый хоть и чихнул и промахнулся, но каким-то неуловимым движением перехватил лезвие. Сжал в кулаке и... сломал. Космач отпрянул, недоверчиво уставившись на куцый обломок. Феи завyli. Катринэ как-то странно всхрипнула. А пришелец скривил свои черёмушные губы и поднял кулак. Осколок таял. Источался, превращался в туман. Несколько капель чёрной (или Космачу так показалось) крови упали на землю и заплясали весёлыми язычками пламени.

– Час танца, сменит час крови, – тихо проговорил Седой, – так сказано в Великом Обряде. Но кровь должна была пролиться не тут и не моя. Ты осквернил Ночь, Человек. Ты знаешь, что это такое? Ночь Великой Свадьбы? Когда должны были породниться оба Двора. Ты хотел забрать мою невесту, смертяк? Наслушался сказок? Поверил им? Глупец. Ты выбрал не ту. Схватил бы другую и ушёл бы живым и, может даже, счастливым...

– Да ту я выбрал, ту... – колдун отбросил бесполезный огрызок и, подойдя к статуе, снял верёвку. Катринэ пошатнулась, но Космач подхватил её, – не сейчас, Ваше Величество! Не сейчас... пора нам уходить.

– Я повторю, – так же тихо и спокойно произнёс Король Мёртвого Воинства, хотя обычно этого не делаю, – отпусти мою невесту.

– И ты позволишь мне уйти?

– Я позволю тебе упасть на меч. Я позволю тебе никогда не узнать, что за величайший дар я тебе предложил. Я позволю тебе умереть!

– По мне так уж излишне витиевато. Я тебе попроще предложение сделаю. Знаешь, так, по-мужицки. Нас двое. Баба одна. Гони всех с этой горки. Поднимемся повыше и...

– ...на кулачках? Носы друг дружке расквасим, – король улыбнулся почти по-человечьи, – ты забавный малый, смертяк. Ты понимаешь, что я могу, шевельнув пальцем, превратить тебя в пыль? Дуну, и твоя кожа и мясо сползут со скелета, который всё ещё будет молить меня о пощаде.

– Ну, – пожал плечами Космач, – а ты понимаешь, что мой скелет не побежит освобождать твою невесту? Взгляни на неё. Как думаешь, сколько раз она ещё сумеет вдохнуть? Давай на спор? Я говорю – не больше десятка. Твоё слово? Ну а пока можешь шевелить пальцами. Хотя я бы посоветовал всё же мозгами. Кстати, как я понял, сам-то ты эту верёвочку снять не можешь? Так-то... Моё предложение в силе. Я знаю, что вы, если даёте слово, как правило, его сдерживаете. Я тоже. И я даю слово тебя не убивать.

– Червяк!!! Второй раз ты вывел меня из себя! Я тоже даю слово! Ты – не умрёшь!

– Ну и славно! Но это так. Дополнение к главному условию. Побеждаю я – ты отпускаешь нас на все четыре стороны. Заметь, целыми! Побеждаешь ты – отпускаю вас я. Идёт? Или ты всё ещё не уверен в своих силах, мертвяк?

– Идёт! – слух махнул рукой, и феи бросились врассыпную. Космач же повернулся, взвалил Королеву на плечо, услышав за спиной приглушённый рык. Улыбнулся и зашагал вверх по склону. А в голове неотступно и опять чужой мыслью вертелось: «Могуч и силен её избранник. Не справишься с ним даже ты!» Обиднее всего было то, что об остальном-то ведьма сказала правду. «Не справишься с ним... не справишься», – ныл голосок. А Космач считал шаги, ощущая на плече лёгкое, почти невесомое, но такое тёплое и живое тело Катринэ. Шеей чувствовал её прерывистое, хриплое дыхание и почему-то с каждым её вздохом, с каждым ударом сердца, ему становилось всё спокойнее. Эйтерн Мак Хейлин улыбался.

Древнейший охранно-сдерживающий символ – пентакль, звезда, заключённая в круг, не выпускает демонов наружу. Сейчас он должен сработать иначе. Наоборот. Не впускать. Ещё три шага... Два... Один и...

...Удар оказался столь силен, что на миг перехватило дыхание. Боль пронзила плечо. Показалось, что Космач со всего маху наскочил на каменную стену. Катринэ покатила по траве, всхлипнула, забила в судорогах. Видимо, при падении фея всё же невольно дёрнула руками, петля сдавила горло сильнее и при каждом рывке

тела продолжала неумолимо затягиваться. Слуа выронил меч и упал перед невестой на колени. Его тонкие белые пальцы порхали над её шеей, не в силах коснуться сплетённых колдовством нитей всё глубже врезававшихся в кожу.

– Помоги ей, смертный! Она умирает!!! – в голосе Короля слышались умоляющие нотки, – Я клянусь, я дам тебе всё, что ты хотел попросить у неё. Здоровье, богатство, власть!!!

– Заткнись! – просипел Космач, подползая к задыхающейся Королеве, – мне нужно сосредоточиться.

Слуа покорно затих. Его ладонь нежно коснулась вспотевшего лба Катринэ.

– Отойди! – велел Космач, – твоя колдовская аура слишком сильна. Она забивает мою. Я не могу ничего сделать.

– Просто перережь эту дьявольскую верёвку! – рявкнул слуа, но всё-таки встал, поднял меч и отошёл на несколько шагов, не спуская глаз с противника, неужели ты такой глупец, смертяк? Как ты мог подумать, что я не замечу твою простецкую пентаграмму? Не блокирую её?

Но колдун не слушал. Лёгким касанием пальцев он ослабил петлю, нащупал вздрагивающую жилку – сердце билось часто, но равномерно. Катринэ судорожно вздохнула. Закашлялась.

– Он убьёт тебя! – чуть слышно прохрипела она. И колдуну на миг почудилось, что в этих словах прозвучала не угроза, а предупреждение.

– Может быть. Но не сегодня, – Космач взял фею за руку и закрыл глаза. Он успел увидеть, как усмехнулся и поудобнее перехватил меч Король Мёртвого Воинства. Как шагнул к обессиленной паре...

Не открывая глаз, колдун улыбнулся в ответ.

– Всё. На сегодня хватит... Пора домой.

Всё, что ему было нужно, это несколько мгновений покоя. Абсолютного. Для концентрации. Для достижения полной отрешённости от мира. От ЭТОГО мира...

...где-то далеко-далеко загнанным эхом заметался отчаянный вопль ярости великого, но обманутого Короля. Да, он мог всё! Но только в том, в своём мире. Единственное, что он не мог – это покинуть его. Потому что не знал дороги. Ему нужен был Проводник. Такой, как Космач. Отворяющий Двери, Шагающий меж мирами,

Творящий Пути. Ходок. Путеводец. Ему нужен был Эйтерн Мак Хейлин.

** * **

– Я ничего не поняла! – Дубравка мотнула головой, – причём тут я? И Загляда?

– А при том, что сила путеводца может быть только у одной из вас. А так вы две недоделки. Одна – недочеловек, другая – недофея. Да, как красота присуща любой метиске, так и вам – особености отца и матери. Ты – колдунья-зверь, полухозяйка, оборотень. Тебе подвластна магия леса и магия смерти.

– Смерти? – вздрогнула Дубравка.

– А кто я по-твоему? – усмехнулась Велена, – повелительница чего? Разве ты не дочка Бабы Яги? Ну, хватит, пошли домой.

– Не пойду! Я буду ждать Загляду!

– Наигрались уже, утро скоро. А её голову, так и быть, принесу и подарю тебе, сделаем куколку. Помнишь детство? – Велена поднялась из кресла.

– НЕТ!

– Год из дома не выйдешь, – не обращая никакого внимания на рассыпанную соль, ведьма шагнула в круг и схватила Дубравку за ухо. – Ещё с матерью пререкаться вздумала. А ну домой! Живо!

Глаза Дубравки распахнулись. От боли, удивления, обиды...

– Значит, ты могла... но...

– Да с тобой только так поговорить можно. Вертишься, как юла. К смертным привязываешься...

– А вот про смертность ты вовремя вспомнила! – раздался с порога голос князя. В одной руке он сжимал меч, другой обнимал Карину. Загляда тоже крепко прижималась к маме.

– Значит, вытащил-таки ненаглядную из лужи? – хмыкнула Велена, – умыкнул вторично теперь уж с помощью моей дочери. Никто, собственно, не сомневался. Ну и как твоя благоверная? Рассказала о своих намереньях сменить колдуна на мертвяка? Аль, ночами-то разница и не видна? – ведьма издевательски подмигнула княгине.

Та вспыхнула.

– Ишь, зарумянилась. Выходит, не сказала? Меня или его обмануть хочешь? Чьё это загляденье-то? А, собственно, плевать... – огненный шар рванулся к маленькой княжне... Вскрикнула Дубравка. Метнулась меж подругой и пламенем. Лизнули её жаркие языки,

охватили одежду. Вспыхнули роскошные волосы... Дико закричала Загляда, бросившись к охваченной пламенем подруге. Взревел князь, резко взмахнул рукой. Сверкнуло в воздухе серебристое лезвие.

Но страшнее всего был крик Велены, звериный, полный тоски и боли. Волчицы над телом волчонка. Она упала на колени. Лезвие брошенного меча вошло ей под левую грудь. Но она была жива. Поток чистой родниковой воды рванулся из её рук, сбивая бушующее пламя.

– Дубравушка, – шептала она, подползая к вздрагивающей на полу дочери, – держись, милая, я сейчас...

Гостемир, схватив с полки разделочный топор, одним прыжком оказался рядом с ведьмой, готовый снести ей голову. Но Велена остановила его взглядом:

– Ты не дашь умереть дочери. Я никуда не денусь, клянусь, – ведьма повернула искажённое лицо к Карине, – слишком мало сил... могу умереть раньше, чем закончу... фея... помоги... – она протянула руку Карине. Другая сжимала трепещущую ладошку Дубравки.

Княгиня взглянула на мужа, на тельце девочки и опустилась на колени, замыкая круг. Лазурное сияние пробежала по рукам женщин. Оно всё ширилось, окутывая их призрачным туманом. Тот густел, искрился, поднимался всё выше... и вдруг исчез...

...Казалось, Карина спит, но только на полу, будто маленькая девочка, затеявшая игру, свернулась в клубочек. Закрытые глаза, полуоткрытые губы и... струйка крови, стекающая изо рта. А вокруг – ночной нимб серебристо чёрных волос... Бледная рука стискивает руку Велены.

Ведьма лежала рядом. Неподвижно. Белоснежные сугробы волос, смешиваясь с чёрным серебром, прятали окровавленную ладонь. Зелёные глаза широко распахнуты, словно Велена увидела что-то, чего не видела раньше. Никогда. Чему не верила. Посеребрившие пальцы всё ещё крепко сжимали ладошку Дубравки... испуганной, всхлипывающей, чумазой, с обгоревшими волосами, но живой. Загляда упала рядом с ней на колени, прижалась, захлёбываясь от рыданий.

– Я люблю тебя, сестрёнка! Очень-очень люблю, – шептала девочка, заливаясь слезами.

– Я тоже... сестричка... – шевельнулись пересохшие губы, – чу...

– Что?

– Чулочки жалко... Подаришь? А где мама?

В коридоре слышались голоса и топот стражников... Стоя на коленях, князь издавал страшные, рвущие душу звуки. Впервые он делал то, чего не умел. Он плакал... а у его ног пламенел живым чудом в смятом венке цветов папоротника. То, чего и нет вовсе.

* * *

«Заплакали девочка и мальчик

И закрылся весёлый балаганчик...»

– негодовала мама, – прям по Александру Блоку! Как такое показывать можно! Дети же вокруг! Насилие, смерть, никакого радужного финала. Слава Богу, двадцать первый век на дворе. Не в каком-то средневековье живём!

– Тётя Света, – Васята поправил очки, – так это же не конец. Продолжение быть должно.

– Фу, какое продолжение? – встрял рыжий Гервася, – плохая сказка. Никаких драконов. Только раз интересно было, как он разбойника – хрясть! А тот – а-а-а! А потом ещё ножиком – вжих, вжих! А всё остальное – скуотища девчоночья! Никаких драконов, никаких рыцарей и не страшно. Я кое-что страшнее видал. Вот!

– Да замолкни ты! – возмутилась Вета! – Хорошая сказка. Какая куколка красивая! Смотри, мам... ой, она шляпу взяла... туда надо денюжку кинуть. Да? Мам, дай денюжку! Она сейчас к нам подойдёт. Ко мне! Прелесть какая!

– Я сама заплачу и кукольнику всё выскажу! Вертикальная композиция никуда не годится. Многоплановость. Детям она непонятна, плюс чрезмерная словесная перегруженность. Постмодерн какой-то.

– Лан, успокойся, – папа взял её за руку, – мне вот понравилось и построение тоже. Матрёшка. Открываешь, а там ещё одна. А потом ещё. Забавно. Вроде один спектакль, а так целых три. Да и потом, согласись, не так уж много сказок про дружбу и любовь, – папа наклонился к самому уху мамы, отвёл роскошные чёрно-серебристые волосы и шепнул:

«А ещё мне понравилось, потому что фея на тебя похожа. Как там? «...и не было существа красивей во всём подлунном мире, и даже единороги склоняли головы, когда встречали её на лесной тропе».

– Прекрасней, – поправила, засмеявшись, мама и незаметно сунула купюру в ладошку Веты. Васёна спора не слушала. Сказка ей

понравилась уже потому, что раньше она такой не слышала и не читала. Ну, то, что не слышала, – это-то понятно. Слишком взросленькая была сказка, чтоб мама или папа стали её рассказывать. А вот что не читала – странно. Потому что читала Васёна очень много. Поменьше, конечно, чем Васята, но всё же. За тот год, что прошёл с момента, как Васёна стала не просто складывать буквы в слова, и слова в коротенькие предложения под картинкой, а действительно научилась читать, в доме не осталось ни одной книжки, которую бы она не открыла. Нет, читала Васёна, конечно, только сказки, но пооткрывала и полистала все, даже папины со страшным человеком без кожи (потом он даже снился ей несколько раз, но Васёна никому не говорила, а то ещё запретили бы трогать книжки). Рассказала только Васяте, и Васята всё объяснил. «Конечно, картинки страшненькие, – сказал он, – но только по ним можно понять, как сгибается рука или нога, как поворачивается голова и, зная, как устроен человек, его можно попытаться починить, если что-нибудь сломается». Васёна кивнула. Она помнила, как Вета однажды упала, и ей на руку пришлось наложить гипс. Единственный раз видела тогда Васёна Вету плачущей. Нет, не от боли, хоть и было очень больно. Вета потом признавалась, что плакала потому, что папа хотел запретить ей танцевать. Но, как говорит сам папа – всё что ни происходит – всё к лучшему. Только нужно это «лучшее» уметь заметить. Папа умел – он понял. Что без танцев Вета просто не может. И с тех пор с мамой спорить почти прекратил. Только изредка. Глядя на Королеву со шляпой в руках и на восторженно склонившуюся над ней Вету, Васёна думала, что сама ни за что бы не приблизилась к этой кукле, слишком жестко были сжаты красные губы, слишком презрительно прищурены зелёные глаза. Казалось, кукла ненавидит всех. Королева, вынужденная просить милостыню... Но освободиться она не могла. «Наверное, страшная участь – всегда быть покорной нитям кукловода», – подумала Васёна, и вдруг ей стало жалко эту гордую красавицу. Но ещё больше ей было жалко маленькую куколку на магнитофоне. О ней никто и не вспомнил. Та по-прежнему сидела на запылённой колонке, грустно склонив голову. Забытая, одинокая и ненужная. Говорят, что красивыми быть трудно. Но ещё труднее быть рядом с красивыми. Иногда Васёна чувствовала это и сама. Девочка искоса взглянула на сестру. Глаза Веты сияли. Она смеялась, протягивая денюжку Королеве. И тут кукольные глаза вдруг вспыхнули красным. Васёна чуть не вскрикнула...

– Ты видел? – прошептала она, дёрнув Васяту за рукав.

Тот кивнул и молча показал пальцем куда-то за спину.

У бутика Влады притормозил большой чёрный автомобиль, как раз его-то габаритные огни и сверкнули отразившись в глазах-стекляшках. Но Васёне почему-то спокойнее не стало. Даже наоборот.

* * *

За столом только о спектакле и говорили. Вернее, спорили. Васёне он нравился. Маме – нет. Папа похихикивал и поддерживал то одну, то другую, и в ответ получал обидное фырканье от обеих. Мама и Васёнка спорили не о спектакле даже, а о сказке. Мама говорила что-то о кельтских и славянских мотивах. Васёна – о девочках и феях. А вот Вета вспоминала о кукле. До чего же красива! Она играла... нет, ею играли... в общем, выступала она сразу в роли двух персонажей – Королевы фей и Колдуньи. Когда они бывали перед зрителями вместе, одна всегда оказывалась спиной и, как подозревала Вета, был это странный болванчик без лица и фигуры, в кого его оденешь, тем и будет. Странное и немного жуткое воплощение безликости. Уж лучше маленькая дурнушка на магнитофоне. А Безликий – страшненький. Ужасней только сам кукольник. Вот уж не Брайн Остин Грин. Вспомнишь, даже оторопь берёт. Бледный, как мертвец, губы какие-то лиловые и на коже даже пор нет, словно восковая, мёртвая. И лицо застывшее. Как маска посмертная. Как к такому подойти, заговорить? Жутко...

– Леди! Леди! – папа хлопнул в ладоши, положив конец спорам Васёны с мамой и мыслям Веты, – итак, объявляю «тихий» час! Мама – за компьютер. У неё лекция. Виолетта – за стол и учебник – тройку исправлять. Василиса... ну она у нас Премудрая, знает, чем заняться. Ну а я – на диван, к телевизору, чтоб вам не мешать.

– Пап, тебе кукла понравилась? – Вета побрела к столу, зная, что спорить бесполезно, но пытаясь хотя бы оттянуть неминуемый момент встречи с учебником.

– Понравилась, моя королева, вот только, сдаётся мне, что к теме твоего домашнего задания она не имеет ни малейшего отношения. Ну, как тебе моя пронизательность? Прав я, стрекоза?

Папа был, конечно, прав. К теме домашнего задания имели отношения дробы. Но Вета не была бы Ветой, если бы сдалась так быстро. Убедившись, что Васёна, захватив с собой медвежонка и книгу Клайва Льюиса, забралась в кресло под торшер и по хрустящим шарикам нафталина и свежевывавшему снегу отправилась в Нарнию

(так вот о чём говорил учитель! «Глупая! – Вета чуть не хлопнула себя по лбу с досады! – А ведь читала! Могла бы понять! Ну да ладно...») Так вот, убедившись, что Васёна уже где-то под фонарём с мистером Тумнусом (или как там его), Вета повернулась к папе и шепнула:

– Пап, у Васёны день рожденья же будет...

– Весьма правомерное умозаключение.

– Я серьёзно, пап! И вообще, она вот с садиком покончила, да ещё как! «Умникально»! Давай ей подарок сделаем?

– Что задумала, хитрюга?

– Ну-у... – Вета опустила длиннющие ресницы, и глаза стали почти невидны. Такой трюк она освоила уже давно, очень удобно, когда нужно что-то... слегка приукрасить или недоговорить, – пап, может, мы ей куклу купим? – быстрый взгляд из-под ресниц, – давай спросим у кукольника, вдруг продаст?

Папа повёл себя странно. Он вдруг схватил Вету, притянул к себе и крепко обнял.

– Ах ты, моя милая маленькая девочка! Что бы ты ни выделявала на паркете, ты всё равно малыш. И это прекрасно!

– Я не маленькая! Это Васёне!

– Тише, тише, а то мама услышит. Знаешь, лап, я бы с удовольствием купил, сколько бы она ни стоила, если ты действительно её хочешь...

– Хочу, пап! Очень хочу!

– Подожди. Ты же понимаешь – этот человек, по-видимому, немой, быть может, глухонемой, а кукла, если можно так сказать, зарабатывает ему на жизнь. Ты сама видела, сколько денег накидали ей в шляпу, когда эта кукольная фея «прошла» по рядам. Даже мама не устояла, хоть спектакль ей не понравился. Если он даже продаст тебе эту красавицу, кто у него останется? Маленькая замарашка на магнитофоне да лысенькое оно, среднего рода, которое заполняет пустующее пространство. Ну и суровый богатырь – злодей и герой в одном лице. Как он ими обойдётся?

– Я понимаю, пап, – Вета опустила голову, – но ты ведь сам говорил, что мы не должны решать за других. Так что всё равно надо было спросить.

Папа улыбнулся и погладил девочку по голове:

– Ты, конечно, права, но говорил я и другое – никогда не стоит жалеть об упущенных возможностях. Этим мы отпугиваем будущее.

Спросить было можно, но мы не спросили, и сейчас переживать уже поздно. Может, увидим его ещё раз завтра. Ну а нет – найдём что-нибудь другое, может статься, даже лучше. А теперь, давай, беги, стрекоза, страна знаний ждёт тебя. И поверь, там намного интереснее, чем может показаться с первого взгляда.

– Фу-у-у... Цифры, цифры... Там даже слов мало, не то что картинок.

– В геометрии картинок больше будет, – улыбнулся папа.

– Бе-е-е... – Вета слезла с дивана и поплелась в соседнюю комнату к столу. Учебник приветствовал её колоннами подпрыгивающих закорючек: «прям демонстрация с транспарантами и троекратными «ура!» – и Вета забралась на стул. Она представила себе, как в закрытом учебнике, под надёжной защитой обложки чёрненькие корявенькие жители устраивают чехарду, водружают дощечки на плечи друг дружке и влазят на них или прячутся под козырьком квадратного корня, как под грибом в сказке Сутеева. И всё, чтоб насолить ей, Вете. Чтоб она не нашла их всех, не расставила по местам и опять получила тройку. А если и за год выйдет она же, папа пообещал поставить точку на танцах. И тогда – всё... Уже не жизнь.

Вета тяжело вздохнула и глянула в окно. Далеко-далеко она различила тёмную фигуру под одиноким фонарём близ котлована. Кухольник всё ещё был там. Девочке показалось, что голова в чёрной широкополой шляпе повернулась к её окну и синеватые губы растянулись в улыбке. Девочка вздрогнула. Нет! Не может она увидеть ничего на таком расстоянии. Просто страхи детские. Но что он там делает? Словно ждёт кого-то. Дежа-вю. Что-то подобное уже было...

Вета захлопнула учебник – скачите, глупые циферки, с вами потом разберусь, – и бесшумной тенью скользнула к креслу Васёны.

* * *

– Вася, слышь меня? Васька!

– Чего пихаешься? – Васёна неохотно оторвалась от книги.

– Слушай меня и не шебурши, – Вета притаилась в тени кресла, явно надеясь остаться незамеченной, – мне твоя помощь нужна, Лиса. Мне на улицу надо. Когда я вернусь, ты мне двери тихонечко откроешь? Но только чтоб мама с папой не услышали.

У Васёны невольно округлились глаза. От Веты она такого не ожидала.

– Там же темно, на улице-то, – прошептала она, – ты куда собралась?

– Надо! – Вета сдвинула брови.

– К мальчику, да? Влюбилась? Как в сказках?

– Нет, дурёха! Не к мальчику. Это ты в своего Васяту-очкарика втюрилась. А я взрослая уже, мне не до них.

– Ничего не втюрилась! Васята хороший! Не смей его обзывать! – Васёна надула губки, – иди уроки учи, а то всё папе расскажу.

– Ябеда! – прошипела Ветка, – я думала, мы сёстры! Как в сказке, как Загляда и Дубравка.

Васёна стиснула зубы. И то и другое вроде бы правильно... Она молча слезла с кресла, оставив там сидеть медвежонка, аккуратно закрыла книгу, положила рядом.

– Пошли, – угрюмо бросила она.

– Куда? – Вета даже опешила.

– Мы сёстры! Я пойду с тобой. Одну не отпущу, – Васёна тоже умела быть непреклонной.

– Васёк, послушай, уже поздно, там темно, ты сама сказала. Я знаю, как ты боишься темноты...

– Именно поэтому я тебя одну не пущу.

– Лисёнок, но кто нам двери откроет?

– Мы их закрывать не станем, как Люси, когда забралась в шкаф и попала в Нарнию. Только прикроем и оставим щёлочку. Мы же ненадолго, да?

Вета задумалась. Действительно, что может случиться? Соседний двор. Ну, темно, но не ночь же.

– Хорошо, – вздохнула она, – но всё время держи меня за руку, поняла?

Васёна кивнула и протянула ладошку.

– Не сейчас, глупыш! Когда выйдем на улицу. Эх, только бы папа с мамой ничего не заметили. Погоди, мне надо кое-что взять. Так же бесшумно Вета скользнула к огромному шкафу, приоткрыла дверцу и исчезла в тени. Васёне стало не по себе. Она часто в него залезала надеясь найти дорогу в Нарнию, но... С другой стороны этот путь открывается не всем, и вдруг Вета... но сестра вынырнула через мгновение, прижимая к груди заветную Коробку Сокровищ. У Васёны тоже была подобная. Она хранила там рисуночки, подарки Васяты, переживающиеся календарики, древнюю-древнюю серебряную монетку и ещё разные разности. У Веты тоже было много чего, хоть и не такого

интересного – красивенькая коробочка с французскими чулками и духами, которые подружка привезла ей из Парижа, где была с родителями в прошлом году, отодранная обложка от тетрадки с каким-то высоким полураздетым дядей, маленькая блестящая флешка, которую Вета не давала никому. Самым неинтересным из сокровищ были деньги. Васёна знала, что у Веты была Мечта. И на неё-то Ветка и копила. Тут были и призовые, и сэкономленные на обедах. Три тысячи сто двадцать шесть рублей и пятьдесят копеек. Они с Ветой пересчитывали недавно. Васёна не знала, много это или мало, но знала, что на Мечту хватит, это главное. Их-то Вета и засунула в карман джинсов.

Васёна удивлённо захлопала глазами:

– Вет...

– Тс-с-с! Всё поймёшь. Идём!

Сёстры прокрались в коридор. Пока Вета возилась с замком, Васёна надела курточку. Щёлкнула щеколда, дверь даже не скрипнула. Из комнаты доносилось лёгкое постукивание клавиатуры и монотонный бубнёж телевизора о последних событиях: исчезла ещё одна девочка, произошла авария на Ленинском проспекте, рухнул башенный кран – о другом телевизор рассказывать не умел. Девочки скользнули на площадку, прикрыли за собой дверь. Васёна подложила спичечный коробок, чтоб она не захлопнулась. Ведь, как сказала бы Люси, нет ничего глупее, чем остаться на улице перед запертой дверью собственного дома. Васёна нащупала руку Веты и крепко сжала её ладонь.

– Идём? – шепнула она. И девочки шагнули в темноту лестничного провала.

Глава 6

Заветные туфельки

Прохладно. Как же резко сменилась погода! Промозглый туман, казалось, сочился из котлована, окутывая квартал дыханием ледяного дракона: как на шотландских болотах, и не подумаешь, что ты в центре Сибири. Вета невольно поёжилась и не только от холода. Она чувствовала, что ладошка Васёны слегка вспотела. «Зря я малышку потащила, глупо всё это», – думала девочка, стараясь шагать по тротуару не слишком быстро. Она бросила взгляд в сторону одинокого фонаря и тёмной фигуры в плаще. Дальше – пустырь, котлован, заброшенный полуразрушенный дом. Следы так и не начавшейся стройки. Днём играть там было интересно, но сейчас... Нет, Васёну она с собой не поведёт. Вета остановилась и растерянно оглянулась. Возвращаться? И Вася всё время молчит и дрожит. От этого и самой не по себе. На той стороне улицы призывно манил светом магазинчик. «Влада» переливалась неонов. Манекены непринуждённо нежились в лучах витринных ламп. Вета решила.

– Идём, малыш.

– Вет, мы за туфельками? А почему ночью? Чтоб мама с папой не узнали?

– Нет, Вась, я только посмотрю. Ещё разочек. Остались ли.

Начал накрапывать дождь. Совсем мерзко. Васёна подняла воротничок. Вете же оставалось только втянуть голову в плечи, как черепашке какой, и ускорить шаги, иной защиты футболка не представляла. «Когда идёт дождь, плачет какая-то богиня», – вспомнила Вета, но вот какая, из головы вылетело. Туфельки остались – девочка видела их сквозь струйки дождя, сбегаящие по стeku, – дожидались её. Вета часто приходила сюда и всегда знала, что они будут здесь, что их никто не купит. Ведь это её Мечта. И вот она от неё отказывалась.

– Красивенькие, – пискнула Вася.

– Угу, – как ни пытались Вета скрыть горечь, она всё же прорвалась.

– Ты что-то другое купить хочешь, Вет?

– Наверное, я не знаю. Пройдёт года три-четыре, и мне всё равно разрешат носить шпильки. Может быть, даже купят что-нибудь подошме, если я буду хорошо учиться. И не в местном магазинчике.

– Но это уже не будет Мечтой, – тихонько добавила Васёна, – и Тайной.

– Не будет...

– А я тоже тайну знаю. Вы об чём? Об ней? – девочки чуть не вскрикнули от неожиданности и разом обернулись. В лицо им ударил луч света, – ага... обслепли! Это мне папка фонарик подарил. Видали? Я как засвечу им ведьме в глаз, она и обслепнет!

– Это я тебе сейчас засвечу в глаз! – заорала Вета, – идиот несчастный!

– Не засветишь, у тебя фонаря нету, – резонно заметил Гервася.

– Зато у тебя сейчас два будет!

– Гервасий, а ты почему не дома? – Васёна как всегда держала себя в руках, хоть тоже испугалась, Вета ей даже позавидовала.

– Папка с мамкой на работе, бабушка уснула, я убёг, – лаконично доложил рыжий.

– А тут что забыл?

– Пришёл ещё раз ведьму поглядеть. Вы тоже?

«Тоже кукла понравилась, – поняла Вета, – увидел кукольника, вот и решил пришлѣпать».

– Ага, мы тоже, – кивнула Вета, – а пока тут дождик переживаем.

– А вы, того... прямо к ней пойдѣте? Не убоитесь? – в голосе Герваси послышались невольные нотки восхищения. – Я бы убоился. Как увидел, что она голову сняла и волосы чешет, так испужался.

– Ты чего несѣшь-то? Кто голову снял?

– Кто-кто, ведьма!

– Это сказка есть такая, – шепнула Васёна на ухо Вете, – про мертвецов и ведьм. Страшненькая.

– Ничего не сказка! – слух у Герваси оказался отменный, – сам видал!

– Тьфу ты, – вдруг поняла Вета, – кукла-то, видать, разборная, он увидел, как кукольник их в свой чемодан складывал.

Скрипнула дверь магазина. На пороге стояла хозяйка.

– Ребятишки, что вы мокнете? Почему одни? Ну-ка, быстро все сюда!

Гервася опять включил свой дурацкий фонарик. На этот раз луч ударил в лицо блондинке. Она вскрикнула, как девочки, только прикрыла глаза. А Гервася, шлѣпая по лужам, уже мчался по направлению к дому.

– Вы простите его, – смущённо проговорила Вета, – он дурной, нас тоже напугал. Маленький ещё.

– Нехорошо через порог-то разговаривать, – девушка приоткрыла дверь пошире, – заходите. Я вас часто видела, в соседнем доме живёте? И папа с мамой – очень красивая пара. Так что не заблудились. Но почему родители-то отпустили? Да ещё в такую погоду. Случилось что?

Девочки переступили порог, и словно оказались в другом мире – свет, тепло, аромат духов множество всякой всячины... Ни Вета, ни Васёна ни разу не были внутри. Мама магазинчик почему-то очень не любила. А папа хоть и часто бросал взгляды в его сторону, заходил лишь раз – купить подарок маме и девочкам, ну и понятно, что с собой он их не взял, хоть Вета и просилась.

– Нет-нет, ничего не случилось, не беспокойтесь. – Вета второй раз за день прибегла к своему приёму «в тени ресниц», лишь бы Васёнка чего не сморозила. – Бабушка Герваси, это вот этого рыжего, с фонариком, позвонила, попросила его найти. Родители на работе. А она уж старенькая. Вот мы с сестрой и решили сбегать.

Вета видела, что Васёна краснеет. Врать сестра не любила, не умела и не разрешала другим. Поэтому Вета быстро перешла на правду.

– Тут дождь начался, и мы к Вашему магазинчику прибежали. Я... – Вета смутилась, – мне он очень нравится. Я часто днём у витрин бываю.

– А что ж внутрь не заходишь, – улыbnулась девушка, – я всех принимаю, ко мне вон даже котёнок прибился, – она кивнула в дальний угол, и девочки только тогда заметили серенький клубочек шерсти.

– Ой, – засмеялась Васёна, – а я думала, это шапка упала. Можно я его поглажу?

– Ну это у него надо спросить, – подмигнула блондинка, – иди поинтересуйся. Меня, кстати, Влада зовут. Наверное, и догадаться нетрудно было, – это она уже обращалась к Вете. – Владелица я, – засмеялась девушка и вокруг зелёных глаз появились лучики морщинок, – уголка этого.

– А по отчеству? – робко спросила Вета.

– Неужто так стара? – морщинки внезапно разгладились, и глаза сверкнули лукавством. – Просто Влада. Нет у меня отчества. Не связана родоплеменным началом. Сама – начало.

– Простите? – не поняла Вета.

– Детдомовская я. Нет у меня родителей. Первая в своём роду буду. Начало новой династии положу. Вот только бы принца встретить. Кстати, о принцах и Золушках, – девушка наклонилась к уху Веты, – хочешь померить?

– Хочу! А можно? Ой... – запнулась Вета. А откуда вы знаете?

– Я же не просто владелица. Я продавщица, – засмеялась Влада, – замечать клиентов – моя работа.

– Но я... Я не клиент, вздохнула Вета... – вернее, не совсем. У меня есть деньги. Вот, – она достала из кармана измятые бумажки, – просто...

– Просто померяй, – шепнула Влада, взяла девочку за руку и подвела к полке. – Эти?

Вета смогла только кивнуть. Тёмно-коричневые, почти чёрные на свету с ореховым отливом в тон волос девочки, они были сшиты из удивительно мягкой, но прочной, тонко выделанной кожи, прошитой золотой нитью. На носке – золочёная набойка, как и на тонком тринадцатисантиметровом каблукке. Не обувь – произведение искусства. Даже надеть страшно.

– Боишься?

Вета даже вздрогнула, как будто её мысли прочитали.

– Не бойся. Высоковат, конечно, каблук, но ты не упадёшь, я подержу.

– Нет, – засмеялась Вета, – я не упаду.

Страх, стеснение исчезли, девочка сбросила промокшие кроссовки и сунула ступни в подставленные туфельки. Так вот что значит стать принцессой! Это волшебно. По телу пробежал озноб, голова слегка закружилась, а потом накатила волна тепла. Вета знала, что это такое – счастье! Приблизительно такие же чувства она испытывала, выходя на паркет. Девочка сделала несколько шагов и закружилась под вальс из «Золушки». Она видела восторженный взгляд Васёны, улыбку на губах Влады, и даже котёнок как-то странно, будто с неким удовлетворением, смотрел на Вету.

– Ты прелесть! Маленькое чудо! – Влада зааплодировала, к ней присоединилась Васёна. – Я и не знала, что *так* можно двигаться на шпильках!

Вета смущённо покраснела:

– Спасибо. Ничего особенного, просто я уже довольно давно танцую, но в них... в них невероятно удобно, я не думала, что так бывает.

Я... я, наверное, их куплю... но чуть попозже. Сейчас мне нужно отойти на пять минут. Я быстро. Можно Васёна побудет здесь? – Вета вернулась к своим кроссовкам и начала стягивать туфли.

– Постой, это ведь не бальные туфельки, – качнула головой Влада, – и предназначены они для другого. Для повседневной носки. Работа, улица, грязь. Попробуй, вдруг они тебя подведут.

– Правда? Мне можно выйти в них? Но... но там дождь и...

– Именно поэтому. Твои тряпочные кеды насквозь промокли. Только не уходи далеко, темно уже. Мы с Васёной подождём тебя тут, а потом я позвоню вашим родителям. К сожалению, не могу провредить вас до дому – нельзя оставлять магазин.

– Нет! Я с Ветой!

– Лисёнок, – Вета опустила перед сестрой на корточки, на каблуках она оказалась слишком уж высокой, почти как взрослая, – я знаю, как ты боишься темноты. Я очень прошу тебя остаться, вот телефон, если что – звони маме. Просто нажми единичку. Я сейчас вернусь. Я просто *должна* кое-что спросить, то есть узнать. Я дала себе слово. Я не могу его нарушить. Понимаешь, когда я увидела эту куклу, когда протягивала ей деньги... я услышала. – Вета запнулась, – в общем, я должна узнать, продаётся ли она.

– Не ходи, Вета. Мне страшно. Я не знаю почему.

– Всё будет хорошо, Лиса. Ты же моя сестрёнка. Я никому не дам тебя в обиду. Я скоро. Пять минут, – и Вета, ещё раз поблагодарив Владу, побежала к двери. Серенький котёнок припустил за ней.

– Я тоже, – шепнула ей уже в спину Васёна, – не дам тебя в обиду.

Дождь всё ещё моросил, туман напелз на город, но тонкие каблучки задорно звенели по асфальту, наполняя душу какой-то потусторонней необъяснимой радостью. Как барабанная дробь походного марша заставляет солдат идти вперёд, так же и стук золоченых подковок гнал страх и неуверенность из сердца девочки. Рядом трусил магазинный котёнок.

Яркий свет. Гул заведённого мотора.

– Девушка... Простите, не подскажете, как на проспект выехать, а то полчаса уже плутаем. Врёт чёртов навигатор.

Вета обернулась. Чёрный джип. Затенённые стёкла. И фары прямо в глаза бьют.

– Не знаю.

– Взгляни на навигатор, а. Может, ткнёшь пальчиком куда нужно, было в голосе что-то неприятное. Глумливое.

– Простите, не местная, – Вета подняла руку, прикрываясь от слепящего света, отступила на несколько шагов к спасательной тени арки. Если только откроют дверь, она нырнёт в подворотню, затем во двор, а там и подъезд рядом. Дверца не открылась. Но внезапно за спиной выросла тень, и широкая сильная ладонь зажала рот и нос девочки. Вторая рука обхватила талию. «Как какой-то жуткий танец в пантомиме», – пронеслась дикая мысль. Вета отчаянно пыталась вырваться, крикнуть, вздохнуть. Всё тщетно, страшно, жутко. Не единого звука. Абсолютная тишина. Ноги девочки оторвались от земли. Её волокли к машине... Вот тут-то и распахнулась задняя дверь. Появился ещё один мужчина.

– Не давай дышать. Я ноги подержу, а то пока не задохлась, будет дрыгаться, каблуками всю краску собьёт. А потом – в багажник её. Вот... зараза... сильная тварь. А-а-а! Глаза! Мои глаза!

Серенький ощетинившийся комочек взлетел с земли и когтями вцепился нападавшему прямо в лицо. Дикая рёв разорвал тишину. Вета извернулась всем телом и ударила мужчину ногами. Острый каблук вошёл во что-то мягкое. Раздался сдавленный стон, хватка ослабла. Девочка рванулась что было силы, освободилась, не устояла, покатила по земле, судорожно ртом хватая воздух. Из джипа вылезал водитель... Девочка вскочила на ноги и бросилась бежать. «Надо сбросить туфли. Упаду!» – вспышкой сверкнуло в голове. Но остановиться Вета не могла. Она не видела перед собой дороги, казалось, ноги сами несли её куда-то. Так Вета никогда не бегала. Даже не танцевала, абсолютно вслепую. Чудо, но нога сама находила куда встать, от чего лучше оттолкнуться. Словно не изрытая земля под ногами, а гладкий пол паркета. Девочка бежала молча. Не кричала. Во-первых, есть шанс, что преследователи потеряют её в темноте и тумане. Во-вторых, вокруг пустырь, никто не услышит. В-третьих, берегла дыхание. Если оно собьётся, запыхаешься, и всё... догонят. Они сильнее, выносливее. О, Боже! Только бы не сорваться в котлован. Но зачем, зачем она надела эти туфли!.. С другой стороны, если бы не они, не острые шпильки, она бы была, наверное, уже мертва или что похуже. Господи, помоги, помоги, помоги! Вета бежала. Сердце ухало в груди. Где-то за спиной раздавались проклятия. Затем короткий крик, переходящий в стон. Похоже, кто-то подвернул ногу. Преследуют ли её ещё? Что делать дальше? Девочка дышала всё тяжелее, с бега перешла на быстрый шаг. Невероятно, но ноги совсем не болели. Сердце выскакивало, в боку колото, а вот мышцы не устали. Словно и не

неслась на шпильках по стройке, как загнанная лань. Впереди мелькнула тень. Чуть светлее всего окружающего. Котёнок. Её маленький спаситель. Куда это он? Вета, не раздумывая, повернула за ним. Ага, заброшенный дом. Под снос. Умница, котик. Здесь можно спрятаться, переждать. Никто её не найдёт. Так. Дверь закрыта – есть окно. Лазили не раз. Вета легко подтянулась и перевалилась через подоконник. Перевела дыхание, прислушалась. Тихо. Поднялась на ноги. Спасибо, туфельки, за то, что не подвели. Но, может, вас лучше снять, чтоб двигаться бесшумней. Но нет, босиком наступишь на какой-нибудь гвоздь – и конец. Блин. Не реви! Не реви! Ты даже когда руку ломала не плакала, а тут... Всё кончилось. Всё хорошо... Что это? Где-то внизу скрипнула половица. Свет в подвале. Может, там рабочие. Они ей помогут. Вызовут полицию. У них наверняка есть мобильник. Пожалуйста, пусть это будут рабочие, пусть... Старая лестница скрипела под ногами, перила тяжело вздыхали, когда девочка на них опиралась, им хватало и собственного веса, чужой принимать было невмogu. Дверь распахнута. Впереди – свет. Но не лампа – свечи. Странно. Девочка переступила порог. Перед огромным старым зеркалом стоял человек. Спина к ней. Высокий. Широкоплечий.

– Пожалуйста, помогите, – прошептала Вета, – на меня напали, хотели увезти. Позвоните папе, пожалуйста...

Взметнулись полы длинного плаща. Человек повернулся.

– Вы? – вскрикнула Вета, – отступая назад к двери, но... – каблук подвернулся. Девочка упала, сильно стукнувшись о косяк, попыталась отползти от надвигающейся фигуры... Над ней нависла чёрная тень.

– Что Вы делаете?! Пожалуйста, не на... – рука в перчатке сдавила ей горло. Вета дёрнулась, тщетно старались разжать стальные пальцы. Нет, не стальные... Рукав плаща с треском оторвался. Ногти девочки скользили по гладкой холодной пластмассе. Глаза расширились от ужаса и удушья, но уже почти ничего не видели. Только себя в огромном зеркале. Ноги уже не слушались. Острые шпильки бесцельно царапали пол, отбивали со стен грязную штукатурку. Правильно мужик из джипа боялся за машину. Ресницы трепетали. Как закрывающаяся диафрагма в фотоаппарате. Свет. Тьма. Свет. Тьма. Свет. Какое-то движение... Внезапно зрение сфокусировалось, и Вета закричала. Вернее, попыталась. Жутко, отчаянно. Сознание померкло. Но девочка успела увидеть искажённое злобой красивое личико куклы, искривлённый в полуулыбке кровавый рот и горящие огнём глаза...

* * *

Ночь сверкала огнями. Почти как в Новый год, вот только не праздник это был. Вращались мигалки полицейских машин, скорой помощи. То и дело на улице появлялись люди в камуфляже и с автоматами. Тут и там вспыхивали фонари. Васёна обнимала маму. Та плакала. Папа был на улице. Снаружи. Вместе с другими людьми обыскивал дворы. Пытался с кем-то говорить. Звонил по телефону. Васёне было страшно. Вета потерялась, она не пришла, как обещала, через пять минут, не пришла и через десять. Влада взяла у Васёны телефон и позвонила маме, и вскоре ночь вспыхнула гирляндами мигалок...

Мама не ругалась, не кричала, она просто прижимала Васёну к себе и тихо всхлипывала. Васёна знала, что дальше по улице нашли следы автомобиля и пятна крови. Но думать об этом девочка не могла. Боялась. Чувствовала, что сорвётся и утонет в бездне ужаса и боли. Нельзя думать о плохом. Нельзя. Нельзя! Вета сильная! Вета смелая! Она обещала защитить меня. Она всегда держит слово. «Она вернётся! – губы Васёны беззвучно шевелились, словно производили молитву, – она вернётся. Вернётся! Вернётся!!!»

– Вета! – крик папы ворвался даже в магазин. Мама рванулась наружу. В свете фар со стороны пустыря пошатываясь, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, брела Вета. К груди она что-то прижимала. Васёна бросилась к ней. Грязная, в разорванной футболке и джинсах с сильно оцарапанной шеей, но целая и невредимая Вета обнимала красивую куклу из спектакля.

– Я упала, – тихо проговорила она, – затормозила машина. Я побежала. Не смогла на шпильках, подвернула ногу и скатилась в котлован. Ударилась и... больше не помню ничего. Какие-то кошмары в голове. Очнулась от воя сирен... рядом кукла. Я еле выбралась. Что случилось? Мам, я хочу домой.

– Всё хорошо, милая, всё хорошо! – мама упала перед Ветой на колени, прижала девочку к себе. Папа торопливо ощупывал руки и ноги дочери: «Не больно?» – то и дело спрашивал он. А Васёна стояла рядом. Но смотрела не на Вету. На куклу. Вокруг сверкали габаритные огни, фары, полицейские сирены, но глаза куклы были не красными, они оставались живыми, блестящими от слёз и до боли знакомыми. Золотисто-карими... Точь в точь, как у Веты...

«Сказка – это тоже чья-то жизнь...»

Вопрос о детской книге, ее качестве и социальном предназначении выдвигается в наши дни в число самых главных проблем духовного развития детей. В наши дни, время всеядного потребления телевизионной и прочей массовой культуры, не только дети, но и взрослые все чаще обращаются к литературе, не требующей размышлений.

Сказочная повесть «За вуалью сказки», предназначенная для детей среднего и старшего школьного возраста, заставляет задуматься, вводит читателя в особый, исключительный мир чувств переживаний и эмоциональных открытий. В нем гармонично сочетаются реалистические картины с чудесами волшебного мира. Эта авторская сказка воспитывает в юном читателе добрые чувства, формирует эстетическое мировидение, открывающее ему новый взгляд на мир, который является фундаментом освоения окружающей действительности. Она имеет романтическую направленность, потому в наш прагматичный век может явиться полезным чтением для юного читателя.

Ценно то, что за простой сказочной формой «просвечивает» значительный культурологический пласт, кроется серьезное содержание. Глазами лесного народа – «загорок» – мы видим поведение человека в лесу, где он считает себя хозяином. В подтексте читатель может почувствовать, что гораздо меньше было бы бед и экологических проблем, если бы люди считались и с другими, «истинными» хозяевами леса! Не случайно автор обращается к мифу и фольклору, поскольку в загадочном и необыкновенно интересном мире славян коренится наше мировоззрение. Автор не подстраивается под вкус юного читателя, а ведет его за собой, рассказывая, к примеру, о мире упоминаемого сказочного народа, их обычаях, отношениях с людьми, тем самым знакомит читателя с персонажами мировой мифологии. Обращаясь к сказочному, фантастическому миру, в подтексте автор говорит о современных этнических отношениях, которые сейчас очень актуальны.

Известно, как привлекательно в подростковом возрасте все таинственное, мистическое, необычное, и автор ориентируется на эту особенность читательского восприятия. Сказка написана в традициях «страшилок», которые являются неотъемлемой частью детского фольклора. Юный читатель учится фантазировать, что исключительно важно в наши дни, поскольку психологи с тревогой отмечают у современных подростков отсутствие фантазии, которая является основой творческих способностей и фундаментом креативной личности.

Автор ненавязчиво погружает читателя в фантастический мир, тем самым учит создавать свой собственный и, как сказал поэт, «поверить в то, что сказка – это тоже чья-то жизнь», опираясь на пласт фольклорного творчества, так как произведения сказочного эпоса являются духовными корнями, истоками культурной жизни современного человека.

Ярко и колоритно выписаны действующие здесь как реальные герои, так и персонажи славянской мифологии: леший, русалки, феи. Они оригинальны, имеют свое лицо. Фантазия автора не является оторванной от жизни, она связана с традициями фольклора и мировой мифологии, что и сближает эту сказку с русскими народными, имеющими под собой определенный культурологический фундамент.

Поставленные проблемы – взаимоотношений взрослых людей с детьми, дружбы, любви к родителям – заставляют подростка задуматься над многими вопросами и прочувствовать то, что затруднительно для него или вообще невозможно в повседневной жизни. Сказочная повесть не только развлекает читателя, но и развивает, потому что она – о высоких чувствах, о тех непреходящих ценностях, которые актуальны во все времена – о добре, любви, дружбе, семейных отношениях – о тех духовных ценностях, которые в современном обществе стали дефицитом.

*Кандидат филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической академии
Т. Д. Максимова*

Данил Родионов

За вуалью сказки
Книга 1

Редактор Л. В. Санкина

Иллюстрации автора
Компьютерная верстка, дизайн М. А. Унжаковой

Подписано в печать 01.06.2012
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 6,74
Тираж 100 экз.

КГКУ «Алтайская краевая детская библиотека
им. Н. К. Крупской»
656015, г. Барнаул, пр. Строителей, 21
тел. 61-99-85; e-mail: akdbkru@mail.ru
www.akdb22.ru